ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ЧАСТЬ XVIII.

МОСКВА, 1804.
Въ Университетской Типографіи
у Любія, Гарія и Попова.

Съ одобренія Цензурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

НОЯБРЬ 1804.

№ 21.

ЛИТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Двойни,

или нѣжная дружба двухъ сестеръ.

(Окончанїе.)

На другой день по утру, Вальривъ увидѣлъ въ замкѣ великое смятенїе; узнавъ, что Антонїя очень дурно провела ночь и занемогла жестокою горячкою, онъ пошелъ къ старику, хозяину замка, и объявилъ, что ему было бы крайне прискорбно оставить добрыхъ людей, которые приняли его съ такою благосклонностїю, прежде нежели всѣ успокоятся. Людвиль, испуганный всеобщею печалїю и смятенїемъ, весьма обрадовался, что остается въ домѣ любезной молодой человѣкъ, которой по крайней мѣрѣ одинъ

не похожъ на отчаяннаго. Кто не принимаетъ участія въ общей горести, тотъ чувствуетъ какое-то униженіе, какую-то пустоту душевную, несноснѣйшую, можетъ быть, самой горести; въ такомъ случаѣ надобно притворяться — поступокъ низкой! Изъ сего видно, что эгоизмъ имѣетъ въ себѣ нѣчто подлое, постыдное. Человѣкъ холодный хочетъ скрыть равнодушіе свое подъ наружностію вѣжливости и любезности; но сего недовольно: надобно казаться тронутымъ до глубины сердца — а въ этомъ нельзя успѣть, сколько бы кто ни притворялся. Нечувствительной завидуетъ тѣмъ, которые плачутъ отъ истинной горести, желаетъ самъ подражать имъ и дѣлается страннымъ въ глазахъ ихъ; онъ не понимаетъ ихъ языка, не умѣетъ говорить съ ними, досаждаетъ имъ безъ намѣренія, видитъ свое одиночество, и наконецъ боится быть между печальными. Въ такихъ обстоятельствахъ онъ почитаетъ себя щастливымъ, нашедъ другаго равнодушнаго, при которомъ не имѣя нужды притворяться, отдыхаетъ послѣ долговременнаго, утомительнаго принужденія. И такъ Людвиль съ радостію принялъ предложеніе Вальрива. „Останьтесь съ нами," сказалъ онъ:

„вы крайне одолжите меня; находясь въ великихъ хлопотахъ, я имѣю нужду въ разсѣянiи; мы будемъ проводить вечера за шахматною доскою.“ Старикъ вспомнилъ, что Мюльсень не могъ уже сотовариществовать ему въ игрѣ, по крайней мѣрѣ семь или восемь дней, и внутренно удивлялся непостижимымъ путямъ Провидѣнiя, которое назначило Вальриву быть выброшеннымъ на берегъ Шинделинга, чтобы замѣнить имъ племянника въ важныхъ вечернихъ упражненiяхъ.

Между тѣмъ обѣ сестры, равно любящiя мать свою, не оставляли ее ни на минуту; обливаясь слезами, онѣ ничѣмъ другимъ не занимались, кромѣ своей горести; видя мать свою въ опасности, ни о чемъ другомъ не могли думать; даже забыли о миловидномъ юношѣ, которой наканунѣ казался имъ столь любезнымъ. Прiѣхавшiй ввечеру Лѣкарь нѣсколько ободрилъ печальное семейство, увѣривъ его, что болѣзнь Антонiи неопасна, хотя и будетъ нѣсколько продолжительна. На другой день Антонiи стало гораздо легче, и Лѣкарь поручился въ ея выздоровленiи. Тогда Савинiи вспомнили о молодомъ чужестранцѣ, спросили о немъ и обрадовались, узнавъ, что

онъ находится въ замкѣ. Послѣ обѣда Вальривъ повстрѣчался съ одною изъ нихъ, съ тою, которую полюбилъ; посмотрѣлъ на нее пристально, и желая узнать, кого видитъ передъ собою, съ чувствомъ нѣжнаго участія началъ говорить объ Антоніи. Савинія была живо тронута, и слезы невольнымъ образомъ покатились изъ глазъ ея. „Такъ! это она!“ вскричалъ Вальривъ: „сіи слезы говорятъ мнѣ... это *Савинія на утесѣ*.... та, которая обо мнѣ плакала!“ ... — Сестрица также плакала бы. — „Мнѣ ни до кого другаго нѣтъ нужды; ваша чувствительность драгоцѣнна для меня!“ .... При сихъ словахъ сердце простодушной Савиніи затрепетало; въ первой разъ она ощутила пріятное впечатлѣніе, видя, что ее предпочитаютъ сестрѣ; но сіе движеніе не изумило ее, потому что она не примѣтила онаго. Молодые люди не любятъ предаваться разсужденіямъ, будучи въ сильномъ движеніи; тогда забываютъ они о всѣхъ другихъ чувствахъ, кромѣ того, которымъ одушевляются. Часто упрекаютъ ихъ въ непостоянствѣ — но несправедливо; новое впечатлѣніе не заглаждаетъ прежнихъ, не останавливаетъ ихъ дѣйствія: въ шестнадцать лѣтъ отъ роду, при неопытной невинности,

съ чувствительною душею, съ пламеннымъ воображенїемъ, всѣ движенїя сердца бываютъ пылки, стремительны, и первое очарованїе любви легко ослабляетъ чувство дружбы.

Вальривъ, страстно влюбленный, въ тотъ же вечеръ открылъ тайну свою Людвилю, которой весьма удивился тонкому его искуству разпознавать предметы, столь похожїе одинъ на другаго. Вальривъ былъ молодъ, богатъ и ни отъ кого не зависѣлъ. Людвиль обнадежилъ его, что Мюльсень и Антонїя согласятся на его предложенїе, съ тѣмъ только, естьли онъ поселится въ Шинделингѣ. Старику очень того хотѣлось для собственныхъ видовъ, и Вальривъ обѣщался исполнить его волю. Людвиль еще объявилъ ему, что надобно сыскать жениха для другой Савинїи, потому что Антонїя непремѣнно хочетъ обѣихъ дочерей выдать въ одно время. Вальривъ отвѣчалъ, что у него есть двоюродной братъ, его искренній другъ, молодой, любезной, богатой и свободной отъ всѣхъ обязанностей, и что онъ напередъ за него ручается во всемъ.

На другой день Антонїи стало гораздо легче, такъ, что противъ чаянїя самаго Лѣкаря, она могла встать съ по-

стели и просидѣть въ длинныхъ креслахъ цѣлой день; однакожъ она была еще очень слаба, и хотя находилась въ полномъ умѣ; но не получила еще прежней памяти и не могла хорошо вспомнить о томъ, что происходило въ теченіи предшедшихъ дней. Она проспала все послѣобѣденное время; Савиніи между тѣмъ съ Мюльсенемъ, Лѣкаремъ и Вальривомъ сидѣли у Людвиля. Молодой чужестранецъ ясно видѣлъ, что предметъ любви его чувствуетъ къ нему склонность; но не примѣтилъ впечатлѣнія, сдѣланнаго имъ въ сердцѣ другой Савиніи. Обѣ сестры столь тѣсно были сопряжены между собою, что любовь не могла прикоснуться къ одной, не заразивъ другой; имъ неизвѣстно было даже названіе той страсти, которая вкралась въ невинныя сердца ихъ; онѣ не открывались другъ другу съ видомъ препорученія тайны, но безпрестанно говорили о Вальривѣ. Привыкнувъ мыслить одинаково, для нихъ было не удивительно имѣть однѣ чувства, одинъ языкъ; онѣ съ восторгомъ говорили о Вальривѣ, и еще болѣе полюбили одна другую, видя сходство въ своихъ вкусахъ и склонностяхъ; никогда согласіе столь странное не казалось имъ болѣе достойнымъ похвалы и одобренія. Онѣ равно

любили предметъ, занимавшій ихъ мысли; сестра предпочитаемой Савиніи имѣла причины быть въ семъ пріятномъ обманѣ. Вальривъ, видя ее, часто смѣялся; но узнавъ, не могъ уже равнодушно смотрѣть на нее: она носила на себѣ образъ столь любезный. Онъ смотрѣлъ на нее такими глазами, какими смотрятъ на портретъ обожаемой особы. Въ изображеніи не находимъ прелестей подлинника; но оно всегда мило для насъ. Въ отсутствіи любимой Савиніи, Вальривъ подходилъ къ сестрѣ ея, говорилъ съ нею, чтобы слышать милой голосъ ея, и сей голосъ отзывался во глубинѣ его сердца. Тогда уже онъ не владѣлъ собою, не скрывалъ страстныхъ чувствъ ни въ тонѣ своемъ, ни въ физіогноміи, и не имѣя намѣренія обманывать, приводилъ въ соблазнъ юность неопытную.

Антонія выздоровѣла прежде нежели можно было надѣяться; черезъ нѣсколько дней она совершенно оправилась. Людвиль объявилъ ей и Мюльсеню о предложеніи Вальрива. Старикъ, желая какъ можно скорѣе сочетать любовниковъ, увѣрялъ даже, что Савинія чувствуетъ склонность къ Вальриву. — „А сестра ея?“ прервала Антонія съ живостію. — И для нее есть женихъ, отвѣчалъ Людвиль:

одинъ родственникъ Вальривовъ ищетъ невѣсты молодой, прекрасной и умной, съ которою не соскучилось бы жить въ деревнѣ. Вальривъ ручается, что онъ съ радостїю согласится принять руку нашей Савинїи, потому что онъ уже писалъ къ нему о семъ дѣлѣ и получилъ отвѣтъ удовлетворительный. Нареченной женихъ найдетъ прелестную простоту, которой совсѣмъ не воображаетъ; онъ не требуетъ богатаго приданаго, но получитъ его; сверьхъ всего, жениться на сестрѣ своего друга, онъ почтетъ для себя великимъ благополучїемъ. Антонїя и Мюльсень обѣщали согласиться, ежели дочь ихъ приметъ сїе предложенїе. Савинїя, любимая Вальривомъ, была та самая, которую Антонїя тайно предпочитала, хотя и другую любила съ живѣйшею нѣжностїю; ей было очень прїятно, что Вальривъ умѣлъ выбрать одну изъ сестеръ, не смотря на различїе почти непримѣтное. При семъ случаѣ она замѣтила, что любовь столько же прозорлива, какъ и материнская нѣжность. Антонїя захотѣла въ тотъ же день узнать мысли дочерей своихъ и говорить съ ними порознь. Савинїя, назначаемая для Вальрива, услышавъ вопросы отъ матери, будучи объята удивленїемъ, стра-

хомъ и радостїю, вскричала: „а сестрица?“ Антонїя отвѣчала, что у нее также есть женихъ, молодой, прекрасной, другъ и родственникъ Вальрива; она прибавила, что сей женихъ скоро прїѣдетъ, и что свадьба обѣихъ сестеръ въ одинъ день совершится. Другая Савинїя поблѣднѣла, когда объявили ей о замужствѣ. „Естьли бы у Вальрива также былъ двойнишной братецъ,“ сказала она съ робостїю, то“ . . . Антонїя понятла значенїе сихъ словъ; но думала, что сїе новое впечатлѣнїе удобно можетъ изгладиться и что невинному сердцу нетрудно будетъ полюбить назначаемаго супруга. Юная нещастливица отвѣчала на предложенїе матери съ кроткою покорностїю, похожею на душевное спокойствїе. Антонїя была обманута ею; она не испытала любви. Дѣло казалось оконченнымъ по желанїю. Вальривъ бросился къ ногамъ обожаемой Савинїи; въ первой разъ изъяснился ей въ любви своей со всѣмъ жаромъ пылкой страсти. Вечеръ сей былъ очаровательнымъ для обоихъ любящихся. Вальривъ просилъ позволенїя у своей невѣсты называть ее съ сихъ поръ *Леонїею* (самъ онъ назывался Леономъ): для того,“ онъ говорилъ, „что моя супруга и ея сестра не мо-

гутъ носить одного имени; хотя нѣжная дружба соединяетъ ихъ, но однакожь должно положить различіе между ними." — Позволишь ли? спросила Савинія сестру свою. — „Ахъ!" отвѣчала печальная Савинія: „ты скоро будешь называться именемъ самымъ пріятнѣйшимъ." — Имя *Савиніи* для меня всего дороже. — „Ахъ! тебя отличаютъ уже названіемъ *любимой Вальривомъ*! . . . Хорошо! называйся *Леніею*! . . ." — Произнося слова сіи, она потупила глаза, на которыхъ заблистали слезы. Сестра не примѣтила ея смятенія; она смотрѣла на Вальрива, ничего не видѣла, кромѣ его; приняла имя *Леоніи*, которымъ съ сего времени всѣ стали называть ее. Положено общимъ согласіемъ, чтобы Вальриву въ скоромъ времени съ Мюльсенемъ отправиться въ Женеву за нѣкоторыми нужными бумагами, и для сысканія друга его, котораго должно было привезти съ собою въ Шинделингъ. Въ ожиданіи отъѣзда, онъ проводилъ цѣлые дни вмѣстѣ съ Леоніею. Чтобы удобнѣе разпознать ее, онъ каждое утро подносилъ ей букетъ цвѣтовъ, которой она прикалывала къ груди своей: Савинія также любила цвѣты, но не хотѣла уже украшаться ими. Она убѣгала отъ сестры

своей, подъ предлогомъ, чтобы не мѣшать ей заниматься съ ея любезнымъ; чувствовала въ сердцѣ своемъ несносное мученіе отъ сугубой ревности. Она любила Вальрива, но любила и сестру свою, любила со всею нѣжностію; завидовала ея щастію, но лучше согласилась бы умереть, нежели нарушить его; болѣе всего оскорбляло ее то, что Леонія изключительно предалась любви, не занималась сестрою и предпочитала ей предметъ сполъ новой. Наконецъ ей казалось, что сестра для нее уже не существуетъ, что всѣ связи нѣжной дружбы разорваны; она видѣла свое одиночество, и, къ довершенію нещастія, упрекала себя въ невольной склонности къ Вальриву; почитая оную преступленіемъ, была принуждена скрывать свои томленія и учиться притворству.

Въ одно время, сидя на скамейкѣ въ цвѣтникѣ, она увидѣла идущую мимо садовницу, подозвала ее, посадила подлѣ себя и сказала: „Слушай, милая Марья! сестрица мнѣ не велѣла объявлять тебѣ, которая изъ насъ спасла жизнь твоему сыну; но теперь все перемѣнилось. . . теперь могу открыть тебѣ эту тайну.“ — Пожалуйте скажите; вы меня

тѣмъ очень обрадуете. . . Буду любить васъ обѣихъ; но ту, которая избавила. . . — „Такъ! она рождена быть любимою; ты обязана тѣмъ сестрицѣ.“ — Вашей сестрицѣ? Какимъ же образомъ могу различить ее? — „Теперь уже не трудно разпознать насъ. . . ее зовутъ Леонїею. Савинїя осталась только одна, или лучше сказать, нѣтъ ни одной!“ . . . — Хоть ваша сестрица и перемѣнила имя, но это не помѣшаетъ принимать ее за васъ. — „Нѣтъ, Марья! теперь мы уже не походимъ одна на другую. . . ты можешь узнать ее по букету цвѣтовъ, которой она всегда носитъ на груди, особливо по ея веселости, по свѣжему, полному лицу.“ — По лицу? Но онѣ у обѣихъ васъ такъ прекрасны! . . . однакожь въ самомъ дѣлѣ вы нѣсколько перемѣнились, сдѣлались блѣднѣе. — „Такъ, Марья! хочу, чтобы ты знала свою благодѣтельницу. Прежде я могла скрывать отъ тебя... та или другая, не было въ томъ никакой розницы; теперь я должна уступить Леонїи все право на твою благодарность. . . . Теперь не могу умолчать о томъ, не упрекая себя въ похищенїи чужаго. . . . Однакожь не говори ей, что ты отъ меня это узнала; можетъ быть, она разсердится; ты объявишь ей въ то

время, когда она выдетъ за-мужъ; до тѣхъ поръ храни мою тайну.“ Оканчивая слова сїи, Савинїя встала и вышла изъ сада; задумчивость привела ее къ озеру. Она взошла на утесъ, бросила взоръ на противуположной берегъ, смотрѣла на сидящую подлѣ хижины внуку старой вдовы и весело разговаривающую съ молодымъ пастухомъ, которой сидѣлъ на камнѣ у ногъ ея. Казалось, что онъ забылъ о своемъ стадѣ, не заботился о накормленїи козъ, которыя, бродя по песчаному берегу, тщетно искали обыкновенной своей пищи. „Эта дѣвушка,“ говорила Савинїя, „уже утѣшилась отъ печали о разлукѣ съ сестрою; а я никогда не привыкну думать, мечтать, жить безъ моей любезной подруги. . . . Ахъ! кто могъ бы увѣрить меня, что такая нѣжная дружба нѣкогда будетъ виною мукъ жестокихъ? кто отважился бы сказать мнѣ, что я нѣкогда приду на *утесъ Савинїй* плакать, жаловаться на сестру мою, и терзаться тоскою, ей неизвѣстною? . . . Вотъ мѣсто ея; здѣсь она сидѣла! Мы были неразлучны съ самаго младенчества. . . теперь я одна осталась! Естьли бы она и пришла сюда, я все не увижу *моей Савинїи*; сїи тополи уже перестали быть нашею эмблеммою; утесъ

уже не *нашъ*; онъ принадлежитъ одной Леонїи — такъ, одной ей!... Здѣсь Вальривъ увидѣлъ ее въ первой разъ; здѣсь онъ поклялся любить ее одну. Я теперь чужая на семъ мѣстѣ любезномъ; не буду болѣе украшать его цвѣтами; буду только каждой день приходить сюда... плакать. Сестрица! милая сестрица! ты, которой жизнь была неразлучно сопряжена съ моею! и ты почитаешь себя способною наслаждаться щастїемъ, когда я терплю муки несносныя? Не уже ли надобно изъясниться тебѣ въ моей горести? не уже ли не можешь угадать ее? .... Такъ! помню, что въ самыя первыя минуты твоего щастїя не могла я дѣлить съ тобою восхищенїя: такое движенїе необычайное, противуестественное разрывало узелъ симпатїи, насъ соединявшїй. Нѣтъ! нѣтъ! не возможно! сердце мое не измѣнилось: можетъ ли твое перемѣниться?" .... Такъ размышляла нещастная Савинїя, закрывъ обѣими руками лицо свое, облитое слезами; она не хотѣла смотрѣть на окружающїе предметы, на молодую дѣвушку, на пастуха, которые, казалось, радовались, говоря о взаимной любви, на озеро, живо напоминавшее объ опасности Вальрива, на утесъ и моховую скамейку, на которой

сестры ея уже не было. Будучи объята сими томительными размышленіями, она услышала шумъ человѣка идущаго на берегу. Это былъ Вальривъ, которой искалъ Леонію: увидѣвъ Савинію сидящую на утесѣ и плачущую, ему показалось, что невѣста его воспоминала о первомъ свиданіи и не могла удержать внутреннихъ движеній умиленія. Вальривъ бросился предъ нею на колѣна. Савинія съ трепетомъ произнесла: „не обманывайтесь; это не она!“ Удивленный Вальривъ всходитъ на утесъ, садится подлѣ Савиніи и съ живѣйшимъ участіемъ спрашиваетъ о причинѣ слезъ ея. Савинія, тронутая ошибкою, столь для нее пріятною, и страстнымъ взоромъ, котораго она не могла не замѣтить, отвѣчала сперва однѣми слезами; потомъ сказала, что безпокоится о будущемъ жребіи своемъ и назначаемомъ ей супругѣ, совсѣмъ ей незнакомомъ. Вальривъ съ жаромъ хвалитъ своего друга. „Я уже все это слышала отъ васъ,“ сказала Савинія: „вашъ другъ безъ сомнѣнія добръ и любезенъ; но могу ли нравиться ему? будетъ ли онъ любить меня?“ — Не уже ли въ самомъ дѣлѣ вы сомнѣваетесь? — „Ахъ! я должна сомнѣваться....“ — Милая Савинія! васъ будутъ обожать... — „Никто не

увѣритъ меня въ томъ....“ Вальривъ хотѣлъ еще хвалить своего друга; Савинія вздохнула, не слушала его, встала и сошла съ утеса.

Спустя два дни, Вальривъ и Мюльсень отправились въ дорогу. Сія разлука была крайне прискорбною для Леоніи. Савинія печалилась не менѣе сестры своей; ей казалось, что горесть Леоніи причиною тоски ея.... Но она опять нашла свою подругу — и печаль ея нѣсколько умѣрилась. Леонія такъ горевала, что наконецъ Савинія начала безпокоиться. „Сестрица!“ сказала она: „ты плачешь такъ, какъ я плакала бы, разставшись съ тобою.“ — Ахъ! отвѣчала Леонія: не сравнивай ни съ чѣмъ нашей дружбы. — „Однакожь ты плачешь и тоскуешь, не смотря на то, что Савинія съ тобою.... Этотъ пришлецъ заставляетъ тебя лить слезы. Ахъ! человѣкъ, намъ чужой, нарушилъ наше спокойствіе!...“ Какъ чужой? можетъ ли быть чужимъ для тебя тотъ, кого я люблю?... — „Не знавъ его, я была такъ щастлива!..“ — А теперь? — „А теперь?... Развѣ ты любишь меня по прежнему?“ — При семъ неожиданномъ вопросѣ прискорбное изумленіе изобразилось на лицѣ Леоніи. „Боже мой!“ вскри-

чала она: „сестра моя не видитъ моей нѣжной привязанности! спрашиваетъ меня, люблю ли ее! сомнѣвается во мнѣ! обвиняетъ меня!.... Склонность моя къ Вальриву мучитъ ее!.... Слушай: такъ, я люблю сего молодаго человѣка, о которомъ безпокоилась, прежде нежели увидѣла лицо его, котораго великодушїю удивлялась, прежде нежели знала имя его; люблю юношу добраго, чувствительнаго, который подвергалъ опасности жизнь свою для спасенїя бѣднаго лодочника. Люблю его; но естьли бы твое щастїе, твое спокойствїе требовало отъ меня пожертвованїя сею любовїю, тогда, конечно съ прискорбїемъ, но охотно и безъ усилїй, отказалась бы отъ Вальрива. Жертвуя для тебя всѣмъ, я слѣдовала бы побужденїю непреодолимому, повиновалась бы судьбѣ своей“.... — Сестрица! прервала Савинїя, бросившись въ ея объятїя: прости меня... чувствую, сколько я виновата передъ тобою... — Рыданїя не дали ей кончить. Тщетно Леонїя хотѣла утѣшить ее; чѣмъ болѣе нѣжности она оказывала, тѣмъ болѣе Савинїя терзалась отъ угрызенїй совѣсти. Ей казалось ужаснымъ быть совмѣстницею сестры столь любимой, столь достойной любви; она содро-

галась, помышляя, что должна будетъ провести жизнь свою съ человѣкомъ, котораго не можетъ любить, и котораго безпрестанно принуждена будетъ, для противуположности, сравнивать съ Вальривомъ. Но болѣе всего мучило ее то, что ей надлежало скрывать отъ Леонїи свою тайну. Какъ! говорила она сама себѣ: я обманываю сестру мою, таюсь отъ нее! когда она открываетъ мнѣ душу свою со всѣмъ чистосердечїемъ, я не имѣю къ ней довѣренности!... Увы! ей не нужно притворяться; непорочное сердце ея не имѣетъ ничего скрытнаго... ей ничто не препятствуетъ быть откровенною.... Какъ! сестра моя имѣетъ такїя добродѣтели, которыхъ я не имѣю! похвала сестрѣ моей не можетъ быть похвалою мнѣ! Что я говорю? такая похвала поразила бы меня; я сказала бы: мы уже не походимъ одна на другую... Предавшись симъ томительнымъ размышленїямъ, Савинїя проливала горькїя слезы; печаль, ее пожирающая, столько разстроила ея здоровье, что Антонїя и Леонїя весьма испугались, видя страшную блѣдность и перемѣну на лицѣ ея. Старались узнать о причинѣ ея горести: она отвѣчала, что ожиданїе супруга, ей совсѣмъ неизвѣстнаго, безпокоитъ ее.

Отписали къ Мюльсену и Вальриву о домашнихъ обстоятельствахъ, и убѣдительно просили ихъ возвратиться, какъ можно скорѣе; но особенныя дѣла удерживали ихъ противъ воли. Между тѣмъ Савинія, томимая скрытною тоскою, болѣе и болѣе изнемогала. Сонъ оставилъ ее совершенно; она съ нетерпѣніемъ ожидала того времени, когда Леонія засыпала, чтобы дать свободное теченіе слезамъ, которыя въ день удерживать старалась. Въ одно утро сильной ударъ грома и шумъ вѣтра разбудили Леонію; когда гроза утихла, обѣ сестры пошли въ садъ и очутились въ аллеѣ, ведущей къ берегу озера. Когда онѣ взглянули на утесъ, непонятное движеніе привело въ трепетъ ихъ обѣихъ... Вѣтеръ опрокинулъ тополи, посаженные въ день ихъ рожденія; гордые верхи сихъ милыхъ деревъ, которыя въ глазахъ обѣихъ сестеръ росли, покрывались зеленью, дружелюбно обнимались вѣтвями; теперь держась только одною корою на пнѣ, упали въ озеро, увяли и печально лежали въ водѣ. Савинія, бросившись въ объятія Леоніи, вскричала: „Ахъ, сестрица! какое пагубное предзнаменованіе!“... Чегожъ пугаться? отвѣчала Леонія: развѣ это предвѣщаетъ?... Она не могла кончить, поблѣднѣла, задрожала и сѣла

на травѣ у подошвы утеса. Послѣ долговременнаго молчанія обѣ сестры, взявшись за руки и не говоря ни слова, медленно пошли къ замку. Онѣ вошли въ садъ; Савинія такъ ослабѣла, такъ утомилась, что имѣла нужду отдохнуть въ маленькомъ павильйонѣ, которой обѣ сестры выстроили и которой названъ былъ *Храмомъ щастія*. Онѣ сѣли на лавкѣ. Савинія затрепетала, поднявъ въ верхъ глаза и увидѣвъ надпись. „*Щастія*" . . . слезы не дали ей кончить. . . . „Такъ!" продолжала она: „названіе справедливо; мы нѣкогда наслаждались щастіемъ." . . .

„Сестрица!" прервала Леонія: „можешь ли ты отказываться отъ него, когда я все та же нѣжная сестра твоя, когда все утверждаетъ насъ въ щастливомъ увѣреніи, что мы никогда не разлучимся?... Какая нужда, что перемѣняется наше состояніе? Мы любимъ другъ другъ и будемъ жить вмѣстѣ.... Для чего сердце твое томится?.... Ты плачешь! и ты думаешь, что я не страдаю вмѣстѣ съ тобою? . . . Скрывая печаль свою, ты лишаешь меня правъ моихъ; но не можешь запретить мнѣ чувствовать, томиться, изнемогать, умереть съ тобою." . . . Ахъ! этого уже слишкомъ много! вскричала Савинія, бро-

сившись къ ногамъ сестры своей: узнай слабость мою, преступленіе, угрызенія!... Эта Савинія, которая рада пожертвовать за тебя своею жизнію — эта Савинія, составляющая половину существа твоего, побѣждена чувствомъ неизвѣстнымъ, въ минуту заблужденія разорвала союзъ свой съ тобою. . . . Она позавидовала твоему щастію, сдѣлалась твоею совмѣстницею. . . Повѣришь ли? Когда ты радовалась своею участію, я оплакивала мою долю; когда ты благодарила Небо. . . . (какое злодѣяніе!) я роптала, я печалилась, видя тебя благополучною. . . . Природа сотворила насъ во всемъ похожими одну на другую; я сама отъ себя отдѣлилась. Не понимаю, какимъ образомъ сдѣлалось чудо сіе; но знаю, что оно разтерзало мое сердце, отравило дни мои. . . Слезы потушили любовь мою; я возторжествовала надъ нею, сравнивъ ее съ твоею дружбою; теперь осталось при мнѣ болѣзненное изумленіе и угрызенія, отъ которыхъ ничто не въ состояніи избавить меня. — Рыданія прекратили слова ея; она въ молчаніи обнимала колѣна сестры своей, которая была неподвижна отъ печали и удивленія. Наконецъ Леонія, поднявъ Савинію и прижавъ ее къ груди своей, сказала твер-

дымъ голосомъ: „Хорошо! отрекаюсь отъ склонности, нарушившей спокойствіе дней твоих. не хочу болѣе видѣть чужестранца, раздѣлившаго единство нашихъ мыслей, нашихъ желаній; отказываюсь отъ брака!“ . . . . Что ты говоришь? прервала Савинія: праведное Небо! нѣтъ! ты поразишь меня! . . . пусть возвратится великодушной, чувствительной Вальривъ! я буду почитать его нѣжнымъ братомъ. . . сочетаюсь съ его другомъ; щастіе твое будетъ порукою моего. Твое благополучіе и мое — развѣ не одно и то же? . . . Савинія говорила со всѣмъ жаромъ истиннаго чувства. Леонія не сомнѣвалась въ ея искренности; но сей печальной разговоръ невозвратно лишилъ ея спокойствія. Савинія сначала чувствовала облегченіе, открывъ тайну свою; но скоро, примѣтивъ глубокую задумчивость и сокрушеніе Леоніи, раскаялась въ своей нескромности, и сіе раскаяніе погрузило ее въ ужасную печаль. Лишась покоя, надежды и утѣшенія, нещастная пала подъ бременемъ золъ: кровь ея возпалилась, жестокая горячка въ короткое время приближила ее къ могилѣ. Антонія отправила нарочнаго въ Женеву. Мюльсень и Вальривъ немедленно прискакали въ замокъ. Леонія, блѣдная,

съ разтрепанными волосами, въ глубокомъ молчанїи, два дни неподвижно сидѣла подлѣ постели сестры своей; она не могла плакать, не могла говорить ни одного слова, и ужасное молчанїе прервала только, запретивъ Вальриву входить въ комнату больной и не позволивъ видѣть ее.

Савинїя не лишилась употребленїя памяти своей, и знала, что дѣлается съ нею. Въ самой тотъ день, когда послали за Лѣкаремъ, она захотѣла исполнить должности Христїанскїя, предписываемыя Религїею Протестантскою. Мысль о близкой смерти была для нее ужасною; ей казалось, что Леонїя послѣдуетъ за нею въ могилу. . . Въ одинъ вечеръ, когда Лѣкарь въ первой разъ обнадежилъ въ выздоровленїи больной, Мюльсень уговорилъ Антонїю, чтобы она отдохнула нѣсколько часовъ въ своей комнатѣ; Леонїи также совѣтовали лечь подлѣ постели сестры ея. Савинїя просила ее успокоиться. „Тебѣ нечего бояться, сестрица!“ сказала Леонїя: „когда ты выздоровѣешь, тогда и я буду здорова!“ — Какою непостижимою властїю ты привязываешь меня къ жизни! . . . Могу ли безъ ужаса подумать о смерти? . . . Какїя слѣдствїя! . . . . естьли я умру *вся*! . . . .

что будетъ съ батюшкою, съ матушкою, съ Валѣриномъ? . . . . Ты знаешь, что насъ не переживутъ... Изпуская послѣдній вздохъ, должна буду сказать себѣ: я повлеку за собою въ могилу всѣхъ моихъ любезныхъ. Увы! это будетъ стоить для меня разрушенія вселенной!.. — Надзирательница прервала плачевный разговоръ; подошедъ къ постелѣ, она напомнила обѣимъ сестрамъ обѣщаніе ихъ успокоиться. Савинія умолкла; Леонія положила руку ея въ обѣ свои, закрыла глаза и притворилась спящею. Спустя два часа, она почувствовала пожиманіе отъ хладѣющей руки Савиніиной. . . Въ семъ движеніи Леонія примѣтила выраженіе слабости и такого чувства, которое испугало ее. . . Это было послѣднее изъявленіе дружбы столь совершенной, было послѣднее прощаніе! . . . Рука Савиніи оледенѣла; Леонія издаетъ ужасной вопль, поднимается, отдергиваетъ занавѣсъ и при блѣдномъ свѣтѣ ночной лампады видитъ Савинію умирающую! . . . Пронзительный крикъ Леоніи заставилъ Савинію открыть глаза; Леонія приняла послѣдній взоръ ея, и почитая себя умирающею вмѣстѣ съ сестрою, упала въ обморокъ въ то самое время, когда Савинія изпустила послѣднее дыханіе.

Леонїя, опамятовавшись, увидѣла себя въ объятїяхъ матери; Мюльсень былъ у ногъ ея; она смотрѣла на всѣхъ съ изумленїемъ. „Какъ!“ сказала она: „не ужь ли я жива еще?“ . . . Отецъ ея хотѣлъ увѣрить ее въ несправедливости столь пагубнаго предразсудка, будто смерть сестры ее самую непремѣнно повлечетъ въ могилу; Леонїя кинулась на грудь матери, и не слушала словъ его. Когда Мюльсень пересталъ говорить, Леонїя, поднявшись съ живостїю, произнесла: „Въ дни щастливые мы часто желали, чтобы могила наша была у подошвы утеса, которой носитъ на себѣ наше имя. . . Вчера *она* опять изъявила свое желанїе. . . прошу васъ согласиться на ея послѣднюю волю! . .“. Обѣщались исполнить ея прозьбу. Тогда Леонїя, взявъ Мюльсеня и Антонїю за руки, сказала: „обѣщайтесь мнѣ беречь дни свои. . . . живите одинъ для другаго. . . васъ двое“ . . . — Обѣщайся же и ты, прервалъ Мюльсень, преодолѣть печаль свою, обѣщайся для матери твоей; она постарается забыть свое горе; не уже ли ты захочешь довершить ея нещастїе? . . . — „Ахъ!“ отвѣчала Леонїя: „все свершилось! . . . . матушка оплакала смерть мою, лишась другой дочери“ . . . — Ее положили въ комнатѣ

матери; она во всемъ повиновалась безъ прекословія, чего отъ нее ни требовали. Не смотря на то, чувствительность указывала ей дорогу къ могилѣ; смерть положила на ней печать свою. . . . Леонія не жаловалась ни на что, не говорила ни слова, не показывала никакого желанія, кромѣ одного — никогда не видать Вальрива. Между тѣмъ отецъ и мать, видя, что Леонія не имѣла горячки и принимала пищу, заключили, что молодость ея, нѣжность родительская и любовь со временемъ поселятъ въ ней привязанность къ жизни. Чтобы предотвратить случаи, которые могли бы напомнить ей нещастную сестру ея, закрыли всѣ зеркала въ домѣ, спрятали всѣ уборные столики. На другой день ввечеру Леонія встала съ постели, прохаживалась по комнатѣ, открыла окно въ садъ и, сѣвъ на решеткѣ, печально смотрѣла на *павильйонъ Савиній*. „Ивовая роща," сказала она, „прежде вела ко *храму щастія*; теперь ведетъ къ *могилѣ*!... Вотъ предѣлъ человѣческаго благополучія!... скоро, скоро достигну его!"... Отецъ и мать рѣшились везти Леонію въ Женеву, какъ скоро она оправится, чтобы удалить ее отъ мѣста, напоминающаго ея злополучіе. Леонія согласи-

лась ѣхать на другой же день, и требовала только, чтобы ее посадили съ матерью въ особливой коляскѣ. Ввечеру Лѣкарь предписалъ ей употребленїе ванны; Леонїя пожелала исполнить совѣтъ Врача какъ можно позже, и непремѣнно хотѣла ночевать въ ближнемъ кабинетѣ, чтобы не нарушить спокойствїя матери. Боялись противиться желанїямъ больной въ столь слабомъ состоянїи, и тотчасъ согласились на оныя. Горничная осталась съ нею въ кабинетѣ. Леонїя легла очень поздно. Служанка во всю ночь приготовляла и подавала питье больной, и не прежде, какъ за часъ до разсвѣта, заснула сномъ крѣпкимъ. Леонїя, отдернувъ занавѣсъ, поднялась тихонько, накинула слегка кисейное платье, вышла изъ кабинета, спустилась по скрытной лѣстницѣ внизъ, и очутилась въ саду. Начинало разсвѣтать.

Всѣ предметы, которые видимъ, все, что ни слышимъ послѣ великаго нещастїя, кажется намъ страшною новостїю; горестныя напоминанїя раздираютъ нашу душу. Въ глубокомъ унынїи, также какъ и въ глубокой старости, видимъ предметы въ настоящемъ ихъ образѣ, а это умножаетъ муку. Кто не можетъ уже наслаждаться, тому остается тосковать:

и естьли перемѣна сія произходила не постепенно, естьли не время произвело ее, тогда она ужасна; такая нечаянность тягостна, несносна.

Пріятная свѣжесть утренняго воздуха, раждающійся день, щебетаніе птичекъ, шумъ ручьевъ, окружающихъ замокъ, сдѣлали болѣзненныя впечатлѣнія въ Леоніи. Натура казалась ей также прекрасною, какъ прежде, но самыя прелести ея были ужасны для нещастной... Вошедъ въ ивовую аллею, она затрепетала. . . . . Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ утеса такое уныніе поразило ее, что она принуждена была остановиться, опереться на дерево; она увидѣла гробницу, которая находилась на самомъ берегу озера при подножіи утеса; широкой камень съ надписью, осѣняемый молодымъ кипарисомъ, показывалъ, чей прахъ скрывался подъ онымъ. . . Утесъ представлялъ зрѣлище печальное: на немъ видны были одни остатки прежняго украшенія; розовые кусты увяли, засохли отъ бури, и тополи уже не возвышались надъ моховою *скамьею Савиній*. . . Леонія, насилу переступая, приближается къ гробницѣ, прикасается къ ней, трепещетъ; мѣшается въ умѣ, съ ужасомъ взглядываетъ на утесъ; ей кажется, что взоры

ея проникаютъ во глубину могилы и во мракѣ видятъ бездушный трупъ Савинии! . . . „Здѣсь,“ сказала она слабымъ голосомъ: „здѣсь почїетъ прахъ твой! . . . но здѣсь же безсмертная душа твоя со мною бесѣдуетъ! . . . говори. . . я слушаю.“ . . . Въ сїю минуту Леонїя увидѣла человѣческїй образъ, обернутой въ бѣлое полотно, и выходящїй, какъ казалось, изъ могилы. Это былъ собственной ея образъ, отразившїйся на поверхности озера. . . Она затрепетала; наклонясь къ водѣ, увидѣла — такъ думала она — сестру свою, блѣдную, слабую, со впалыми, погасшими глазами — словомъ, такую точно, какая была Савинїя за нѣсколько минутъ передъ смертью. . . „О Боже! вотъ она! . . . Савинїя! милая сестрица! ты простираешь ко мнѣ объятїя, призываешь меня! . . . скоро, скоро соединюсь съ тобою“ . . . Произнеся слова сїи, Леонїя упала на камень и — скончалась. Спустя не много, Вальривъ, которой каждое утро проводилъ въ печали на утесѣ, приходитъ сюда и видитъ передъ собою зрѣлище ужасное. Леонїя, которая на этомъ самомъ мѣстѣ явилась передъ нимъ въ первой разъ, милая Леонїя, тогда украшенная всѣми прелестями юности и чувствительности, теперь блѣд-

ная, холодная, бездушная! . . . Чело ея, покрытое тѣнїю смерти, показывало еще черты кротости и чистосердечїя; на Ангельскомъ лицѣ ея написана была доброта сердца. Вальривъ въ первомъ жару отчаянїя непремѣнно бросился бы въ озеро — въ которомъ нѣкогда едва не погибъ, но которое всегда было любезнымъ для него напоминанїемъ — естьли бы не удержала его надежда возвратить жизнь Леонїи. Онъ взялъ ее на руки и понесъ въ замокъ; дорогою омывалъ бездушный трупъ горячими слезами и наполнялъ воздухъ воплемъ и жалобами; но онъ принесъ къ неутѣшнымъ родителямъ жертву смерти. Леонїю погребли подлѣ Савинїи. . . Вальривъ уѣхалъ изъ Швейцарїи и никогда не возвращался въ нее. Нещастная Антонїя немедленно послѣдовала въ могилу за дочерьми, и до смерти своей не переставала упрекать себя въ томъ, что безразсудно питала въ нихъ взаимную привязанность до такой степени. Она узнала, но уже очень поздно, что чрезмѣрно страстная любовь, впрочемъ самая непорочная, столько же опасна, какъ и всѣ душевныя движенїя, которыя не умѣряются разсудкомъ. Мюльсень не могъ пережить предметовъ нѣжности своей, похищенныхъ смертїю столь

поспѣшно и такимъ необыкновеннымъ образомъ. Людвиль, всѣми оставленный, умеръ отъ скуки. Естьли бы онъ жилъ для другихъ, то щастливѣе провелъ бы старость свою, и безъ сомнѣнія имѣлъ бы друга, которой закрылъ бы глаза его.

Не станемъ любить такъ, какъ любили Савинїи, потому что мы смертны. . . Не будемъ также подражать и Людвилю, потому что мы имѣемъ нужду въ помощи другихъ и не можемъ жить внѣ общества.

Жанлисъ.

II.

Нѣчто о самолюбіи.

Quid refert quantum habeas? multo illud plus est, quod non habes. *Sen.*

Давно уже замѣчено, что люди стараются хвастаться такими качествами, которыхъ не имѣютъ, болѣе, нежели тѣми, коими въ самомъ дѣлѣ украшаются. Цицеронъ подалъ примѣръ сей слабости. Каждой день представляются намъ подобные же примѣры. Видимъ, что важные люди государственные, отличающїеся глубокими знанїями, умомъ быстрымъ и

проницательнымъ, хотятъ казаться забавниками, между тѣмъ какъ любезные забавники обнаруживаютъ требованія на ученость и свѣдѣнія. Естьли хотите Дамону оказать вѣжливость, не говорите ему, что онъ хорошо одѣтъ, что онъ имѣетъ пріятную наружность, что разговоръ его живъ и разителенъ; нѣтъ, утвердите ему, что никто лучше его не знаетъ выгодъ Дворовъ и всѣхъ Государствъ Европы; говорите ему о знаніяхъ его въ Политикѣ, о дарованіи къ управленію дѣлъ государственныхъ. Лизимонъ есть славной Адвокатъ; онъ знаетъ все полезное и нужное для своей должности, искусно управляетъ оружіемъ умствованій, говоритъ краснорѣчиво и убѣдительно. Недостаетъ только ему тѣлесныхъ совершенствъ; при непріятной наружности, ухватки его такъ неловки, походка столь нерадива, что при первомъ на него взглядѣ трудно повѣрить, что онъ жилъ въ свѣтѣ и получилъ приличное воспитаніе. И чтожъ? Лизимону болѣе всего нравятся наружной видъ его и ухватки; все его честолюбіе стремится къ одной цѣли — казаться прелестнымъ.

Я зналъ одного чиновнаго человѣка, одареннаго здравымъ разсудкомъ, умомъ

основательнымъ, пріятнымъ, и сверхъ того обогащеннымъ многими полезными знаніями. Можетъ статься, онъ не имѣлъ дара блистать и отличаться въ Сенатѣ въ качествѣ Оратора; но былъ отмѣнно способенъ къ дѣламъ, и безъ всякаго сомнѣнія пріобрѣлъ бы себѣ общее уваженіе, когда бы захотѣлъ принять на себя тѣ должности, на которыя порода давала ему право. По нещастію, въ продолженіе учебнаго курса своего случилось ему заглянуть въ нѣкоторыя Медицинскія книги. Съ того времени мой Дюкъ началъ почитать себя Членомъ Факультета, и сдѣлавшись самъ собою Докторомъ, презиралъ своихъ собратій и ставилъ себя выше всего. Одинъ изъ льстецовъ возпользовался симъ смѣшнымъ тщеславіемъ. Онъ притворился страждущимъ именно тою болѣзнію, отъ которой Дюкъ имѣлъ вѣрное лѣкарство и безпрестанно имъ хвастался. Не нужно сказывать, что больной выздоровѣлъ самымъ чудеснымъ образомъ, и имѣлъ двойное удовольствіе въ одно время благодарить своего благодѣтеля за чудесное излѣченіе и за пенсію, которую Дюкъ опредѣлилъ ему.

. . . . . -Tout flatteur
Vit aux dépens de celui qu l'écoute.

Кажется, что женщины, судя по образу ихъ жизни, должны бы менѣе насъ подвергаться сей странности. Ихъ требованія не столько многосложны, не столько разнообразны. Однакожъ Цицерону можемъ противуположить Елисавету. Правда, желаніе казаться прекрасною столь свойственно всѣмъ женщинамъ, что должно извинить Королеву, имѣвшую сію слабость. Совершенно противное видимъ въ тѣхъ, которые отказываются отъ требованій на красоту и прилѣпляются къ славѣ Ученыхъ, для женщинъ не очень надежной. Миртилла съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ отвратила прекрасные глаза свои отъ земныхъ предметовъ и устремила ихъ на свѣтила небесныя, почитаетъ себя Астрономомъ; чтобы заслужить ея вниманіе, надобно говорить съ нею о новой Планетѣ. Эванта, прочитавъ Реомюра, тотчасъ разорвала связи со всѣми своими обожателями и живетъ только съ однѣми бабочками и насѣкомыми.

Впрочемъ, естьли съ одной стороны люди хотятъ славиться такими качествами, которыхъ въ самомъ дѣлѣ нѣтъ въ нихъ, то не должно заключать, что они не уважаютъ тѣхъ, которыя имѣютъ. Напротивъ, они сдѣлавшись по чему-нибудь изъѣстными, всегда оказываютъ

нѣкоторой родъ презрѣнія къ людямъ, которые не могутъ похвалиться достоинствомъ, имъ приписываемымъ. Ученый присвоиваетъ какое-то преимущество передъ человѣкомъ, отправляющимъ должность по Статской службѣ; а сей въ свою очередь, будучи увѣренъ, что его званіе важнѣе всего, почитаетъ ученыя упражненія дѣломъ самымъ легкимъ, или безгрѣшнымъ занятіемъ, или же пустою забавою, иногда довольно пріятною.

Нѣтъ ремесла, которое не поселяло бы сего тщеславія; нѣтъ характера, которой не былъ бы подверженъ сей слабости. Она примѣчается въ людяхъ самыхъ умѣренныхъ и просвѣщенныхъ. Чтобы удостовѣриться, какую важность приписываетъ каждый своему упражненію, довольно сослаться на нѣсколько строкъ предисловія къ книгѣ, подъ названіемъ: *Трактатъ о соловьяхъ*. Авторъ говоритъ: „Я двадцать лѣтъ трудился надъ сочи„неніемъ сей книги. Люди, умѣющіе мы„слить, увѣрены, какимъ великимъ, „чистѣйшимъ удовольствіемъ наслаж„дается тотъ, кто чувствуетъ, что „онъ полезенъ обществу: вотъ цѣль, на „которую должны мы устремлять всѣ „наши дѣянія! Кто по возможности не „старается споспѣшествовать общему

„благу, тотъ, кажется, не знаетъ, что „онъ живетъ на свѣтѣ столько же для „пользы другихъ, какъ для своей собствен„ной. Сіи побудительныя причины заста„вили меня издать *Трактатъ о соловьяхъ.*“ Авторъ далѣе прибавляетъ: „Любовь къ „общему благу, заставившая меня вы„дать въ свѣтъ сіе сочиненіе, не препят„ствовала мнѣ наблюдать, чтобы оно „было писано съ откровенностію, съ „искренностію.“ Послушаемъ Г. Юма: „Превосходство ученыхъ занятій столь „важно въ сравненіи съ прочими упраж„неніями, что люди, которые хотя съ „посредственнымъ успѣхомъ предаются „имъ, пользуются преимуществомъ пе„редъ отличившимися въ дѣлахъ обыкно„венныхъ.“ Не вхожу въ изслѣдованіе точности сего примѣчанія.

Извѣстно, что, не задолго до смерти своей, знаменитый Историкъ получилъ отъ Министра дипломъ на ежегодную пенсію по двѣсти луидоровъ. Любопытно было бы знать, что они оба чувствовали при семъ случаѣ: одинъ, можетъ быть, высокомѣрное покровительство, другой благодарность, смѣшанную съ гордостію. Г. Юмъ не относилъ ли того къ самому себѣ, что написалъ о Мильтонѣ? „Гитлокъ,“ говоритъ сей славный Исто-

рикъ, „вспомнилъ о *какомъ-то* слѣпомъ „*Мильтонѣ* — такъ онъ называлъ его — „и велѣлъ ему перевести на Латинской „языкъ трактатъ со Швецїею. Сіи выра„женїя заставляютъ смѣяться каждаго, „кто вспомнитъ, что Гитлокъ со всѣми „своими титлами, должностями, и, что „болѣе, съ талантами и заслугами „теперь ничего не значитъ въ сравненіи „съ Мильтономъ."

Лордъ Литлокъ, говоря о Мильтонѣ съ такимъ пренебреженїемъ, безъ сомнѣнїя почиталъ себя гораздо выше Поэта. Впрочемъ кто знаетъ, что Мильтонъ съ своей стороны, въ то самое время, когда поручали ему должность столь недостойную его, не возносился предъ тѣмъ, кому долженъ былъ повиноваться? кто знаетъ, что онъ не имѣлъ тайнаго предчувствїя о той степени, которую потомство опредѣлило ему? что онъ предварительно не наслаждался своимъ трїумфомъ? Какой урокъ для людей, которые въ ослѣпленїи своемъ не отдаютъ должной справедливости скромному таланту и оставляютъ его въ небреженїи!

Я замѣтилъ двѣ душевныя склонности, всѣмъ общїя и по видимому противныя между собою: желанїе блистать качествами, которыхъ не имѣемъ, и увели-

чивать достоинство тѣхъ, которыя имѣемъ. Послѣдняя склонность объясняется сама собою; намъ остается только сослаться на нее. Мы любимъ себя во всемъ, что принадлежитъ намъ; хвалить свое ремесло, значитъ хвалить себя самаго. Склонность противоположную упомянутой объяснить нѣсколько труднѣе. Страсть, казаться одаренным качествами, намъ совершенно чуждыми, зависитъ, можетъ быть, отъ эпохи, въ которую, по нашему мнѣнію, мы получили ихъ. Тѣ изъ нихъ, которыя мы имѣемъ въ самомъ дѣлѣ, и на которыхъ основываются нашъ характеръ, нашъ умъ, наши дарованія, укоренились въ насъ въ возрастѣ неспособномъ для впечатлѣній тщеславія. Прочія новы для насъ. Мы употребляли усилія для пріобрѣтенія ихъ въ такое время, когда самолюбіе уже развернулось въ насъ. Сіи поздніе плоды не могли созрѣть, но мы уже въ состояніи были льстить себѣ и удивляться, и потому скрыли сами отъ себя свои слабости.

Какая ни была бы тому причина, но дѣйствіе очевидно; не льзя оспоривать его.

Люди, внутренно сравнивая себя съ другими, обыкновенно вдаются въ двѣ сіи крайности. Напыщенные ребяческимъ тщеславіемъ, мы не хотимъ обращать

вниманіе на прямое наше достоинство, безразсудно присвоиваемъ себѣ дарованія, совершенно чуждыя намъ, и въ то же время уважаемъ въ другихъ тѣ знанія и качества, которыя сами имѣемъ. Странное противурѣчіе! Для чего бы, кажется, не разсудить намъ, что смѣшно имѣть требованіе на превосходство во всѣхъ отношеніяхъ; что величайшіе Геніи не достигли въ томъ своего желанія, что сколь несправедливо, столь же неблагоразумно оказывать пренебреженіе къ тѣмъ, которые не упражняются въ занятіяхъ, чуждыхъ званію ихъ; что мы сами, безъ всякаго сумнѣнія, имѣемъ свои недостатки; и что, можетъ быть, недостаетъ въ насъ качествъ гораздо важнѣйшихъ, нежели тѣ, въ которыхъ недостаткомъ упрекаемъ нашихъ ближнихъ.

(*Изъ Брит. Библіот.*)

III.

Любопытная выписка изъ Химіи Гна Лавуазье.

Когда разогрѣваютъ какое нибудь твердое или жидкое тѣло, то оно прибавляется во всѣхъ своихъ протяженіяхъ, то есть, въ длину, въ ширину и въ вышину

или глубину. Феноменъ сей примѣчается во всѣхъ тѣлахъ безъ изключенія. Когда же тѣло простываетъ, тогда частицы его, раздвинутыя жаромъ, опять сближаются, переходя тѣ же степени растяженія; простынувъ же совершенно, тѣло получаетъ опять прежнее свое протяженіе, которое до опыта оно имѣло. Но какъ неизвѣстна намъ совершенная или такая стужа, которая бы не могла болѣе увеличиваться, то изъ сего слѣдуетъ, что частицы, какого бы ни было тѣла, не могутъ быть совершенно сжаты, и что нѣтъ въ Природѣ ни одного тѣла, котораго бы частицы прикасались одна къ другой. Заключеніе хотя странное, однакожь неопровержимое!

Такимъ образомъ раздвигаемыя теплотою частицы тѣлъ не имѣли бы никакой между собою связи и не было бы ни одного твердаго тѣла въ Природѣ, естьли бы сіи частицы не были удерживаемы другою силою, которая стремится ихъ сжимать и сцѣплять; сія-то сила, какая бы ни была причина оной, названа *притяженіемъ*.

И такъ частицы всякаго тѣла повинуются законамъ двухъ силъ: *отряжательной и притягательной*, между которыми находятся онѣ въ равновѣсіи. Когда первая превосходитъ вторую, то тѣло ста-

новится жидкимъ, потому что частицы онаго отъ теплоты вышли изъ сферы или вихря притяженія своего. Естьли же вторая, то есть притягательная сила будетъ болѣе отражательной, то и тѣло бываетъ твердымъ.

Возмемъ въ примѣръ воду: Когда Реомюровъ термометръ находится ниже точки замерзанія, тогда она бываетъ тѣломъ твердымъ и называется льдомъ. Выше помянутой точки частицы ея теряютъ нѣсколько своей притягательности, и вода дѣлается жидкостію; наконецъ при 80 градусахъ, частицы ея повинуются уже отражательной силѣ жара; вода превращается въ паръ или *газъ*, и становится воздухообразною жидкостію, или влагою. Сіе самое можно приложить и ко всѣмъ прочимъ тѣламъ, въ Природѣ находящимся.

Вещество превосходно упругое, занимающее пустоту между частицами тѣлъ, называется *теплотворнымъ веществомъ* (calorique). Сіе вещество должно быть весьма тонко, поелику проницаетъ оно сквозь частицъ плотнѣйшихъ тѣлъ, подобно какъ песокъ, всыпанный въ дробь, наполняетъ всю пустоту, между дробинами находящуюся, съ тою однакожь разницею, что дробины между собою

прикосновенны, а частицы одного какого нибудь тѣла находятся одна отъ другой въ большемъ или меньшемъ разстоянїи, смотря по свойству тѣла.

Естьли бы находились въ Природѣ только двѣ вышеписанныя силы, то есть, отражательная и притягательная, тогда бы тѣла переходили отъ твердости непосредственно къ кипѣнїю и сдѣлались бы воздухообразными упругими влагами. И такъ вода въ то самое мгновенїе, когда перестаетъ быть льдомъ, начала бы кипѣть, превратилась бы въ воздухообразное вещество, и частицы ея разсыпались бы на неизмѣримое пространство; но третья сила, то есть давленїе атмосферы, противится сему разсѣянїю частицъ, и по сей-то причинѣ вода пребываетъ въ состоянїи жидкости отъ точки замерзанїя до 80 градуса Реомюрова термометра; ибо количество принимаемаго ею теплотворнаго вещества недостаточно для преодолѣнїя давленїя атмосферы. Изъ сего слѣдуетъ, что безъ сей послѣдней силы тѣла въ самое мгновенїе разплавленїя своего, получа еще малѣйшую сверхъ того степень теплоты, разлетѣлись бы врознь. Безъ сей силы не имѣли бы мы также и воздухообразныхъ влагъ; ибо частицы ихъ

разсѣялись бы на безконечное пространство, и ничто бы не могло имъ въ томъ возпрепятствовать, кромѣ собственной ихъ тягости, которая собрала бы ихъ для составленія атмосферы.

Чтобъ сіе доказать, были дѣланы опыты надъ сѣрнымъ эѳиромъ; наполнивъ онымъ стеклянный сосудъ и поставивъ подъ воздушный насосъ, вытягивали воздухъ: тогда эѳиръ начиналъ кипѣть, не ощущая болѣе давленія атмосферы, и превращался въ воздухообразное упругое вещество. Сей опытъ доказываетъ вопервыхъ, что при теплотѣ, въ которой мы находимся, эѳиръ былъ бы въ видѣ газа, или воздухообразнаго упругаго вещества, естьли бы не было давленія атмосферы. Вовторыхъ доказываетъ онъ, что сіе прехожденіе тѣлъ отъ состоянія жидкости къ воздухообразію сопряжено съ великимъ охлажденіемъ, по той причинѣ, что во время выпаряемости (vaporifation) часть теплотворнаго вещества, находившагося въ свободѣ, или по крайней мѣрѣ въ равновѣсіи въ окружающихъ тѣлахъ, соединяется съ эѳиромъ для претворенія его въ воздухообразную влагу. Сей самый опытъ можно дѣлать надъ всѣми удобовыпаряемыми жидкостями, каковы на примѣръ, винный спиртъ, вода и даже самая ртуть.

Сѣрный эѳиръ, о которомъ здѣсь упоминается, есть воспламеняющаяся весьма летучая жидкость, гораздо легчайшая воды и виннаго спирта. — Когда сей эѳиръ бываетъ подверженъ давленїю атмосферы, которое равно давленїю 28 дюймовъ ртути, тогда начинаетъ онъ кипѣть при 32 или 35 град. ртутнаго термометра. — Винный спиртъ кипитъ при 67 град., а вода при 80.

Кипѣнїе есть ничто иное, какъ выпаренїе жидкости и минута прехожденїя оной въ состоянїе воздухообразнаго упругаго вещества.

Теплота крови нашей почти равна теплотѣ эѳира, преходящаго въ воздухообразное вещество. Слѣдовательно эѳиръ, принимаемый внутрь, долженъ превращаться въ пары въ первыхъ путяхъ нашего тѣла; по сему вѣроятно, что свойства сего лѣкарства произходятъ отъ сего почти механическаго дѣйствїя.

Вода, напитанная солью, удобна принимать въ себя гораздо болѣе жару, нежели прѣсная.

Всѣ почти тѣла могутъ существовать въ трехъ разныхъ состоянїяхъ, то есть, быть твердыми, или жидкими какъ вода, или наконецъ воздухообразными. Сїи три состоянїя одного и того же тѣла

зависятъ отъ большаго или меньшаго количества теплотворнаго вещества, которое съ онымъ смѣшивается.

Естьли вмѣсто круглыхъ частей, какъ то мы сказали выше о дроби, положить вмѣстѣ шестигранники, осмигранники, или другія какія правильныя тѣла одинакаго вида и плотности, то пустота между оными не будетъ уже такова, какъ между круглыми, и не можно уже всыпать въ нихъ такъ много песку. Сіе самое должно разумѣть и о всѣхъ тѣлахъ, въ Природѣ находящихся; ибо не всѣ онѣ составлены изъ частицъ одинакихъ, но однѣ изъ круглыхъ, другіе изъ угловатыхъ, и такъ далѣе; слѣдовательно иныя тѣла имѣютъ болѣе пустоты и мѣста для теплотворнаго вещества, а другія меньше. Сіе свойство назовемъ мы *способностію тѣлъ для содержанія въ себѣ теплотворнаго вещества.* Сія способность зависитъ отъ фигуры частицъ тѣла, отъ ихъ величины, отъ разстоянія, въ какомъ находятся онѣ между собою, по отношенію, существующему между притягательною ихъ силою, и отражательною, которую производитъ теплотворное вещество.

Мы назвали теплотворное вещество превосходно упругимъ: сіе значитъ, что

частицы онаго имѣютъ въ вышшей степени способность отдаляться другъ отъ друга, когда какая нибудь сила принудитъ ихъ сблизиться.

Вода не можетъ быть сжата въ состояніи жидкости; но будучи приведена въ воздухообразное вещество, становится она удобосжимательною, какъ воздухъ или иная какая воздухообразная влага.

Жаръ, разсматриваемый какъ ощущеніе, или *жаръ чувствительной*, есть ничто иное, какъ дѣйствіе на наши органы теплотворнаго вещества, переходящаго изъ окружающихъ насъ тѣлъ. Вообще же не иначе можемъ ощутить сей жаръ, какъ черезъ какое нибудь движеніе; и такъ можно принять за аксіому, что *гдѣ нѣтъ движенія, тамъ нѣтъ и ощущенія.* Общее сіе начало очень естественно можно приложить къ чувствованію стужи или жара. Когда мы дотронемся до холоднаго тѣла, то теплотворное вещество, стремящееся придти въ равновѣсіе во всѣхъ тѣлахъ, переходитъ изъ руки нашей въ осязаемое нами тѣло, и мы чувствуемъ тогда холодъ. Противное сему бываетъ, то есть ощущеніе теплоты или жара, когда прикоснемся мы къ теплому, или горячему тѣлу; въ семъ случаѣ теплотворное вещество переходитъ изъ онаго

въ нашу руку. Когда же осязаемое наши тѣло имѣетъ равное количество теплотворнаго вещества съ нашею рукою, тогда мы ни тепла, ни холоду не ощущаемъ, потому что нѣтъ прехожденія теплотворнаго вещества, *нѣтъ движенія*, и слѣдовательно *нѣтъ ощущенія*.

Мы называемъ *свободнымъ теплотворнымъ веществомъ* такое, которое ни съ чѣмъ не смѣшано. Но поелику мы окружены тѣлами, съ которыми теплотворное вещество находится въ связи, то и слѣдуетъ изъ сего, что теплотворное вещество никогда совершенно свободно у насъ не бываетъ, и мы получить его чрезъ опыты не можемъ.

Смѣшанное теплотворное вещество есть то, которое заключено въ тѣлахъ и какъ бы приковано къ нимъ, силою сродства или притяженія, и которое составляетъ часть ихъ существа и даже плотности.

Удѣльное теплотворное вещество есть то количество теплотворнаго вещества, которое потребно для возвышенія къ равной степени теплоты многихъ разнаго рода тѣлъ, но одинакаго вѣса. Разныя пустыя пространства, находящіяся между частицами тѣлъ, отъ меньшей или большей близости и вида ихъ, называются, какъ мы уже выше сказали, спо-

собностїю для содержанїя теплотворнаго вещества.

Когда термометръ поднимается, то сїе доказываетъ, что находится свободное теплотворное вещество, которое разливается по окружнымъ тѣламъ; термометръ, будучи самъ въ числѣ сихъ тѣлъ, получаетъ также свой участокъ изъ онаго, смотря по своей массѣ и пространству, оставляемому его частицами для принятїя теплотворнаго вещества.

Упругость есть ничто иное, какъ свойство, которое имѣютъ частицы тѣла, удаляться другъ отъ друга, когда ихъ принудишь сжаться. Теплотворное вещество, какъ мы уже замѣтили выше, одарено симъ свойствомъ въ вышшей степени, а за нимъ слѣдуютъ всѣ прочїя воздухообразныя вещества. Всѣ тѣла содержатъ въ себѣ болѣе или менѣе теплотворнаго вещества, слѣдовательно всѣ тѣла болѣе или менѣе упруги. Въ воздухообразныхъ веществахъ сїя упругость или стремленїе частицъ, удаляться одна отъ другой, простирается на весьма далекое разстоянїе. Сїе доказываетъ намъ воздухъ, которой весьма удобосжимателенъ; изъ чего слѣдуетъ, что частицы его и такъ уже весьма далеко другъ отъ друга находятся; но не взирая на то,

сіи частицы стремятся удалиться еще болѣе. Естьли посредствомъ воздушнаго насоса сдѣлаешь пустоту въ весьма пространномъ рецепіентѣ, то послѣднія частицы воздуха, оставшіяся въ ономъ сосудѣ, разольются равно по всему пространству онаго, какъ бы велико оно ни было; онѣ наполнятъ весь сосудъ и станутъ давить внутреннія его стѣны. Сіе не иначе можно изтолковать, какъ положивъ, что частицы воздуха силятся во всѣ стороны удаляться; разстояніе же, гдѣ положенъ предѣлъ сему феномену, не извѣстно.

Изъ сего можно было бы съ нѣкоторою справедливостію заключить, что частицы теплотворнаго вещества другъ друга отталкиваютъ и одарены превосходно-отражательною силою; но весьма трудно понять, чтобъ между такими малыми частицами могла существовать толь великая и на безпредѣльное разстояніе дѣйствующая отражательная сила; гораздо сообразнѣе съ несовершенствомъ нашихъ познаній сказать, что теплотворное вещество сообщаетъ отражательную силу частицамъ тѣлъ.

Изъ всего сказаннаго выше о произхожденіи газовъ и воздухообразныхъ влагъ, можно легко понять, какимъ образомъ со-

ставились атмосферы планетныя, а особливо земная. Сія послѣдняя должна состоять изъ всѣхъ веществъ какъ твердыхъ, такъ и жидкихъ, которыя могутъ быть приведены въ пары и въ воздухообразныя вещества при теплотѣ, въ которой мы живемъ, и при давленіи, равномъ столпу ртути вышиною въ 28 дюймовъ.

Естьли бы мы были перенесены въ страну гораздо ближайшую къ Солнцу, на примѣръ въ планету Меркурія, гдѣ обыкновенная теплота несравненно превосходитъ жаръ кипящей воды, тогда бы скоро наша вода и всѣ жидкости, даже самая ртуть, превратились въ воздухообразныя вещества, и поднявшись вверьхъ въ видѣ паровъ, смѣшались бы съ атмосферою. Сіи новые воздухи соединялись бы съ тѣми, которые до того уже существовали; отъ чего начали бы происходить разныя смѣшенія и разложенія, и продолжались бы до тѣхъ поръ, пока всѣ сродства (affinités) были бы удовлетворены; тогда начала, составляющія сіи различные воздухи или газы, наконецъ бы успокоились. Должно замѣтить, что сіе самое выпареніе тѣлъ имѣло бы свои предѣлы; ибо по мѣрѣ накопленія упругихъ влагъ возрастала бы и тягость атмосферы, и наконецъ давленіе ея пре-

кратило бы выпареніе, потому что самыя удобовыпаряемыя вещества могутъ при весьма сильномъ жарѣ не превращаться въ пары, естьли сила давленія превзойдетъ силу жара. Наконецъ, поелику всѣ жидкости и самая даже вода могутъ въ извѣстной Папиновой машинѣ претерпѣть жаръ, удобный ихъ разкалить, то изъ сего можно понять, что новая атмосфера дошла бы до такой тягости, что вода, не успѣвшая до того придти въ пары, перестала бы кипѣть и пребыла бы въ томъ состояніи, въ которомъ мы теперь ее видимъ; такимъ образомъ тягость атмосферы не могла бы простираться за извѣстный предѣлъ. Сіе положеніе можно бы простереть еще далѣе и заключить, что естьли бы земля наша была перенесена на мѣсто Меркурія, то бы тогда наши камни, соли и большая часть другихъ плавимыхъ веществъ, смягчась, потекли бы какъ вода. — Напротивъ того естьли бы мы были перемѣщены въ страну солнечной нашей системы, гораздо хладнѣйшую той, въ которой теперь живемъ, тогда бы вода, составляющая теперь наши моря и рѣки, также и большая часть другихъ изъѣстныхъ намъ жидкостей, превратились въ твердыя горы и въ камни,

подобные горному хрусталю; сначала сіи камни были бы прозрачны, но въ послѣдствіи, смѣшавшись съ разнородными веществами, сдѣлались бы непрозрачными и разноцвѣтными.

Тогда бы нашъ воздухъ, или по крайней мѣрѣ часть составляющихъ его воздухообразныхъ влагъ, безъ сомнѣнія перестали бы существовать въ теперешнемъ ихъ видѣ, но отъ недостатка теплоты превратились бы въ текущія жидкости, подобныя нашей водѣ, но притомъ такія, о которыхъ мы теперь не можемъ имѣть никакого понятія.

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что поелику тѣла могутъ пребывать въ троякомъ состояніи, то есть быть твердыми, жидкими и воздухообразными, то легко можетъ статься, что въ нашей атмосферѣ находятся тѣла и весьма отъ природы плотныя, и даже самые металлы, и что металлическое вещество, которое, на примѣръ, было бы летучѣе ртути, имѣло бы сію участь и носилось бы въ нашей атмосферѣ въ видѣ паровъ.

И такъ должно заключить, что атмосфера наша состоитъ изъ разныхъ упругихъ воздухообразныхъ жидкостей, или влагъ, которыя носятся слоями въ разсужденіи взаимной ихъ тягости.

Легчайшія, поднявшись выше атмосферическаго воздуха, плаваютъ надъ нимъ, однѣ отдѣленно, а другія сложенно съ иными, смотря по удобности ихъ или совершенной невозможности смѣшиваться съ другими тѣлами; ибо нѣкоторыя, какъ на примѣръ, винной спиртъ и вода, могутъ смѣшиваться между собою во всѣхъ соразмѣрностяхъ; а другія, какъ ртуть, вода и масло, напротивъ того, смѣшиваются только на одно мгновеніе и немедленно раздѣляются, занимая каждое свое мѣсто, смотря по тягости ихъ. Весьма вѣроятно, что не только въ первобытныя времена, но даже и нынѣ ежедневно дѣлаются такіе газы, которые по свойству своему весьма трудно смѣшиваются съ атмосферическимъ воздухомъ и отъ онаго отдѣляются. И такъ естьли сіи газы легче атмосферическаго воздуха, то они сообщаются въ вышнихъ странахъ, и тамъ плаваютъ надъ онымъ. — Феномены, сопровождающіе огненные метеоры, склоняютъ меня вѣрить, что вверху атмосферы существуетъ слой воспламеняющейся жидкости, и что при точкѣ прикосновенія сихъ двухъ слоевъ воздуха дѣлаются Сѣверныя сіянія и прочія воздушныя огненныя явленія.

IV.

Свѣтъ.

Переводъ (*).

Свѣтъ есть театръ, люди Комедїанты; нечаянности сочиняютъ пїесу; Фортуна разпредѣляетъ роли; Богословы управляютъ кулисными машинами, а Философы зрителями. Богатые занимаютъ ложи, могущїе амфитеатръ, а партеръ остается для нещастныхъ. Женщины обносятъ кругомъ для угощенїя сладкїя закуски, а заслужившїе отъ Фортуны немилость за кулисами снимаютъ со свѣчей. Глупости составляютъ оркестръ, а время опускаетъ занавѣсъ. — Пїеса называется: *Свѣтъ хочетъ разсѣянности, слѣдовательно и растоститель*. — Сїя пїеса начинается слезами и вздохами. Въ первомъ дѣйствїи появляются химерическїя намѣренїя людей. Одни хлопаютъ въ ладоши; другїе улыбаются, показывая тѣмъ одобренїе свое, а мудрецы освистываютъ пїесу. — За входъ у дверей платятъ монету, называемую *скорбь*, а для полученїя мѣста берутъ билетъ за печатью

(*) Сїя статья сообщена отъ неизвѣстной особы.

заботы. Представляющаяся перѣмѣна предметовъ малое время веселитъ зрителей; но развязка Комедіи, хорошо или дурно вымышленная, смѣшитъ Философовъ. — Тамъ видны страшные великаны, мгновенно претворяющіеся въ Пигмеевъ, и карлы, дѣлающіеся вдругъ исполинами. — Тамъ видны еще люди, старающіеся по видимому принимать всевозможныя мѣры и предосторожности, чтобъ найти настоящую дорогу, которая вела бы къ цѣли ихъ намѣреній; но въ сіе самое время вертопрахи и безпечные люди достигаютъ до пристани блаженства.

Вотъ, однимъ словомъ, *Комедія свѣта сего;* кто хочетъ на просторѣ утѣшаться оною, тотъ пусть сядетъ въ уголокъ, изъ котораго могъ бы онъ свободно смотрѣть, не будучи самъ видимымъ; тогда можетъ онъ смѣло смѣяться, сколько зрѣлище сіе того достойно.

V.

Эпиграмма.

Примѣру слѣдуя ученаго народа,
Клеонъ спѣшитъ свои творенья въ свѣтъ издать.
Чтожь противъ этого сказать?
Пріятно въ кучку всѣхъ дѣтей своихъ сбирать,
Пріятно съ милою семьею обитать;
Но, по нещастію, *въ семьѣ не безъ урода!*

VI.

Смѣсь.

Когда Геллертъ былъ представленъ Фридерику II, Король, поговоривъ сперва о его здоровьѣ, достаткѣ и сочиненіяхъ, просилъ Поэта прочесть одну изъ его басенъ. Геллертъ тотчасъ удовлетворилъ желаніе Государя слѣдующимъ образомъ:

Одинъ Аѳинскій Живописецъ, которой трудился болѣе для славы, нежели для денегъ, изобразилъ на картинѣ Марса такъ удачно, что всѣ боги узнали бы въ немъ щастливаго любовника Венеры; но Гомеръ не узналъ бы въ немъ бога брани. Не смотря на то, Художникъ былъ доволенъ своимъ произведеніемъ и удивляла-

ся ему отъ всего сердца. Въ то самое время входитъ одинъ знатокъ въ его рабочую. „Очень кстати!“ говоритъ Живописецъ: „ты скажешь мнѣ свое мнѣнїе о моей картинѣ.“ — Съ охотою, отвѣчаетъ знатокъ — вотъ оно: члены сдѣланы очень нѣжными, лицо Героя походитъ болѣе на женское; краски набросаны очень слегка; словомъ, въ твоемъ Марсѣ я вижу настоящаго Адониса. — Живописецъ противорѣчитъ и старается оправдать свою работу; знатокъ утверждаетъ свое мнѣнїе; Художникъ досадуетъ. . .

Въ продолженїе спора, является молодой человѣкъ съ пучкомъ цвѣтовъ въ рукѣ, поднявъ голову вверхъ и напѣвая пѣсенку. Взглянувъ на картину, онъ восклицаетъ: „Боги! какая кисть! какое произведенїе! съ какимъ вкусомъ написана эта нога! съ какимъ искуствомъ округлена рука! шлемъ, щитъ, оружїе — все совершенно, неподражаемо! это Марсъ, настоящїй Марсъ!“ . . . При сихъ словахъ Живописецъ, въ стыдѣ и замѣшательствѣ оборотясь къ знатоку, сказалъ: „ты правъ!“ и взявъ губку, стеръ изображенїе. . .

Король. Какоежъ нравоученїе изъ этой басни?

Геллертъ. Писатель можетъ досадовать на безпристрастную критику людей умныхъ; но естьли, по нещастїю, глупцы похвалятъ его, тогда онъ непремѣнно долженъ сжечь свое сочиненїе.

Король. Справедливо. Ваша басня мнѣ очень нравится.

*

Въ одномъ нумерѣ Парижскаго Журнала объявляется что, „Господинъ Дю-Петит-туаръ, членъ семейства, сколько извѣстнаго Публикѣ по глубокимъ знанїямъ въ Естественной Исторїи, столько достойнаго общаго уваженїя по всѣмъ добродѣтелямъ, украшающимъ истинныхъ сыновъ отечества, — Господинъ Дю-Петитуаръ, братъ знаменитаго Аристида Французскаго, славно скончавшаго животъ свой при Абукирѣ, предпринялъ" — чтобы, вы думали, онъ предпринялъ? — „доставить въ Парижской Музеумъ Естественной Исторїи *уродливаго котенка*, недавно вдѣ-то родившагося!"

*

Въ нѣкоторыхъ Французскихъ и Нѣмецкихъ газетахъ объявляется отъ одной Дамы о потерянныхъ вещахъ. Для нашихъ Читателей, разумѣющихъ Французской языкъ, выписываемъ объявленїе отъ слова до слова:

L'avés-vous vu
Mon chien perdu?
C'eſt la plus belle bête,
Seul helas! il n'eſt pas perdu,
Car j'ai perdu — ma tête. —
Par amitié,
Prenés pitié
De ma tête & de ma bête!

❋

Живописецъ Вернетъ однажды посѣтилъ Вольтера. „А! Господинъ Вернетъ!“ вскричалъ Фернейской мудрецъ: „вы безсмертны! ваши краски, яркія, блестящія, живыя, возвѣстятъ позднему потомству о вашихъ дарованіяхъ!“ — Мои краски, отвѣчалъ Художникъ, не стоютъ вашихъ *чернилъ*.

❋

Съ нѣкотораго времени въ Германіи много говорятъ о Мнемоникѣ или Наукѣ изострить память. Вотъ что пишутъ о ней изъ Лейпцига: „Недавно былъ у насъ Г. Лиценціатъ Дюшетъ, намѣревающійся путешествовать по Германіи для показанія опытовъ Мнемоники, изобрѣтенной Гм. Аретенемъ. Онъ удивлялъ во многихъ мѣстахъ своимъ искуствомъ, и въ здѣшнемъ Музеумѣ дѣлалъ непостижимые опыты: онъ сказывалъ наизусть вдругъ восемь разныхъ писемъ — изъ которыхъ

пять на Нѣмецкомъ языкѣ, одно на Французскомъ, одно на Италїанскомъ, и одно на Латинскомъ — и на каждое читалъ свой отвѣтъ; сперва онъ прочитывалъ, почти отъ слова до слова, первые перїоды каждаго письма, потомъ вторые, и такъ далѣе. Особливаго вниманїя достойно, что всемъ Господъ, по собственному ихъ увѣренїю, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ въ одно время прислали къ нему упомянутыя письма; потомъ Г. Дюшетъ по требованїю присутствующихъ читалъ многїя мѣста изъ Библїи. Въ другихъ городахъ онъ показывалъ опыты не менѣе удивительные. — Не трудно догадаться, что здѣшнїе жители очень полюбили Мнемонику и всячески стараются снять завѣсу, покрывающую таинственное изобрѣтенїе Гна. Аретеня. Мы не смѣемъ объявить своего мнѣнїя о семъ чудесномъ открытїи." И мы, Издатели Вѣстника, находимся въ крайнемъ недоумѣнїи, что должно заключить о сей Наукѣ. Скажемъ только, что Г. Дюшетъ есть Апостолъ Г. Аретеня, посланный отъ него для убѣжденїя опытами невѣрующихъ и сомнѣвающихся въ истинѣ сего преполезнаго открытїя. Онъ между прочимъ имѣетъ препорученїе собирать отъ доброхотныхъ дателей по четыре червонца для споспѣшествованїя

къ предполагаемому изданію книги, въ которой достаточно объясняются всѣ способы сдѣлать память чрезвычайно острою и переимчивою. Говорятъ, что Г. Дюшешъ намѣренъ обрадовать Россію своимъ прибытіемъ, объявить намъ благосклонное приглашеніе воспользоваться сокровищами Мнемоники, и превратиться въ подвижныя архивы и библіотеки.

*

Одинъ Проповѣдникъ въ Л. . ., назадъ тому нѣсколько лѣтъ, поучалъ народъ о чувствахъ души человѣческой. Въ первой части слова онъ говорилъ о зависти, во второй о тѣхъ чувствахъ, которыя должны Христіане взаимно питать другъ къ другу. Отъ зависти онъ перешелъ ко мщенію, и продолжалъ слѣдующимъ образомъ: „Убѣгайте мщенія, любезные слушатели! слѣдуйте примѣру кроткаго Авеля. Онъ не мстилъ брату за смерть свою, помня слова Спасителя: *любите враги ваша, благословите клянущія вы*, и проч.“ — Тотъ же Священникъ въ другое время проповѣдывалъ о *пользѣ блаженства!*

ПОЛИТИКА.

I.

Первые годы Царствованія АЛЕКСАНДРА I.

Внезапное превращеніе Французскаго правленія изъ Республиканскаго Консульскаго въ Монархическое подтвердило давно уже всѣми признанную истину, что государство обширное и великое не можетъ и не должно быть Республикою. Чѣмъ оно болѣе, тѣмъ вреднѣе для него образъ Республиканскаго правленія.

Не имѣя пророческаго дара, можно было напередъ отгадать съ Математическою точностію, что спокойство и тишина тогда только во Франціи будутъ прочны, когда опять возстановится въ ней власть самодержавная, основанная на законахъ. Кажется, что Франція, въ которой умы столь долгое время кружились въ вихрѣ буйства и крамолы, теперь приходитъ въ себя посредствомъ возстановленія Монархической власти, и примѣромъ своимъ подаетъ важное наставленіе прочимъ націямъ, что народъ тогда только наслаждается истинною свободою

и щастїемъ, когда онъ повинуется своимъ Государямъ, когда хранитъ взаимную любовь между собою и единодушїе, когда чтитъ древнїй образъ своего правленїя.

Гдѣ господствуютъ тишина и спокойствїе; гдѣ земледѣлїе, торговля и промышленность подаютъ другъ другу руки; гдѣ Правитель и граждане согласно текутъ путемъ своимъ; тамъ народъ благоденствуетъ подъ мудрымъ правленїемъ. Благополучна страна, въ которой всѣ безъ изъятїя пользуются гражданскою свободою, въ которой Государь и подданные исполняютъ взаимныя обязанности, въ которой Глава государства печется о своемъ народѣ, занимается благомъ его и нуждами, любитъ его съ отеческою нѣжностїю и старается привлечь къ себѣ его преданность нелицемѣрную; щастлива страна, въ которой подданные неограниченно повинуются своему доброму, справедливому Монарху, покровителю законовъ, отцу отечества — повинуются и благоговѣютъ предъ нимъ съ чувствомъ дѣтской приверженности; щастлива страна, въ которой каждой гражданинъ, каждой членъ великаго семейства наслаждается полнымъ обладанїемъ собственности; въ которой всѣ сословїя народа равно пользуются защитою законовъ противъ

самопроизвольнаго оскорбленія; въ которой каждой увѣренъ въ своей безопасности; щастлива страна, въ которой дарованіямъ и заслугамъ — не одной породѣ, не однимъ частнымъ преимуществамъ — открыть путь ко всѣмъ должностямъ и званіямъ государственнымъ! Столь благоустроенное Государство есть — Россія подъ кроткою Державою АЛЕКСАНДРА Перваго.

Какой трудной подвигъ предлежитъ для Писателя, которой захотѣлъ бы подробно изобразить всѣ благодѣянія Всероссійскаго МОНАРХА, щедро излїянныя на народъ въ продолженїе трех-лѣтняго ЕГО Царствованія, и нынѣ безпрестанно изливаемыя! Да позволено мнѣ будетъ предложить здѣсь только нѣкоторые примѣры, почерпнутые изъ Исторіи неутомимой жизни милосердаго Государя; они должны убѣдить каждаго въ величіи всеобъемлющаго духа, въ добротѣ человѣколюбиваго сердца нашего МОНАРХА, ревностно пекущагося о благѣ Своего народа.

Извѣстно всѣмъ, что война угрожала Сѣверу въ то время, когда АЛЕКСАНДРЪ возшелъ на Престолъ Всероссійскій. Уже Англійскіе флаги развѣвались на Балтійскомъ морѣ, и отважный Герой Абукирскій готовъ былъ явиться близь Ревеля. АЛЕКСАНДРЪ умѣлъ отвести грозу отъ

предѣловъ Государства, не обнажая меча, утвердить миръ прочный, непостыдный для достоинства ЕГО великой Имперіи. ЕГО мудрая Политика не только потушила пламень войны при самомъ началѣ, но даже заключила выгодной трактатъ, котораго слѣдствія столь важны. Тишина и согласіе соединили двѣ сильныя Монархіи, и торговля между Россіею и Англіею съ того времени процвѣтаетъ болѣе и болѣе.

Уничтоживъ Тайную Экспедицію — достойный памятникъ вѣковъ варварскихъ — ОНЪ освободилъ подданныхъ Своихъ отъ сего ужаса виновныхъ и невинныхъ. Нынѣ преступникъ и невинно обвиняемый властію закона призываются къ суду, выслушиваются, обвиняются или освобождаются; нынѣ пытка есть слово безъ значенія въ Россіи.

АЛЕКСАНДРЪ зналъ, что испытанные въ вѣрности къ Престолу, посѣдѣвшіе въ службѣ Государственной Министры суть драгоцѣнныя перла въ Скипетрѣ самодержавія; ОНЪ зналъ, сколь полезно, сколь спасительно утвердить права Сената — и утвердилъ оныя Высочайшимъ Указомъ. Мудрость и правда предстоятъ сему почтенному Сословію. Опытность, честность, любовь къ Отечеству, управ-

ляютъ его дѣйствїями; духъ ябеды и пристрастїя не смѣетъ показаться въ семъ Святилищѣ.

Дворянство получило прежнїя свои права — что я говорю? оно осыпано новыми благодѣянїями, одарено новыми преимуществами.

Великодушный МОНАРХЪ обратилъ милостивое око на поселянъ, облегчилъ участь угнетенныхъ, положилъ основанїе новому сословїю свободныхъ земледѣльцевъ и удостоилъ высокимъ Своимъ ободренїемъ Дворянъ благомыслящихъ и безкорыстныхъ, споспѣшествовавшихъ къ исполненїю сего важнаго узаконенїя. Такимъ образомъ АЛЕКСАНДРЪ I открылъ способы Россїянамъ содѣлаться достойными свободы прилѣжанїемъ, любовїю къ порядку и благочинїю.

Въ провинцїяхъ Эстляндскихъ и Лифляндскихъ, такъ называемая барщина была весьма отягощительна для земледѣльцевъ и даже постыдна для человѣчества: человѣколюбивый ИМПЕРАТОРЪ утвердилъ права ихъ, облегчилъ бремя ихъ — сколько позволили политическїя и нравственныя обстоятельства. Многїе помѣщики благомыслящїе давно уже занимались предначертанїями для освобожденїя крестьянъ отъ нѣкоторыхъ повин-

ностей безъ ущерба собственныхъ выгодъ; АЛЕКСАНДРЪ одобрилъ благоразумныя ихъ распоряженія. Теперь поселянинъ въ упомянутыхъ Губерніяхъ добрымъ поведеніемъ и трудолюбіемъ можетъ пріобрѣсть собственное имущество, спокойно владѣть имъ, можетъ купить поле, и платить своему владѣльцу только поземельную подать. Теперь корыстолюбивый деспотъ уже не вытѣснитъ земледѣльца изъ собственнаго его жилища, для удовлетворенія своей жадности, и семейство его не превратитъ въ праздную домашнюю челядь. По волѣ МОНАРХА учрежденная Коммисія для облегченія участи притѣсненныхъ поселянъ Лифляндскихъ и Эстляндскихъ и для точнаго означенія правъ и повинностей владѣльцевъ и крестьянъ, уже освободила отъ нещастнаго положенія цѣлыя тысячи народа и сдѣлала земледѣльца полезнымъ членомъ Государства. Узаконенія АЛЕКСАНДРА I дали новую жизнь обѣимъ Губерніямъ.

МОНАРХЪ открылъ Государственныя сокровища съ щедростію прямо Императорскою для учрежденія Университетовъ и другихъ Училищныхъ Институтовъ; ЕГО милостивыми ободреніями призваны въ Россію многіе Ученые мужи изъ странъ отдаленныхъ. ОНЪ даетъ Россіи столь

необходимую для прочнаго благосостоянія ЕГО подданныхъ, Книгу законовъ; для составленія оной, ЕГО прозорливостію избраны такіе Мужи, отъ дѣятельности которыхъ и свѣдѣній непремѣнно надлежитъ надѣяться желаемаго успѣха.

Науки и Художества процвѣтаютъ подъ благодѣтельнымъ, кроткимъ, милосердымъ правленіемъ Мудраго АЛЕКСАНДРА; внутренняя тишина и спокойствіе вознесли оныя на степень высокую. Благоразумнымъ узаконеніямъ относительно книжной цензуры Публика обязана многими превосходными на отечественномъ языкѣ сочиненіями, которыя Г. Рихтеръ, Г. Шлецеръ, Г. Шмидтъ и другіе Ученые сдѣлали извѣстными въ Европѣ исправными переводами. Мы Нѣмцы можемъ гордиться патріотическимъ Журналомъ нашего Г. Шторха, подъ названіемъ: *Россія подъ Державою* АЛЕКСАНДРА *Перваго*, Философическими идеями нашего Клингера, подъ титуломъ: *Мысли и разсужденія о разныхъ предметахъ, относящихся до Литтературы и Свѣта*, и многими другими сочиненіями.

Денежныя суммы, употребленныя ИМПЕРАТОРОМЪ для блага Своего народа, для украшенія Столицъ и другихъ городовъ, простираются до милліоновъ руб-

лей. Многіе города, опустошенные пожарами, или другими случаями, возникли изъ своихъ развалинъ; многіе бѣдные и больные получили пищу и жилища, вдовы и сироты — призрѣніе, дѣти — воспитаніе; внутреннее сообщеніе въ Государствѣ облегчено открытіемъ каналовъ; торговля разпространилась; работы на фабрикахъ производятся съ большимъ успѣхомъ.

Не смотря на то, что отмѣнены многіе налоги, со времени правленія АЛЕКСАНДРА Государственные доходы знатно увеличены. По показанію Г. Шторха, Россія получаетъ ежегодно 109 милліоновъ — сумма, которою многое можно сдѣлать.

Въ Бозѣ почивающій Императоръ ПАВЕЛЪ увеличилъ Россійское войско; АЛЕКСАНДРЪ I съ помощію Высокаго Своего Брата, Цесаревича и Великаго Князя, КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА, довелъ армію до совершенства. Смѣло можно утверждать, что никакое войско въ свѣтѣ нынѣ не въ состояніи ровняться съ Россійскимъ въ выборѣ людей, въ удобности одежды, въ искусномъ исполненіи военныхъ экзерциціи и въ благоразумной, прочной Тактикѣ.

Флоты на моряхъ, Балтійскомъ и Черномъ, равнымъ образомъ увеличены и приведены въ лучшее состояніе. По увѣ-

ренію одного очевиднаго свидѣтеля, Портъ Севастопольскій наполненъ множествомъ стоящихъ въ гавани военныхъ кораблей, которыхъ число, вооруженіе и исправность, приводятъ въ изумленіе наблюдателя.

Отплытіе двухъ Россійскихъ кораблей подъ начальствомъ Г. Крузенштерна для совершенія путешествія вокругъ Свѣта обѣщаетъ торговлѣ съ Китаемъ и Японіею важныя выгоды. Россія обязана симъ благодѣяніемъ неутомимой попечительности своего МОНАРХА.

АЛЕКСАНДРЪ I. открылъ средства для южныхъ Россійскихъ провинцій отправлять произведенія земли ихъ по Черному морю въ Средиземное, слѣдственно во всѣ отдаленнѣйшія Государства. Россійскія пристани на Черномъ морѣ наполнены кораблями многихъ націй.

Всѣми сими выгодами, безопасностію и щастіемъ своимъ Россія обязана отеческимъ попеченіямъ своего Великаго САМОДЕРЖЦА.

(Съ Нѣмецкаго.)

II.

Письмо изъ Таганрога.

Не удивительно, естьли новые города, подъ Скипетромъ мудраго правленія пользующіеся всѣми способами къ разпространенію круга своей дѣятельности, и обогащенные отъ Натуры мѣстными выгодами, скоро приходятъ въ цвѣтущее состояніе. Успѣхи промышленности суть неоспоримыя доказательства настоящаго благоденствія народа, и, что болѣе, суть вѣрные поручители за его будущее щастіе. Долгое время городъ нашъ смотрѣлъ завистливымъ окомъ на соперницу свою Одессу, волшебнымъ искуствомъ, такъ сказать, изъ ничтожества возникшую. Какое превращеніе! гдѣ за десять лѣтъ прежде была голая скала съ неважною Турецкою крѣпостцою и нѣсколькими маяками; тамъ явился богатой городъ съ пышными зданіями, съ безопасною присканью, со множествомъ жителей и торгующихъ иностранцевъ! Что скажутъ теперь нѣкоторые Господа Политики, которымъ угодно было утверждать, что Россія сражалась за безплодныя степи? Умъ Великой ЕКАТЕРИНЫ сѣялъ для потомства; мы наслаждаемся плодами безсмертныхъ трудовъ Ея, но жатва

обильнѣйшая зрѣетъ для будущихъ поколѣній. Городъ нашъ, бытіемъ своимъ обязанный Великой Монархинѣ, Ея творческою силою воздвигнутъ въ 1769мъ году, въ продолженіе войны Турецкой. Еще въ концѣ семнадцатаго столѣтія Великій Преобразитель Россіи положилъ основаніе здѣшней крѣпости, но послѣдовавшія обстоятельства отвлекли Его вниманіе отъ новаго Таганрога, которой былъ разрушенъ скоро послѣ своего построенія.

Портъ Таганрогской имѣетъ всѣ выгоды торговаго города; но главнѣйшія изъ нихъ — и которыми немногіе могутъ похвалиться — состоятъ въ томъ, что внутреннія произведенія Имперіи изъ отдаленныхъ Губерній удобно доставляются къ нему посредствомъ рѣкъ, впадающихъ въ Азовское море, слѣдственно продаются здѣсь цѣною весьма умѣренною. Мудрое Правительство, нынѣ обративъ особливое вниманіе на усовершенствованіе торговой части, облегчаетъ всѣ способы производить оную съ пользою для жителей и для иностранцевъ. Сіи обстоятельства сдѣлали очевидную перемѣну въ теченіи нашихъ дѣлъ, и прошлой 1803й годъ ознаменовали для насъ щастливою эпохою. Многіе заграничные купцы, уразумѣвъ важность мѣстнаго положенія Таганрогскаго порта, остаются

на жительствѣ въ здѣшнемъ городѣ. Естьли лестныя надежды наши исполнятся по желанїю гражданъ, то скоро появятся торговыя конторы въ семъ городѣ — тогда откроется обширнѣйшее поле для нашей промышленности. Чтобы показать, сколь основательныя имѣемъ причины ожидать разпространенїя торговли и важной отъ нея пользы, довольно упомянуть, что въ прошломъ году вышло въ море изъ Таганрогскаго порта 175 купеческихъ кораблей, нагруженныхъ пшеницею, желѣзомъ, масломъ, саломъ, шикелажемъ, парусиною, красными и черными кожами и разнаго рода мягкою рухлядью; въ нынѣшнемъ году до сихъ поръ вошло въ пристань 280 кораблей съ товарами, съ которыхъ сборъ таможенныхъ пошлинъ простирается до полумилльїона рублей — сумма, до сего времени неслыханная! Прибавить должно, что построенїе кораблей, принадлежащихъ частнымъ людямъ, производится у насъ съ такимъ успѣхомъ, какого до сихъ поръ еще не видано. Въ прошломъ году при Таганрогѣ построено новыхъ судовъ четыре; въ нынѣшнемъ году прибыло ихъ изъ Борисоглѣбска по Дону пять, да въ Таганрогѣ и на Гниловской верфти находится готовыхъ къ спуску семь.

Пріятно воображенію чертить выгодные планы для будущаго времени и надѣяться исполненія лестныхъ желаній; но сладостно сердцу благодарному чувствовать благополучіе настоящее; восхитительно для души благоговѣть предъ Августѣйшимъ Виновникомъ нашей безопасности, нашего щастія. АЛЕКСАНДРЪ печется о насъ; слѣдственно должно ли удивляться, что торговля наша быстро возносится на степень цвѣтущаго состоянія?

III.

Статистическія извѣстія о нынѣшнемъ состояніи Франціи.

Франція находится въ умѣренномъ поясѣ, между 42 мъ и 51 мъ градусами Сѣверной широты; простирается отъ предѣловъ западныхъ до восточныхъ на 220 миль, а отъ Сѣвера до Юга на 240. Поверхность ея содержитъ въ себѣ 32,000 квадратныхъ миль, на которой обитаютъ 32,691,263 жителя, слѣдственно на каждую милю выходитъ съ небольшимъ по тысячѣ человѣкъ.

Она раздѣляется: въ отношеніи гражданскомъ, на 108 Департаментовъ, 108 Префектуръ, 417 округовъ и 47,468 обществъ; въ отношеніи военномъ: на 27 дивизій, изъ которыхъ каждая управляет-

ся своимъ Генераломъ; въ отношенїи церковномъ: на 11 Архїепископствъ, 58 Епископствъ, 4600 приходовъ, 31,800 другихъ приходовъ низшей степени и 80 церквей Консисторїальныхъ или Реформатскихъ.

Войска готоваго счисляется 554,407 человѣкъ, а именно:

Пѣхоты линейной	-	341,411	чел.
легкой	- -	100,130	—
Конницы линейной	-	14,120	—
легкой	- -	68,988	—
Артиллерїи пѣхотной		20,656	—
конной	- -	3,229	—
Инженеровъ и Минеровъ		5,873	—
Сумма		554,407.	

Число записанныхъ въ рекруты, для вступленїя въ службу по первому требованїю, простирается до миллїона. Г. Дарю замѣчаетъ, что Францїя на случай крайней нужды легко можетъ выбрать для себя защитниковъ изъ шести милїоновъ человѣкъ, готовыхъ носить оружїе.

Морская сила далеко отстала отъ того состоянїя, въ которомъ была въ царствованїе Лудовика XIV. Скорѣе можно набрать сухопутное войско, нежели снарядить флоты. Однакожь мы надѣемся имѣть морскую силу равную сухопутной (*).

(*) Слѣдовательно армїя ваша равна будетъ Ксерксовой. А Мильтїадъ? . . .

Наличный доходъ Франціи состоялъ въ 11 году изъ 589 милїоновъ 500 тысячь франковъ. Долги государственные простираются до 1,260,000,000 фр., за которые платится процентовъ 84 миллїона.

Прежде революціи торговля Французская спорила съ Англїйскою о первенствѣ. Артуръ Йонгъ признается, что въ продолженіи цѣлаго столѣтія Франція имѣла мануфактуры богатѣйшія и исправнѣйшія, нежели въ другихъ странахъ Европы. Онъ справедливо утверждаетъ, что лучшія сукна дѣлаемы были въ Аббевилѣ и Лувьерѣ; шелковыя матеріи въ Лїонѣ, Турѣ, Нимѣ и Парижѣ; полотна и батисты въ Куртре, С. Кентенѣ, Валансїенѣ, Алансонѣ и проч.; обои въ Бовеѣ, на фабрикахъ Гобелиновыхъ, въ Савонри; зеркала въ Сен-Гобенѣ; желѣзо въ Нантѣ, Мобёжѣ, Льежѣ, Форе и проч.; фарфоръ въ Севѣ; стекло въ Креготѣ и проч.

Въ 1788 году вывезено изъ Франціи товаровъ болѣе, нежели на 400 миллїоновъ, а ввезено въ нее на сумму около 320 миллїоновъ. Слѣдовательно торговой перевѣсъ въ нашу пользу состоялъ въ 80 миллїонахъ. Съ того времени сей перевѣсъ всегда былъ въ обратномъ положеніи, и наконецъ наша торговля почти ограничивается внутреннею дѣятельностїю.

Но это не должно приводить насъ въ отчаянїе; Францїя изобилуетъ почти всѣми богатствами внутри самой себя; нашъ климатъ соединяетъ въ себѣ выгоды всѣхъ климатовъ. Кому не извѣстны произведенїя нивъ Боса и Пикардїи, вина Бордосскїя, Бургонскїя и Шампаньскїя, масла и благоуханїя Прованскїя, плоды нижне-Лангедокскїе и Туренскїе, коноплы Бретаньскїе, льны Фландрскїе, табакъ Алзасской, яблочной сокъ и пастьбища Нормандскїя, соль Кроазикская, сыръ Оверньскїй и Франш-контскїй?

Въ обыкновенный годъ собирается во Францїи хлѣба зерномъ 70 миллїоновъ 500 тысячь сетьеровъ и около 15 миллїоновъ 183 тысячь бочекъ вина. Полагаютъ, что въ нынѣшнее время находится въ ней 6,084,560 быковъ и коровъ, 30,307,600 барановъ и овецъ, доставляющихъ ежегодно шерсти 106,770,000 фунтовъ. Лѣсу щитается 6,370,460 десятинъ, которые приносятъ ежегоднаго дохода 40,000,000 франковъ.

Наши главныя рѣки суть: Рейнъ, Рона, Сена, Луаръ, Мёза и Мозель.

Слѣдуетъ изчисленїе главнѣйшихъ городовъ съ опредѣленїемъ количества ихъ жителей:

Въ Парижѣ	-	-	650,000 чел.
— Марселѣ	-	-	96,000 —
— Бордо	-	-	90,000 —

Въ Лїонѣ	- - -	88,000	чел.
— Руанѣ	- - -	84,000	—
— Туринѣ	- -	75,000	—
— Бриссельѣ	- -	66,000	—
— Нантѣ	- -	64,000	—
— Антверпенѣ	-	56,000	—
— Гандѣ	- -	55,000	—
— Лиллѣ	- -	54,000	—
— Лїежѣ	- -	50,000	—
— Стразбургѣ	-	47,000	—
— Нимѣ	- - -	40,000	—
— Монтпелье	- -	38,000	—
— Мецѣ	- - -	38,000	—.

Нѣкогда во Францїи просвѣщенїе было удѣломъ малаго числа людей избранныхъ; за то оно болѣе процвѣтало у насъ, нежели въ какомъ-либо другомъ Государствѣ. Слово: *Французскїй вкусъ*, сдѣлалось пословицею между всѣми нацїями въ Европѣ; сей вкусъ относился столько же къ нашему характеру, какъ и къ нашимъ знанїямъ. „Дворъ," говоритъ одинъ весьма остроумный Писатель, „хотѣлъ нравиться нацїи, нацїя хотѣла нравиться Двору; Дворъ хотѣлъ отличаться Философїею, а столица имѣла требованїе на свѣтскую любезность. Придворные, находясь между жителями столицы, хотѣли блистать образованнымъ умомъ, любезнымъ характеромъ, личнымъ достоинствомъ, и жители столицы всегда плѣнялись тонкою

вѣжливостїю придворныхъ. Конечно, такое соревнованїе не споспѣшествовало къ открытїю правилъ важныхъ и строгихъ; но оно произвело множество остроумныхъ идей; блестящїй тонъ поддерживался очищеннымъ вкусомъ, а вкусъ ограничивался желанїемъ нравиться и опасенїемъ подпасть осмѣянїю."

Иностранцы всегда любили Францїю, и всегда были въ ней принимаемы очень ласково. Нѣкто сказалъ, что по другимъ Государствамъ должно путешествовать, а жить во Францїи. „Въ Парижѣ," пишетъ Ривароль, „нѣтъ такого стеченїя людей, какъ въ городахъ приморскихъ; отъ того онъ сохранилъ духъ и свойства нацїональныя. Онъ привлекаетъ къ себѣ толпы иностранцевъ не пышностїю и богатствомъ, но удовольствїями." „Кто, описывая Францїю," говоритъ тотъ же Авторъ, „не упомянулъ бы о женщинахъ, тотъ не исполнилъ бы своего плана. Отъ смѣшенїя слабостей обоихъ половъ, отъ вѣжливости мущинъ и отъ жеманства женщинъ родилась склонность къ любовной разсѣянности, которая, развращая оба пола, самому распутству даетъ наружность любезности."

(*Изъ Пар. Журн.*)

IV.

Извѣстія и замѣчанія.

Мы живемъ во времена Политическихъ превращеній. Исторія не представляетъ перемѣнъ столь быстрыхъ, какія видѣли мы въ теченіе немногихъ лѣтъ. Изумленный наблюдатель не успѣваетъ слѣдовать за ходомъ произшествій; лишь только устремитъ онъ вниманіе свое на настоящее положеніе дѣлъ, какъ вдругъ новой феноменъ Политической обращаетъ на себя его взоры. Произшествія сіи тѣмъ достопамятнѣе, чѣмъ онѣ многосложнѣе, чѣмъ важнѣйшія влекутъ за собою слѣдствія. Первый Консулъ Французской Республики объявилъ себя Императоромъ Французовъ; еще не извѣстно, чѣмъ объявитъ себя Президентъ Республики Италіанской; но извѣстно то, что Президентскія кресла не могутъ стоять наряду съ Императорскимъ престоломъ. Говорятъ, что Іосифъ Бонапарте готовится занять одно важное мѣсто; по всему кажется, что сіе важное мѣсто есть тронъ Миланскій, которой Г. Бонапарте намѣренъ воздвигнуть на развалинахъ Италіанской Республики. Это гораздо вѣроятнѣе, нежели догадки Англійскихъ Журналистовъ, разглашающихъ, будто Г. Бонапарте смотритъ завистливымъ окомъ на Испанскую корону, и на первой

случай хочетъ подарить ею своего брата. Кажется, что къ сей выдумкѣ подали поводъ несогласія между Кабинетами Лондонскимъ и Мадритскимъ; ибо извѣстно, что Журналисты нападаютъ прежде, нежели дойдетъ дѣло до кровопролитій. Между тѣмъ въ Лондонѣ ожидаютъ отъ Короля Испанскаго подлѣднаго отвѣта на предложенія его Британскаго Величества. Нѣкоторые миролюбивые люди, особливо купцы Англійскіе, надѣются, что Дворъ Испанскій удовлетворитъ во всемъ требованія Англичанъ, для избѣжанія войны. Въ самомъ дѣлѣ Испанія нынѣ представляетъ примѣръ бѣдственнѣйшаго состоянія; послѣ Турецкой Имперіи можно почесть Королевство сіе однимъ изъ нещастнѣйшихъ Государствъ въ Европѣ. Моровая язва часъ отъ часу разпространяется во внутреннихъ областяхъ его, и опустошаетъ оныя; въ Бискаи и Майоркѣ жители подняли оружіе противъ правительства; въ Альмеріи, Рошеттѣ и въ другихъ мѣстахъ по берегу Средиземнаго моря землетрясеніе вновь разрушило многія зданія и умертвило множество народа.

*

Г. Бонапарте, котораго появленія ожидали въ Буловѣ, 16го Октября прибылъ въ С. Клу. Причиною столь нечаяннаго воз-

вращенія можно полагать разрѣшеніе отъ бремени супруги Лудовика Бонапарте. Она произвела на свѣтъ мальчика, при рожденіи котораго, въ сходство съ 40 ю статьею послѣдней Французской Конституціи, присутствовалъ Архиканцлеръ Камбасересъ, и въ ту же минуту отправилъ къ Гну. Бонапарте съ нарочнымъ извѣстіе о семъ произшествіи. Г. Бонапарте, какъ сказываютъ, прежде коронаціи намѣренъ посѣтить береговую армію. — Во *Французской Газетѣ* напечатана слѣдующая статья: „Американскіе публичные листки часто упоминаютъ о супругѣ Жерома Бонапарте. Легко можетъ статься, что у Жерома Бонапарте, которому еще нѣтъ 20ти лѣтъ отъ роду, есть любовница; но не вѣроятно, чтобы онъ былъ женатъ, потому что Французскіе законы молодому человѣку, не достигшему двадцати-пяти-лѣтняго возраста, запрещаютъ жениться прежде, нежели онъ получитъ согласіе отъ своихъ родителей и исполнитъ извѣстные судебные обряды. Жеромъ Бонапарте родился въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1784 года, а листки Американскіе уже болѣе года называютъ его женатымъ!“ Наполеонъ не призналъ своего брата Принцемъ; мудрено ли послѣ того, что онъ не хочетъ признать его женатымъ? Впрочемъ всѣмъ извѣстно, что

Жеромъ сочетался бракомъ съ дочерью купца Петерсона.

Въ Лондонѣ разнеслось-было радостное извѣстіе о сожженіи множества Французскихъ кораблей, стоящихъ подъ Булоньскими батареями; но сіи слухи оказались несправедливыми. Нѣсколько зажигательныхъ судовъ, наполненныхъ бочонками съ порохомъ, каменьями и другими матеріалами, назначены были для истребленія Булоньскаго флота, но причиненный ими вредъ не важенъ. Французскіе корабли стояли одинъ отъ другаго въ такомъ разстояніи, что взорваніе зажигательныхъ судовъ не могло произвести желаемыхъ слѣдствій. Иностранныя Вѣдомости наполнены подробными донесеніями Адмираловъ обѣихъ воюющихъ Державъ къ ихъ начальствамъ о семъ произшествіи. Англичане пишутъ, что это былъ только опытъ дѣйствія новоизобрѣтенныхъ машинъ, и что Лордъ Кейтъ не помышлялъ о сожженіи непріятельскаго флота; Французы напротивъ того увѣряютъ, что неусыпная осторожность ихъ уничтожила хитрую выдумку Англичанъ, на которую они полагали всю надежду. Вотъ описаніе сихъ зажигательныхъ судовъ, названныхъ отъ Французовъ адскими машинами: судно сдѣлано на подобіе ящика, въ которомъ

находятся боченки съ порохомъ, крѣпко закладенные кремнями, для того, чтобы взорванїе было сильнѣе. Все судно выкрашено подъ цвѣтъ морской воды и идетъ такъ низко, что ночью очень трудно увидѣть его. Къ нему прикрѣплена машина, похожая на механическїя часы, которая, заводится для произведенїя выстрѣла въ назначенное время. Сїи ящики пригоняются къ непрїятельскому флоту какъ можно ближе, и потомъ даютъ имъ желаемое направленїе. — Четыремъ Французскимъ солдатамъ удалось отнять заведенную машину отъ судна за нѣсколько минутъ до выстрѣла, которому надлежало послѣдовать и произвести пожаръ на флотѣ. Г. Бонапарте приказалъ Морскому Министру отнестись къ великому Канцлеру почетнаго Легїона объ отважномъ поступкѣ упомянутыхъ солдатъ, столь славно отличившихся въ семъ дѣлѣ, для представленїя онаго на разсмотрѣнїе великаго Совѣта. Достойно примѣчанїя, что солдаты знали, какой опасности они подвергались, и что одна минута могла стоить имъ жизни.

*

Полученныя Лондонскимъ Обществомъ Директоровъ Индїйской Компанїи отъ Генерала-Маїора Веллеслея депеши со-

держатъ въ себѣ подробныя донесенія о военныхъ дѣйствіяхъ Англійской арміи въ Остъ-Индіи, по 9е число Генваря сего года. Главное изъ нихъ есть взятіе приступомъ Гавилегарской крѣпости и разбитіе 10000-тысячнаго корпуса Маратовъ, изъ которыхъ 3000 человѣкъ легло на мѣстѣ сраженія. — Изъ Американскихъ Вѣдомостей видно, что начальникъ Негровъ Дессалинъ формально объявилъ войну Испаніи, захватилъ одинъ корабль сей Державы, и намѣренъ напасть на городъ Санто-Доминго. Полагаютъ также навѣрное, что и у Соединенныхъ Областей Сѣверной Америки послѣдуетъ разрывъ съ Испаніею. Извѣстно, что Республика требовала отъ его Католическаго Величества уступки многихъ уѣздовъ въ Америкѣ, на которую Дворъ Мадритскій не соглашается. Съ одной стороны требованія, а съ другой отказы были столь жарки, что Г. Пинкней, Посланникъ Американской въ Мадритѣ, готовъ былъ оставить сію столицу. Теперь ожидаютъ отъ Конгресса рѣшительнаго отвѣта на представленіе Двора Мадритскаго по сему предмету.

*

Гельветическая Республика не надолго сохранила образъ своего правленія. Теперь пронесся слухъ, что Г. Аффри, нынѣшній Чрезвычайный Посолъ Швейцаріи при На-

полезнѣ; получитъ безсмѣнное достоинство Ландаммана, и вмѣстѣ съ нимъ весьма важныя преимущества. Кажется, что Г. Бонапарте всѣ Республики, находящіяся подъ покровительствомъ Франціи, намѣренъ превратить въ Монархіи. Не льзя при семъ случаѣ не замѣтить, что Наполеонъ щедро награждаетъ Посланниковъ, предстоящихъ его престолу: Шиммельпенникъ будетъ также главою Голландіи.

Вѣстникъ Европы на слѣдующій 1805 й годъ будетъ издаваться *М. Каченовскимъ.* Въ семъ Журналѣ, сообразно съ его названіемъ, будутъ помѣщаемы главныя Европейскія новости въ Литературѣ и Политикѣ, переводимыя изъ лучшихъ иностранныхъ газетъ и Журналовъ. Кромѣ того, Читатели найдутъ въ немъ и Рускія сочиненія, писанныя стихами и прозою.

Цѣна за 24 книжки въ Москвѣ 12 рублей, съ пересылкою въ другіе города 15. Подписка принимается здѣсь въ Конторѣ Университетской Типографіи, на Тверской; иногородные могутъ относиться или въ Газетную Экспедицію Московскаго Почтамта, или прямо въ упомянутую Контору.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

НОЯБРЬ 1804.

№ 22.

ЛИТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

О воображеніи.

Воображеніе есть пружина человѣческой дѣятельности, главная причина успѣховъ въ усовершенствованіи нашего существа; оно представляетъ уму картины и характеры живѣе, нежели наблюденіе. Отъ того мы никогда не бываемъ довольны настоящимъ состояніемъ и пріобрѣтенными качествами; отъ того желаніе наше всегда стремится къ будущему и безпрестанно заставляетъ насъ искать или новыхъ наслажденій, или какого-то идеальнаго совершенства; отъ того раждается страсть умножить сумму имѣнія для увеличенія нашихъ выгодъ; скажу болѣе: отъ того добрые граждане, истинные Философы возпламеняются рев-

ностїю къ разпространенїю добродѣтели и всеобщаго благоденствїя. Уничтожьте сїю способность души — и человѣкъ останется на землѣ въ состоянїи животнаго.

Естьли понятїе воображенїя объ удовольствїи или совершенствѣ переходитъ за извѣстные предѣлы, тогда страсти дѣйствуютъ съ такою силою, которая отнимаетъ власть у разума; тогда душа находится въ состоянїи такъ называемаго *энтузїазма*. Сїе состоянїе бываетъ поводомъ къ частымъ и многообразнымъ заблужденїямъ; но оно же производитъ высокїе характеры и героическїя дѣянїя. Воспаленному воображенїю Цицеронъ обязанъ даромъ краснорѣчїя; понятїю о безпредѣльномъ совершенствѣ (immenſum infinitumque) онъ обязанъ всѣми своими успѣхами, всѣми щастливыми порывами пламеннаго Генїя, всѣми усилїями превзойти самого себя. Вѣроятно, что то же случается и въ другомъ родѣ, и что одинакое вдохновенїе одушевляетъ каждаго изъ тѣхъ, кто возносится выше людей обыкновенныхъ. Щастливъ человѣкъ, котораго энтузїазмъ стремится къ предметамъ, не зависящимъ отъ своенравїя Фортуны.

Удовольствїе, доставляемое намъ высокою Поэзїею, по большей части произ-

ходитъ отъ спокойствія нашего воображенія въ отношеніи къ вещамъ обыкновеннымъ. Соскучивъ, смотря на явленія, на произшествія, на характеры, насъ окружающіе, мы любимъ слѣдовать за Поэтомъ въ области его творенія. Тамъ находимъ Натуру украшенную; находимъ наслажденія, приличныя такимъ душамъ, которыя не насыщаются свѣтскими удовольствіями. Сія врожденная склонность къ Поэтическимъ вымысламъ подала Вакону мысль открыть новое доказательство безсмертія души. Въ самомъ дѣлѣ важнѣйшее дѣйствіе энтузіазма есть — возносить духъ нашъ за предѣлы насыщаго, направлять его желанія къ высочайшимъ предметамъ. Онъ споспѣшествуетъ усовершенствованію блага человѣчества, благопріятствуя успѣхамъ общежитія.

Картины Поэзіи никогда (ниже въ родѣ описаній) не могутъ быть вѣрнымъ изображеніемъ Натуры; Авторъ старается украшать ихъ; слѣдственно нѣтъ сомнѣнія, что онѣ имѣютъ вліяніе на вкусъ, дѣлая оной болѣе тонкимъ и нѣжнымъ. Сіе вліяніе въ одно и то же время примѣчается какъ въ предметахъ вещественныхъ, такъ и въ правилахъ нравственности и общежитія. Извѣстно, что

творенія нашихъ Поэтовъ, описывающихъ Натуру, весьма много споспѣшествовали къ очищенію вкуса, къ разпространенію чувства истинной изящности, нынѣ столь общей въ Англіи, къ направленію удивленія Публики на прелести обработанной Натуры, вмѣсто того, что прежде болѣе занимали насъ вымышленными, не естественными украшеніями. Нѣтъ сомнѣнія, что во многихъ людяхъ развернулись дарованія отъ чтенія Гомера и Виргилія. Трудно опредѣлить, до какой степени въ первыя времена человѣческаго общежитія, грубыя пѣсни Бардовъ смягчили нравы свирѣпыхъ воиновъ и ускорили успѣхи гражданственности. Мы знаемъ, что Цельты и Скандинавы имѣли отличное уваженіе къ пѣснопѣвцамъ. Кажется, сколько можно судить по оставшимся памятникамъ, что сіи народы отличались нѣжными чувствованіями въ любви, въ состраданіи, а особливо въ великодушіи, которое они оказывали побѣжденнымъ непріятелямъ — черта, рѣдко примѣчаемая между варварами! Не легко понять, какимъ образомъ народы, столь мало успѣвшіе въ гражданственномъ просвѣщеніи, могли возноситься къ чувствованіямъ столь благороднымъ; кажется, не опасаясь упрековъ въ заблужденіи, мо-

жно смѣло приписать высокія качества ихъ вліянію немногочисленнаго класса людей, отдѣлившихся отъ прочихъ своихъ собратій, предавшихся изученію Поэзіи въ тишинѣ уединенія и обработывавшихъ сію творческую способность, которая, отдѣлясь отъ *настоящаго*, паритъ въ *будущее* и, подобно Пророческому вдохновенію, представляетъ Поэму и Философу зрѣлище успѣховъ общежитія и выгодъ, необходимо слѣдующихъ за ними.

Говоря о дѣйствіяхъ воображенія, можно ли не упомянуть о тѣхъ невинныхъ удовольствіяхъ, которыя оно доставляетъ намъ, удовольствіяхъ многообразныхъ, превосходящихъ всѣ другія? Пропустимъ сочиненія, наполненныя большею частію цвѣтами воображенія и чувствованіями, имъ вдохновенными, и скажемъ, не разпространяютъ ли круга нашего щастія сіи пріятные вымыслы, которые переносятъ насъ въ новый міръ, знакомятъ насъ, такъ сказать, съ новымъ порядкомъ вещей? Какія забавы готовитъ для себя дитя, вытверживающее Миѳологію древней Греціи! Она остается навсегда въ его памяти и въ зрѣлыхъ лѣтъ доставляетъ ему пріятнѣйшія напоминанія въ часы свободные отъ дѣлъ, или важныхъ занятій. Въ тишинѣ сельскаго уединенія она разогрѣваетъ духъ

нашъ огнемъ Генїевъ древности, оживляетъ картины Природы, напоминаетъ классическія красоты, бывшїя предметами нашего удивленїя еще тогда, когда мы въ первой разъ познакомились съ ними въ Училищѣ.

Воображенїе особенно любитъ мечтать о будущемъ, и можно сказать утвердительно, что его вдохновенныя мечты имѣютъ тѣсную связь съ существеннымъ нашимъ щастїемъ. Правда, иногда сїя способность, по слѣдствїю дурнаго воспитанїя, можетъ содѣлаться орудїемъ нашего терзанїя, иногда заставляетъ насъ терпѣть муки несносныя и продолжительныя; но въ такомъ случаѣ, изключая меланхолїю, зависящую отъ темперамента, не Натурѣ должно приписывать сїи непрїятности, но посторонними впечатлѣнїямъ, ее повредившимъ.

Врожденная склонность, всѣмъ общая, по волѣ благаго Провидѣнїя заставляетъ насъ выгодно мыслить о будущемъ, увеличивать мѣру блаженства, уменьшать сумму нещастїя. Мы видимъ, что люди, бывъ много разъ обмануты въ своихъ надеждахъ, остались при семъ щастливомъ расположенїи. Какая намъ нужда знать причину сего побужденїя? Довольно, что оно существуетъ и имѣетъ влїянїе на

наше щастїе. Оно утѣшаетъ насъ въ горестяхъ, облегчаетъ наши труды и заботы житейскїя. Естьли иногда въ душахъ слабыхъ оно всѣваетъ начала честолюбія и суетности, которыя, обольстивъ ихъ, заставляютъ должностями и благомъ существеннымъ жертвовать выгодамъ мечтательнымъ: то не льзя не признаться, что сїя склонность, сопрягаясь съ дѣятельными навыками и будучи управляема дѣятельнымъ умомъ, споспѣшествуетъ къ развитїю характера, вдыхаетъ страсть къ великимъ предпрїятїямъ и руководствуетъ къ изполненїю оныхъ съ желаемымъ успѣхомъ. Такое расположенїе духа, соединясь съ правильными понятїями, съ утѣшительнымъ увѣренїемъ въ порядкѣ мїра и особенно въ назначенїи человѣка, доставляетъ намъ прочныя наслажденїя, для которыхъ не страшны угрозы непостоянной Фортуны. Оно усугубляетъ наши удовольствїя, притупляетъ острее скорби; а когда не остается уже намъ никакой надежды въ здѣшней жизни, оно переноситъ насъ за предѣлы мрачнаго горизонта и указываетъ на блаженную вѣчность. Человѣкъ, согрѣтый любовїю къ ближнему, основывающїй Философїю свою на общемъ благѣ, радуется будущимъ щастїемъ своихъ

братій. Онъ заблаговременно представляетъ въ умѣ своемъ успѣхи Наукъ, Искусствъ и торговли, сихъ вѣрныхъ средствъ къ достиженію цѣли сближенія людей, сихъ путей, ведущихъ къ добродѣтели, къ щастію. Естьли бѣдствія окружаютъ его, онъ поднимаетъ завѣсу будущаго и ласкается надеждою, что потомство будетъ умнѣе и щастливѣе.

(*Изъ Брит. Библіот.*)

II.

Еврейская Ода.

Находящіяся въ Парижѣ двѣ Еврейскія школы, 23го Іюля соединясь вмѣстѣ, пѣли въ честь Бонапарте похвальную и благодарственную пѣснь, по случаю принятія имъ новаго достоинства.

Сія пѣснь сочинена стихами на Еврейскомъ языкѣ однимъ молодымъ Израильтяниномъ. Другой единоплеменникъ Автора, молодой же весьма ученой человѣкъ, извѣстный по многимъ сочиненіямъ, Михаилъ Берръ, изъ города Нанси, перевелъ оную на Нѣмецкой языкъ; оба перевода напечатаны въ національной типографіи.

Вотъ лучшія строфы упомянутой Оды:

„Восной земля чудеса Господа! Его могущество защищаетъ насъ, Его благость хранитъ насъ отъ зла. Горы изчезаютъ предъ лицемъ Его величія; сильная рука Его движетъ бездны Океана; блескъ Его великолѣпія озаряетъ сводъ небесный; вся тварь воспѣваетъ Его славу, Его милосердіе. И надъ нами совершаются чудеса Его благости.“

„Кто изслѣдуетъ глубину Его премудрости, потрясающей престолы и сокрушающей скипетры? Народы трепещутъ отъ Его гласа; однимъ мановеніемъ Онъ разсыпаетъ противныхъ, однимъ словомъ защищаетъ слабыхъ отъ угнетенія. Онъ утверждаетъ престолы Царей правосудныхъ; Его отеческое око хранитъ добродѣтельнаго отъ напасти, да цвѣтетъ онъ, подобно зеленой пальмѣ.“

„Страшная сила Его равна неизповѣдимому Его промыслу; жители земные преклоняютъ колѣна предъ Его всемогуществомъ. Когда нещастный народъ стонетъ подъ бременемъ утѣсненія, когда неправда покрываетъ землю — Онъ допускаетъ малое время царствовать злобѣ; но внезапу возстаетъ и изливаетъ рѣки бѣдствій на главы преступниковъ.

Дыханіе гнѣва Его прикасается къ нимъ — и виновные падаютъ въ ничтожество во мзду своихъ беззаконій."

„Творецъ міровъ! Твое всевидящее око обьемлетъ пространства неизмѣримыя, видитъ добродѣтель и порокъ въ сокровеннѣйшихъ сгибахъ человѣческаго сердца, и въ то же время бдитъ надъ судьбою земнородныхъ! Слава избраннаго народа уже погасала; имя его готово было истребиться; но Ты возсталъ, какъ гордый воинъ, славою и гнѣвомъ упоенный — Ты возсталъ и указалъ племенамъ земнымъ на избраннаго Тобою; уже духъ Твой возпламеняетъ его огнемъ небеснымъ: Онъ изливаетъ гнѣвъ свой на враговъ Господа, и гонитъ въ пропасть отрицающихся отъ Бога, и проч."

За каждою строфою повторяется припѣвъ: „да здравствуетъ Наполеонъ! да здравствуетъ Іозефина! да здравствуетъ весь домъ ихъ!"

Эпиграфъ, написанный въ началѣ Оды, взятъ изъ Притчей Соломоновыхъ, и есть слѣдующаго содержанія: „Страна, управляемая многими Владыками, терпитъ наказаніе; мудрость и правота единаго дѣлаютъ ее процвѣтающею.

(*Изъ Нѣм. Журн.*)

III.

Письмо къ Издателю Парижскаго модного Журнала.

У меня есть, М. Г. М. дочь, которой теперь отъ роду двадцать четыре года: сами видите, что ей пора за-мужъ. Прежде разскажу вамъ свои обстоятельства, потомъ буду просить вашего совѣта.

Я занимался торговлею и нажилъ изрядной достатокъ. Видя, что люди, обученные искуствамъ, всѣми уважаются, я и самъ захотѣлъ быть уважаемъ и рѣшился развернуть талантъ въ моей дочери. Одно обстоятельство крайне затрудняло меня — выборъ искуства, которымъ бы могла блеснуть дочь моя. Такъ, М. Г. М., выборъ; вся улица, гдѣ я живу, была населена Художниками. Модистка славилась глубокимъ знаніемъ въ Геометріи, холщевница отличалась игрою на форте-піано, прачка была искусная живописица, дочь портнаго превосходно писала стихи; словомъ, домъ нашъ находился въ средоточіи полнаго Института. Я сказалъ уже, что мнѣ хотѣлось сдѣлать мою дочь фениксомъ какого нибудь Искуства, но не зналъ, за которое приняться; напослѣдокъ, уви-

дѣвъ на балѣ, какъ отличались прекраснѣйшія Дамы Парижскія, я рѣшился избрать танцовальное искуство, и на другой же день пригласилъ въ домъ свой славнаго Д...

Увидѣвъ дочь мою и сдѣлавъ небольшое испытаніе въ ея походкѣ, онъ открылъ, что ея тѣлодвиженія слишкомъ *благопристойны*, цвѣтъ лица слишкомъ *здоровъ*, ноги, руки и вообще всѣ составы слишкомъ связаны; но въ утѣшеніе увѣрялъ насъ, что онъ скоро все перемѣнитъ и надѣется непорошливую Элизу (это имя моей дочери) превратить въ ловкую, свѣтскую, *блестящую* Даму. Послѣ такого увѣренія, комната, принадлежащая къ магазину, по его совѣту, сдѣлана учебною галереею: гдѣ были грубыя подставки, тамъ явились гипсовыя украшенія; на мѣстѣ полокъ очутились зеркала, и зала, разписанная по чертежу Персьерову, превратилась въ маленькой храмъ Терпсихоры. Первые уроки показались очень трудными: бѣдную Элизу мучили цѣлыя полтора года; не смотря на то, Г. Д. не былъ доволенъ ея успѣхами; онъ находилъ, что ноги ея недовольно выпрямились, и клялся, что не прежде покажетъ ей антрша, пока она не выучится держаться на ногахъ, наклонясь по крайней мѣрѣ на 175 степеней.

Я употребляю здѣсь слова техническія, потому что, по увѣренію Гна. Д., Хореграфія существенно принадлежитъ къ высшимъ Математическимъ Наукамъ. Скажу откровенно, что безпрестанное круженіе, безпрестанные прыжки сперва было-испугали меня; мнѣ казалось, что зеркала стояли очень низко, что платье дочери моей было слишкомъ легко; но какими сильными доводами Г. Д. опровергалъ мои сомнѣнія! съ какимъ удивительнымъ знаніемъ ссылался онъ на Исторію танцовъ древнихъ и новыхъ: на танцы Евреевъ, Куретовъ, Агаповъ, на танцы *невинности*, которые нѣкогда цѣломудренныя Лакедемонки въ естественной наготѣ отправляли передъ жертвенникомъ Діаны! Онъ обыкновенно разсказывалъ при семъ случаѣ, для убѣжденія насъ въ полезности танцовальнаго Искуства, что Тезей и Парисъ похитили Елену, въ разныя эпохи, именно отъ того, что видѣли ея танцующую. „И такъ," восклицалъ онъ въ изступленіи: „нѣтъ никакого сумнѣнія, что безъ очаровательныхъ танцевъ Елена не была бы похищена, слѣдственно не была бы разрушена Троя, слѣдственно не были бы написаны Иліада и Одиссея, слѣдственно Эней не пріѣхалъ бы въ Италію; слѣд-

сивенно Римъ не покорилъ бы вселенной. Вотъ какъ судьба міра сопряжена съ танцемъ *невинности*! Могутъ ли съ нимъ сравниться наши бѣдные прыжки, наши жалкія вертѣнья? Не должно удивляться, что мы не видимъ теперь ни эпическихъ Поэмъ, ни всемірной Имперіи!"

Будучи увѣренъ въ важности сего высокаго Искуства, я всячески поощрялъ дочь мою къ упражненію. Употребивъ нѣсколько лѣтъ на ученіе, она была наконецъ въ состояніи показаться въ обществѣ, и первое появленіе всѣ наши труды наградило съ избыткомъ. Тогда я разсудилъ за благо выдать ее за-мужъ. Многіе женихи сватались за нее, впрочемъ довольно изрядные для невѣстъ обыкновенныхъ, но не для моей дочери, которая достигла до совершенства въ своемъ Искуствѣ; я отказалъ всѣмъ имъ. Между тѣмъ подруги ея и сосѣдки вышли за-мужъ за людей, порядочныхъ по ихъ состоянію; сдѣлались добрыми хозяйками и матерями; любили дѣтей своихъ и почитали себя щастливыми: все это очень хорошо, но дочь моя имѣла право на другія выгоды. Никто изъ сосѣдовъ не смѣлъ уже требовать ее. Пронеслась молва объ ея достоинствахъ. Сынъ одного богатаго купца Ліонскаго явился къ

нашъ въ то самое время, когда Элиза упражнялась въ своемъ искусствѣ. Онъ не скрылъ своего удивленія, что дочь моя, умѣя такъ хорошо танцовать, еще продолжала учиться. Элиза не могла удержаться отъ усмѣшки; она знала уже всю цѣну своего таланта. „Какъ, сударь!“ сказала она: „не уже ли вы хотите, чтобы мои подколѣнки потеряли всю крѣпость, чтобы мускулы лишились своей упругости, чтобы не было ни пріятности, ни чувства въ гибкости моего тѣла? Должно безпрестанно учиться, чтобы не забыть выученнаго. Бѣдной Т. въ шесть недѣль лишился плодовъ многихъ лѣтъ; онъ пережилъ свою славу.“ Молодой Ліонецъ хотѣлъ отвѣчать; мнѣ помнится, что онъ заговорилъ-было о должности, о супругѣ, о дѣтяхъ и проч.; но Элиза начала снова вертѣться на одной ногѣ, и разговоръ перервался. Проповѣдникъ нашъ скрылся, и мы болѣе не видѣли его.

Спустя потомъ много лѣтъ, которые протекли въ празднествахъ и тріумфахъ искуства, одинъ молодой Полковникъ, возвратившійся изъ арміи, просилъ меня выдать за него Элизу. Ему извѣстенъ былъ мой достатокъ; самъ онъ былъ также довольно богатъ и знакомъ съ моею дочерью. Мы обрадовались его предложе-

нїю. Я просилъ Элизу скрывать отъ него талантъ свой до времени; мнѣ хотѣлось внезапно обрадовать Полковника. Скоро маскерадъ подалъ къ тому удобной случай. Я нарочно повезъ туда съ собою Полковника, а дочь мою отправилъ одну особливо. Элиза сама себя превзошла въ этотъ вечеръ. Лишь только услышали въ залѣ, что Элиза будетъ танцовать гавоту съ однимъ ловкимъ мущиною, вдругъ все собранїе сдѣлало кругъ; нѣкоторые сѣли, другїе стали на стульяхъ, и всѣ вообще нетерпѣливо ожидали начала. Наконецъ, при звукѣ рукоплесканїй, явилась Элиза въ легкой шелковой маскѣ; всѣ тотчасъ узнали ее по ея прелестнымъ тѣлодвиженїямъ, изключая одного Полковника. Съ какимъ непостижимымъ искуствомъ она выражала всѣ душевныя движенїя! съ какою неподражаемою прелестїю манила къ себѣ, потомъ опять удалялась, налагала любовныя цѣпи и сама покорялась сей сладостной неволѣ! Полковникъ былъ внѣ себя отъ восхищенїя; я также самъ себя не чувствовалъ, и каждую минуту готовъ былъ открыть ему тайну. Онъ пожиралъ ее своими взорами; казалось, леталъ вмѣстѣ съ нею по залѣ; безпрестанно хвалилъ ея легкость, прямой

станъ, сладострастные восторги, неизъяснимыя прелести. Я напередъ радовался его нечаянному изумленію. . . . „Не правда ли," я сказалъ ему, „что это безподобная женщина?" — Ахъ! завидна участь ея любовника! — „А мужа?" — О! извините; она танцуетъ такъ хорошо, что ей нѣкогда заниматься воспитаніемъ дѣтей, привязанностію къ мужу и домашнимъ хозяйствомъ. — Я онѣмѣлъ и за благо разсудилъ не объясняться далѣе съ Полковникомъ. И такъ дочь моя все еще не за мужемъ. Пожалуйте, М. Г. М., разтолкуйте мнѣ, отъ чего всѣ такъ страстно любятъ танцы, и отъ чего такъ трудно выдавать за мужъ дочерей, которые танцуютъ превосходно?

Годманъ.

IV.

Руская медаль.

Всѣмъ извѣстно, что достоинство мое не слишкомъ важно, хотя наружной видъ имѣю пріятной. Я родомъ изъ Колыванно-Воскресенскихъ заводовъ, не изъ плавиленнаго горшка Алхимистовъ, откуда, не смотря на многотрудные опыты,

бдѣнія и удушья сихъ господъ, обыкновенно выходитъ только дымъ и призраки, не болѣе.

Въ Петербургѣ очистили меня, отдѣлили, напечатлѣли на хребтѣ моемъ 1801й годъ Сентября 15й день — эпоха щастливая! — и украсили меня изображеніемъ АЛЕКСАНДРА Iго, Котораго Царствованіе есть Царствованіе благодѣтельности, тишины и кротости.

Гордясь новымъ нарядомъ своимъ, я пустилась путешествовать изъ однихъ рукъ въ другія, и вездѣ была принята благосклонно, съ уваженіемъ. Я часто перемѣняла господъ своихъ, и служила то прихотямъ, то страстямъ, то нуждѣ, то добродѣтели, то модѣ.

Сначала досталась я во владѣніе, въ качествѣ Императорскаго подарка, одному правдолюбивому судьѣ, другу законовъ, покровителю сиротъ и бѣдныхъ. Долгое время онъ тщательно хранилъ меня въ своей шкатулкѣ. Молодая, знатнаго состоянія вдова, страстно имъ любимая и почитаемая живымъ образомъ самой добродѣтели, выбравъ часъ, въ которой ни въ чемъ не отказываютъ нареченнымъ невѣстамъ — NB. обладатель мой хотѣлъ жениться на прекрасной Дамѣ — поста-

рялась переселить меня въ свою шкатулку.

Притворщица! Сія любезная госпожа была одна изъ искуснѣйшихъ обманщицъ въ цѣломъ Петербургѣ. Она имѣла два лица, двое именъ и двѣ квартиры въ разныхъ улицахъ, изъ которыхъ въ одной днемъ представляла смиренницу самую кроткую и добродѣтельную, ходила каждое утро въ церковь Казанскія Богоматери, подавала щедрую милостыню, одѣвалась благопристойно и вела себя съ строжайшею скромностію; въ другой жилище ея уподоблялось храму Пріапа; мѣсто благопристойной одежды заступала плѣняющая нагота, мѣсто смиренія сладострастіе.

Въ одну ночь обожатель, тайно увѣдомленный о поведеніи своей богини, внезапно явился среди торжествующаго общества, которымъ управляла прелестница, и далъ ей чистое увольненіе.

Съ того времени `я лишилась довѣренности у моей повелительницы и была отдана, въ качествѣ моднаго медаліона, недавно привезеннаго изъ Парижа, одной торговкѣ, которая вела переписку съ Англіею и Франціею, и къ которой ежедневно съѣзжалось посѣтителей болѣе, нежели къ какому нибудь Государствен-

ному Чиновнику. Начиная съ 11 часовъ передъ полуднемъ до 2хъ послѣ полудня безпрестанно пріѣзжали и отъѣзжали отъ дверей ея дома Княгини, Графини, Баронессы; всѣ присягали ей въ повиновеніи, какъ главной жрицѣ роскоши и моды. Тамъ тысячи прекрасныхъ пальчиковъ трудились надъ *созиданіемъ* пріятностей, надъ исправленіемъ разныхъ починокъ, необходимыхъ для старости и безобразія. Послѣ этого не удивительно, что на шестидесяти-лѣтнихъ туловищахъ видны двадцати-лѣтнія лица.

Одинъ молодой богатой господинъ, украшенный лорнетомъ, каждой вечеръ бѣгалъ мимо нашей лавки, чтобъ имѣть удовольствіе посмотрѣть сквозь стеклянную дверь на дѣвушку, которой прелести, обнаженное плечо, роскошная грудь, страстные томные глаза, плѣнили дамскаго угодника. Проходя мимо, близорукой петиметръ пристально всматривался въ предметъ любви своей. Наконецъ ему показалось, что прелестная удостоила его благосклоннымъ взоромъ; онъ летитъ въ магазинъ, шаркаетъ передъ красавицею, высыпаетъ вдругъ цѣлой коробъ учтивостей на Французскомъ и Англійскомъ языкахъ; подходитъ модистка, и объявляетъ ему, что онъ изтощаетъ вѣж-

ливость свою и остроумiе — передъ Парижскою куклою, употребляемою для примѣриванiя нарядовъ.

Судьбѣ было угодно, чтобы купилъ меня одинъ Французской Экс-Маркизъ, человѣкъ странной до невѣроятности и постоянно играющiй ролю разсѣяннаго. Мечтая, будто все еще живетъ въ Парижѣ и получаетъ 40000 ливровъ годоваго дохода, онъ продолжалъ вести прежнюю расточительную жизнь на щетъ гостепрiимныхъ Рускихъ Господъ, чванился во всѣхъ публичныхъ собранiяхъ и на гуляньяхъ, и старался блестящимъ остроумiемъ и обыкновенною Французскою наглостiю обращать на себя общее вниманiе.

Ему удалось провести нѣсколько времени въ пышной праздности; но грубые Рускiе заимодавцы заставили его убраться въ Крымъ, а оттуда на Венецiанскомъ суднѣ прямо въ Константинополь.

И тамъ щастiе не благопрiятствовало ему: не нашедъ для себя ни ласковаго прiема, ни выгодной должности, онъ разсудилъ за благо въ темную ночь оставить неизмѣримую Восточную столицу, для избѣжанiя отъ несносныхъ заимодавцевъ, которые не учтивѣе Рускихъ.

Отъ Маркиза я досталась въ руки Российскаго курьера, которой привезъ

меня обратно въ Петербургъ; нечаяннымъ случаемъ меня продали ветошнику вмѣстѣ съ кафтаномъ, въ карманѣ котораго я находилась.

Доброй человѣкъ не посовѣстился завладѣть мною. Въ одинъ вечеръ онъ отнесъ меня въ кофейной домъ и продалъ за нѣсколько копѣекъ. Какихъ людей я видѣла въ этомъ мѣстѣ! Многіе отъ чтенія всѣхъ политическихъ листковъ совершенно помѣшались въ умѣ, болтали о Политикѣ и Литературѣ, рѣшительно судили обо всемъ, не имѣя никакихъ познаній, и думали, что говорили умно, потому что говорили много.

Я перемѣняла безпрестанно свое мѣстопребываніе; была свидѣтельницею сокровенныхъ дѣяній; видѣла, какое непристойное дѣлали изъ меня употребленіе. Я изобразила бы, естьлибъ только захотѣла, многіе поступки, многія семейственныя обстоятельства, которыя заставили бы краснѣться..... Но не бойтесь, мущины! не трепещите, красавицы! — я безмолвствую.

Потомъ случай завелъ меня въ руки Мудреца, не рѣдко предстоящаго Престолу МОНАРХА, Которому онъ преданъ душею и сердцемъ. Сей Мудрецъ, по соизволенію ИМПЕРАТОРА, далъ свободу многимъ

крестьянамъ. Мнѣ должно упомянуть, какимъ образомъ я попалась въ хижину одного зажиточнаго поселянина Южной Россіи.

Старикъ, услышавъ о своей свободѣ, заплакалъ отъ радости и въ восторгѣ произнесъ: „Ахъ! и мнѣ надобно сдѣлать доброе дѣло.“ Потомъ отщиталъ 4000 рублей, и послалъ ихъ къ доброму Господину при письмѣ, въ которомъ просилъ его упомянутую сумму употребить на человѣколюбивыя заведенія. Письмо оканчивалось сими словами: „Я могу сдѣлать столько же, сколько вы.“ — Поселянинъ получилъ за то три медали, въ томъ числѣ и меня, съ извѣщеніемъ, что „ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ весьма пріятно имѣть въ числѣ подданныхъ Своихъ столь благомыслящаго Патріота.“

„Хозяйка! дѣти! подите всѣ сюда!“ вскричалъ доброй старикъ, разпечатывая конвертъ, принесенный къ нему съ Почтоваго двора, и лобызая образъ милосердаго МОНАРХА: „какъ Онъ Батюшка похожъ!“ продолжалъ поселянинъ въ восхищеніи: „какъ двѣ капли воды!“

Все семейство было крайне обрадовано моимъ присутствіемъ. Не могу довольно нахвалиться, какъ ласково меня и прочія медали приняли, и съ какимъ тщаніемъ

берегли, положивъ насъ въ чистую коробочку.

Здѣсь, въ нѣдрѣ Природы, среди простоты неповрежденной, среди нравовъ неизпорченныхъ, въ первой разъ я узнала, что есть вѣрность, любовь и единомысліе. Здѣсь я видѣла, какъ добрые поселяне каждыя утро и вечеръ молились милосердому Богу, работали, были здоровы и веселы; здѣсь я нашла людей совсѣмъ не похожихъ на жителей шумной Столицы; нашла людей добродушныхъ, достойныхъ быть современниками древнихъ Патріарховъ.

Насъ вынимали изъ ящичка только въ высокіе праздники Господскіе или во время семейственныхъ торжествованій. Тогда мы обыкновенно ходили по рукамъ, и каждой изъ гостей, отдавая насъ своему сосѣду, восклицалъ отъ искренняго сердца: „Отецъ небесный да сохранитъ жизнь Вселюбезнѣйшаго нашего *ГОСУДАРЯ*!“

(*Изъ иностр. Журн.*)

V.

Принцесса служанка и Графиня молошница.

(Истинное событіе.)

Во время пребыванія въ..., я познакомился съ обѣими К**, которыя прежде долго жили на Мысѣ Доброй Надежды. Я старался чаще быть съ ними вмѣстѣ; обѣ сіи Дамы имѣли умъ и сердце образованныя обхожденіемъ съ достойными людьми разныхъ націй, путешествіями, опытностію и наконецъ чтеніемъ избраннѣйшихъ сочиненій. Онѣ наслаждались философскимъ спокойствіемъ, живучи въ уединенномъ, прелестномъ сельскомъ домикѣ, въ которомъ я провелъ многія утра и вечера, пріятнѣйшія въ моей жизни.

Въ одно утро, положивъ въ карманъ пару книгъ, я отправился въ сельское жилище двухъ любезныхъ женщинъ. Пришедъ очень рано, я не нашелъ еще никого въ домѣ, кромѣ пожилой служанки лѣтъ около пятидесяти, которой плоской мѣднаго цвѣта носъ и оспою изпорченное лицо до тѣхъ поръ не обращали на себя моего вниманія. Она играла на варганѣ какую-то пѣсню очень проворно и съ смѣшными кривляньями, которыя одна-

кожь показывали ея внутреннее удовольствіе. Увидѣвъ меня, она тотчасъ спрятала свой инструментъ и хотѣла удалиться. Будучи въ веселомъ расположеніи духа, я вздумалъ остановить ее и завести съ нею разговоръ. Она часъ отъ часу становилась откровеннѣе и показала передо мною всѣ свои совершенства, то есть, танцовала, говорила по-Готтентотски и по-Малайски, пѣла Малайскія пѣсни, назвала мнѣ многія слова на обоихъ языкахъ. Все сіе она дѣлала весьма охотно, казалась очень веселою, играла на варганѣ, смѣялась, говорила по-Нѣмецки, по-Голландски, по-Французски, по-Англійски — то есть на всѣхъ сихъ языкахъ говорила очень худо, даже невразумительно. Чѣмъ болѣе я разговаривалъ съ сею странною женщиною, тѣмъ болѣе она казалась мнѣ занимательною. Наконецъ мнѣ захотѣлось узнать ея приключенія: я неотступно просилъ ее разсказать оныя. Тутъ она задумалась, сдѣлалась печальною; глаза ея наполнились слезами. „Ахъ!“ сказала она: „нѣкогда я была знатною, богатою и щастливою; отецъ мой — Король, я — Принцесса; теперь я бѣдная, нещастная невольница; мой отецъ умеръ, мой Аврамъ умеръ; мои дѣти померли.“

Печаль не дозволила ей продолжать. Въ сіе время пришла молошница сказать что-то моей собесѣдницѣ. Дѣвушка была прекрасна, какъ весеннее утро, полна, свѣжа, здорова, одѣта просто, но опрятно; словомъ, настоящая молошница, какая только могла существовать въ цвѣтущемъ воображеніи Живописцевъ и Поэтовъ. Щастлива ты, милая, веселая дѣвушка! сказалъ я самъ себѣ, тѣмъ, что не родилась Принцессою; въ противномъ случаѣ и ты нынѣ плакала бы и жаловалась на судьбу свою!

Тутъ вошли обѣ мои пріятельницы; разговоръ нашъ начался тѣмъ, что я видѣлъ, слышалъ и чувствовалъ.

„Вы еще не знали, сказала одна изъ Дамъ, какая свита окружаетъ насъ; женщина, которую вы видѣли, въ самомъ дѣлѣ произходитъ отъ Царскаго поколѣнія, а молошница наша есть дочь одной Французской Графини. Отецъ первой принадлежалъ къ многочисленной націи Малайской, разпространившейся въ Южной Азіи, и былъ Королемъ въ Бенкольской провинціи. Онъ велъ войну съ Англичанами, и на одномъ сраженіи былъ убитъ вмѣстѣ со многими своими единоземцами;

дочь его подверглась бы одинакой судьбѣ, естьли бы одинъ Англичанинъ не спасъ ее. Онъ взялъ ее съ собою, въ намѣренїи привезти въ свое отечество; но доѣхавъ до Мыса Доброй Надежды, принужденъ былъ, по причинѣ ея болѣзни, оставить ее на попеченїе одного нашего родственника. Не извѣстно, что послѣ сдѣлалось съ Англичаниномъ. Индїанка жила съ нами; хотя мы не считали ее нашею невольницею, однакожь поручали ей исправлять разныя мѣлочныя домашнїя работы. Сказать правду, въ ней не видно было никакой склонности къ другому упражненїю, кромѣ къ изящнымъ Художествамъ, достойнымъ Малайской Принцессы, какъ-то: къ прыганью, игрѣ на варганѣ и пѣнїю со щелканьемъ. Между тѣмъ, она полюбила насъ и захотѣла ѣхать вмѣстѣ въ Европу. Здѣсь она вышла за-мужъ за нашего Негра; Аврамъ ея умеръ спустя нѣсколько лѣтъ; скоро послѣ его померли трое дѣтей, родившихся отъ сего брака. Теперь она осталась одна въ свѣтѣ; моря и смерть разлучили ее съ ея отечествомъ и родными; даже привезенный ею изъ родины лисшокъ, на которомъ было написано по-Малайски, и которой берегла она какъ вещь драгоцѣнную, затерялся во время ея болѣзни. Она обыкновенно бы-

ваетъ очень весела, но часто отъ радости внезапно переходитъ къ неутѣшной печали."

„Молошница есть дочь одной Французской Графини, выѣхавшей изъ отечества; она родилась въ Германіи во время революціи и отдана была матерью на воскормленіе одной крестьянкѣ, жившей въ деревнѣ Французскихъ колонистовъ. Графиня, заплативъ деньги за нѣсколько мѣсяцевъ впередъ, скрылась, не извѣстно куда, и болѣе не являлась. Не знаемъ, что было причиною сего поступка: легкомысліе, бѣдность или увѣренность, что крестьянское состояніе щастливѣе всѣхъ прочихъ. — Добрая воспитательница съ материнскою нѣжностію старалась о воскормленіи невиннаго младенца, и часто говаривала, что пока будетъ имѣть кусокъ хлѣба для троихъ собственныхъ дѣтей своихъ, до тѣхъ поръ четвертое не будетъ терпѣть нужды. Маленькая Графиня, не смотря на то, что росла вмѣстѣ съ крестьянками, отличается отъ своихъ сверстницъ живостію, дарованіями и опрятностію; любитъ наряжаться и умѣетъ изъ *ничего* сдѣлать *что нибудь*. Воспитательница, которой она охотно помогаетъ работать, имѣетъ къ ней болѣе

горячности, нежели къ собственнымъ своимъ дѣтямъ."

Такимъ образомъ судьба привела Азіатскую Принцессу и Французскую Графиню въ Нѣмецкую провинцію — для того, чтобы быть тамъ служанками.

(*Изъ Нѣм. Журн.*)

VI.

Объ огненномъ изверженіи близъ Фанагоріи.

Недавно въ Вѣдомостяхъ обѣихъ Столицъ писано было объ огненномъ изверженіи на островѣ Таманѣ близь крѣпости Фанагорійской. Сіе грозное явленіе Природы тѣмъ болѣе удивительно, что при выбрасываніи горящихъ глыбъ земли и каменьевъ и при изверженіи лавы — принадлежности, общія всѣмъ горамъ огнедышущимъ — составился новой курганъ высотою въ десять саженей. Каждой помнитъ, что еще лѣтъ за десять прежде, почти на томъ же мѣстѣ, въ первой разъ показались признаки огней подземныхъ, и явилось небольшое озеро зеленоватой смрадной жидкости. Заключить должно, что благодѣтельная Натура го-

товитъ для огней своихъ отверстіе въ сей части земнаго шара, а для насъ, Северныхъ жителей, спасительную увѣренность въ безопасности отъ ужасныхъ опустошеній землетрясенія. Нынѣшнее лѣто и начало осени вообще достойны примѣчанія естественными феноменами сего рода. Везувій излилъ пламенныя рѣки лавы; Голландія чувствовала подземные удары; землетрясеніе разрушило въ Мадритѣ три церкви и многіе домы; наконецъ въ Ст. Мало и Ст. Серванѣ слышны были удары подобные залпу многочисленной артиллеріи, и чувствовано страшное землетрясеніе. Испуганные жители упомянутыхъ городовъ и областей по крайней мѣрѣ имѣютъ причины надѣяться въ слѣдующемъ году богатой жатвы; ибо общее примѣчаніе о плодородіи земли послѣ землетрясеній оправдано щастливымъ событіемъ въ нашемъ Отечествѣ. 1802 Года въ 14й день Октября въ большей части Россіи чувствованы были удары землетрясенія — и слѣдовавшее за тѣмъ лѣто наградило неурожай годовъ предшедшихъ. Не хотимъ относить къ одному началу разпространяющуюся нынѣ въ Испаніи эпидемическую болѣзнь и трясеніе земли; напоминаемъ только, что та и другое не рѣдко случаются въ

одно время; такъ на примѣръ въ Княженіе Василія Дмитріевича 1419 года Апрѣля 9 дня въ вечеру при ужасномъ громѣ и молніи, при необыкновенномъ наводненіи отъ дождя, было страшное землетрясеніе, и почти въ то же время въ нѣкоторыхъ Россійскихъ Областяхъ умерло множество народа отъ заразы. По свидѣтельству Тацита, моровая язва свирѣпствовала въ Малой Азіи, когда двенадцать славнѣйшихъ городовъ разрушены землетрясеніемъ. Замѣтимъ сходство обстоятельствъ тогдашняго произшествія съ изверженіемъ, нынѣ случившимся близь Фанагоріи. „Многія горы опустились," говоритъ Римскій Историкъ: „*равнины вздулись холмами; пламя вылетало изъ разсѣлинъ.*" Можно ли забыть при семъ случаѣ прямо Императорской поступокъ Цезаря Августа, освободившаго разоренные города отъ пятилѣтней подати и повелѣвшаго выдать имъ знатную сумму? Великодушныя дѣянія имѣютъ право на признательность потомства. — Сенека повторяетъ общее мнѣніе, утверждающее истину сказаннаго нами о связи и взаимныхъ отношеніяхъ землетрясенія съ заразою и приводитъ на то свои доказательства, которыя, искренно признаться, не показались бы

убѣдительными для нынѣшнихъ Физиковъ, равно какъ и предположенія Древнихъ о причинахъ землетрясеній. Духъ системы и тогда производилъ чудеса великія: на примѣръ, Ѳалесъ Милетскій, построивъ міръ свой на водѣ, землетрясенія и огненныя изверженія приписалъ дѣйствію сей же стихіи. — Мы содрогаемся, читая извѣстія о сихъ ужасныхъ явленіяхъ разгнѣванной Природы, напоминающихъ человѣчеству его бѣдность; но естьли вспомнимъ, что цѣлые острова поглощены Океаномъ (*), цѣлые города сокрылись въ пропастяхъ (**), разступившіяся горы составили отдѣленныя массы (***), области, отторженныя отъ твердой земли (****), получили новое Физическое и Географическое положеніе — мы непремѣнно должны съ благоговѣйнымъ чувствомъ благодарить Судьбу за то, что въ вѣчныхъ книгахъ своихъ она не опредѣлила намъ быть ни свидѣтелями, ни жертвами своей ярости.

(*) Островъ Атлантической.

(**) Сидонъ, Гелика, Бура, Помпея, Геркуланъ и другіе.

(***) Осса и Пеліонъ.

(****) Сицилія отъ Италіи, Африка отъ Европы у Гибралтарскаго пролива.

VII.

Мнѣніе Фонтенеля о возможности путешествовать на Луну.

Кто знаетъ, чѣмъ ограничатся наши опыты и открытія? Что кажется намъ невозможнымъ, то не есть такимъ въ самомъ дѣлѣ, и не будетъ казаться такимъ для нашихъ потомковъ, которые пойдутъ по слѣдамъ нашимъ и возпользуются сдѣланными открытіями. Остроумный Авторъ сочиненія о *міраѣ* зналъ по предчувствію, какихъ чудесныхъ произшествій должно надѣяться отъ изобрѣтеній, подобныхъ тѣмъ, которыми теперь занимаются Ученые.

„Я бьюсь объ закладъ," говорилъ онъ Маркизѣ. . ., „что заставлю васъ признаться, противъ собственной вашей воли и противъ правилъ здраваго разума, въ возможности нѣкогда имѣть сообщеніе съ Лунными жителями. Вспомните только о томъ состояніи, въ которомъ находилась Америка до открытія оной Христофоромъ Колумбомъ. Ея жители пребывали въ глубокомъ невѣжествѣ: не знали не только Наукъ, но ниже Искуствъ самыхъ необходимыхъ въ жизни; ходили нагіе; не имѣли инаго оружія, кромѣ лука; не посягали, какъ можетъ человѣкъ

ѣздить на животныхъ; почитали море предѣломъ жилищъ своихъ, соединяющимся съ небеснымъ сводомъ, и думали, что далѣе ничего не находится. Правда, они плавали около береговъ въ лодкахъ, сдѣланныхъ изъ выдолбленныхъ пней посредствомъ острыхъ камней; но никогда не отваживались пускаться въ открытое море. Естьли бы кто нибудь тогда сказалъ имъ, что есть способы плавать, совсѣмъ отличные отъ тѣхъ, которые извѣстны имъ; что можно безпрепятственно въ желаемомъ направленіи преплывать неизмѣримыя пространства, можно останавливаться среди волнующагося моря, или продолжать плаваніе съ скоростію большею или меньшею; что наконецъ, моря сіи, сколь ни кажутся онѣ обширными, не могутъ возпрепятствовать сообщенію разныхъ народовъ — вы безъ сомнѣнія согласитесь, что они сему не захотѣли бы вѣрить. Представьте же себѣ изумленіе ихъ, когда они увидѣли зрѣлище, совершенно новое! Являются огромныя массы съ бѣлыми крыльями, летятъ по водамъ, изрыгаютъ со всѣхъ сторонъ дымъ и пламя, и выбрасываютъ изъ себя на берегъ людей неизвѣстныхъ, покрытыхъ сталью, сидящихъ верхомъ на чудовищахъ и поражающихъ громомъ каждаго, кто

смѣетъ противиться имъ. Откуда пришли сіи люди? Кто указалъ имъ дорогу на поверхности морей? кто далъ имъ этотъ огонь? не боги ли они? не дѣти ли солнца? По крайней мѣрѣ не льзя почитать ихъ смертными."

„Не знаю, сударыня, продолжалъ Философъ, понимаете ли вы изумленіе Американцевъ, какъ должно понимать его; я увѣренъ, что оно было единственное въ мірѣ. Послѣ всего сказаннаго, не ручаюсь за невозможность сообщенія между жителями лунными и земными. Думали ли Американцы познакомиться съ Европою, объ которой они даже совсѣмъ не вѣдали? Правда, что отъ земли до Луны не близко, и не очень легко перелетѣть пространства воздушныя и небесныя, раздѣляющія обѣ планеты; но Американцы не почитали ли невозможнымъ переплыть моря неизмѣримыя? Мы же теперь знаемъ, что подниматься на воздухъ не есть дѣло невозможное; ибо мало по малу уже начинаемъ летать. Многіе нашли способы, съ помощію подвязанныхъ крыльевъ, держаться на воздухѣ, поворачиваться по желанію и переправляться черезъ небольшія рѣчки. Правда, что все это еще не похоже на полетъ орлиный; сверхъ того должно признаться, что сіи новыя

птицы часто лишались рукъ и ногъ; но не надобно забывать, что плаванїе въ началѣ также было весьма несовершенно. Наши нынѣшнїе опыты надлежитъ ставить наряду съ первою доскою, пущенною на воду. Какое разстоянїе отъ сей доски до огромнаго корабля, назначеннаго для путешествїя вокругъ Свѣта! Однакожъ наконецъ научились строить большїе корабли. *Искуство летанїя теперь находится только при рожденїи; оно усовершенствуется, и тогда смѣло можно будетъ путешествовать на Луну.* Кто станетъ утверждать, что мы сдѣлали уже всѣ возможныя открытїя, къ которымъ нечего прибавить? Будемъ справедливы и признаемся, что еще много неизвѣстнаго остается для нашихъ потомковъ. Естьли мы здѣсь летаемъ худо, за то Лунные жители, можетъ быть, искуснѣе насъ; можетъ быть, они имѣютъ болѣе къ тому способности; все равно, мы ли посѣтимъ ихъ прежде, или они насъ. Поставимъ себя на часъ на мѣстѣ Американцевъ, которымъ въ голову не приходило, что можно плавать по морю, между тѣмъ какъ на другой половинѣ Свѣта умѣли плавать очень искусно. Европейцы не скоро открыли Америку; 6000 лѣтъ требовалось для усовершенствованїя мореплава-

ванія до той степени, чтобы переплыть Океаны. Можетъ быть, Лунные жители уже умѣютъ перелетать небольшія пространства; со временемъ успѣютъ болѣе, а наконецъ, когда опыты ихъ надлежащимъ образомъ усовершенствуются, мы ихъ увидимъ, увидимъ конечно. Какимъ изумленіемъ поразитъ насъ сіе зрѣлище!"

„Чтобы увѣриться въ справедливости моихъ заключеній, продолжаетъ Фонтенель: примѣтьте только, что свѣтъ часъ отъ часу прибавляется. Древніе полагали, что холодный и жаркій поясы несбитаемы, и во времена Римлянъ Карта всей земли и Карта ихъ Имперіи было одно и тоже; это показываетъ съ одной стороны величіе, въ другой означаетъ невѣжество. Однакожь послѣ открылось, что страны жаркія и холодныя имѣютъ своихъ жителей. Слѣдственно свѣтъ увеличился. Потомъ думали, что Океанъ ограничиваетъ всемірное, тогда извѣстное, пространство, и что антиподы не существуютъ, потому что объ антиподахъ никто отъ роду не слыхалъ, и потому что не льзя ходить вверхъ ногами; и чтожь вышло, не смотря на заключенія столь правильныя? Опытъ показалъ, что антиподы существуютъ. По открытіи другой половины Свѣта, над-

лежало передѣлывать Карты. Когда узнаютъ совершенно шаръ земной, тогда дойдетъ дѣло и до Луны. Но надобно подождать, пока это сбудется; ибо еще на землѣ много есть мѣстъ неизвѣстныхъ; кажется, что все сіе дѣлается постепенно и по порядку."

Фонтенель, говоря такимъ образомъ, какъ кажется, болѣе въ шутку, нежели утверждая рѣшительно, не предвидѣлъ, что его современники, оставшіеся послѣ него на земномъ шарѣ, откроютъ способы, легкіе и надежные, подниматься на воздухъ до высоты чрезвѣрной, и новыми опытами разпространятъ сферу человѣческихъ знаній.

(*Изъ Монитера.*)

VIII.

О древнихъ Римскихъ монетахъ, найденныхъ въ Ахтырскомъ уѣздѣ.

На сихъ дняхъ Издатели Вѣстника получили увѣдомленіе отъ Ахтырскаго Земскаго Исправника, Г. Коллежскаго Ассесора Ольховича, о найденныхъ въ Украинской Губерніи рѣдкостяхъ, о которыхъ спѣшимъ извѣстить нашихъ Читателей, а особливо охотниковъ до древностей.

Слободской - Украйнской Губерніи; Ахтырскаго уѣзда въ Бѣлчанской волости не далеко отъ слободы Жигайловки, однимъ тамошнимъ поселяниномъ, пахавшимъ ниву, найдена зарытая въ землѣ мѣдная, изъѣденная ржавчиною ваза, нигдѣ не спаянная, кромѣ шейки, и имѣющая видъ небольшой сулеи самой старинной фигуры, какія нынѣ у тамошнихъ жителей совсѣмъ не употребляются. Въ сей вазѣ находилось множество древнихъ Римскихъ серебреныхъ монетъ величиною съ Россійскій гривенникъ; въ нихъ вѣсу одиннадцать фунтовъ, а въ сосудѣ два фунта съ половиною. По очищеніи ржавчины и по разсмотрѣніи надписей Любителями древностей, Гг. Помѣщиками того уѣзда, Лесевицкимъ и Чемодановымъ, вмѣстѣ съ упомянутымъ Гм. Исправникомъ, нашлись на монетахъ изображенія многихъ Римскихъ Императоровъ и Императрицъ первыхъ вѣковъ, какъ то: Варуса, Траяна, Вителлія, Нервы, Коммода, Антонина, Адріана, Юлія Цезаря, Веспасіана, Фавстины Августы и Сабины. Любопытно знать, въ какое время зарыты въ землю сіи памятники древности. Извѣстно, что владѣнія Римлянъ никогда не простирались до рѣки Ворсклы, близь которой стоитъ Ахтырка. Въ среднихъ

вѣкахъ страны, составляющія нынѣ Губерніи, Слободскую-Украинскую и Екатеринославскую, были занимаемы Половцами или Печенѣгами, кочевавшими по Дону, Донцу и Днѣпру, и переходившими съ скотомъ своимъ съ одного мѣста на другое, пока наконецъ въ тринадцатомъ столѣтіи, будучи истреблены Татарами, потеряли имя свое и существованіе. Около половины семнадцатаго вѣка въ нынѣшней Украйнѣ начали селиться Малороссійскіе Козаки, вытѣсняемые Поляками. Изъ Грамоты, пожалованной Ахтыркѣ въ 1669 мъ году Царемъ Алексіемъ Михайловичемъ, видно, что сей городъ построенъ въ 1641 году подъ надзираніемъ Польскаго Урядника Кульчевскаго; потомъ Начальникомъ города былъ Урядникъ Якубовскій. Нѣтъ сомнѣнія, что между Козаками находились многія Польскія фамиліи; слѣдственно собираніе древнихъ монетъ должно относить ко временамъ новѣйшимъ. Почитая позволеннымъ себѣ объявить здѣсь свое мнѣніе, предоставляемъ рѣшить сію любопытную задачу Господамъ Антикваріямъ, особенно занимающимися изслѣдованіемъ древностей и Исторіею.

IX.

Гордость.

Доколѣ, смертный, суетами
Свой гордый будешь духъ питать?
Доколь надменными мечтами
Себя ты станешь обольщать?
Доколѣ, бренная былинка,
Одушевленная пылинка!
Кичливо будешь возглашать:
„Я Царь всѣхъ тварей, всей Природы,
„Я прочихъ всѣхъ твореній роды
„Ногами созданъ попирать;

*

„Левъ страшный, что въ степяхъ рыкаетъ,
„Послушнымъ быть мнѣ принужденъ;
„Звѣздъ бездна для меня блистаетъ,
„Свѣтъ солнца для меня возженъ.
„Я разумомъ Творцу подобенъ;
„Одинъ лишь въ мірѣ я способенъ
„Предвѣчны тайны проницать.
„Завѣсу мрака раздираю
„И къ небесамъ взносясь, дерзаю
„Цѣль мірозданья постигать;

*

„Натуры лоно обнаженно
„Является передо мной.
„Къ моимъ лишь пользамъ сотворенно,
„Что въ свѣтѣ я ни зрю...“ — Постой!

Постой! что рекъ ты, дерзновенный!
Воспомни, прахъ и червь надменный,
Что и на маломъ шарѣ семъ
Едва ты точку занимаешь;
Почтожь себя ты называешь
Всѣхъ видимыхъ существъ Царемъ?

*

Тебѣ ли, слабое творенье,
Творцу себя уподоблять?
На свѣтѣ часть твоя — сомнѣнье.
Тебѣ ли Промыслъ постигать?
Рожденъ ты вѣрить, заблуждаться,
Не вѣрить, спорить, пресмыкаться,
И куклою Фортуны быть;
А ты, взносяся, низпадаешь,
И пылью покровенъ, дерзаешь
Паденіе свое таить!

*

Какимъ волшебствомъ омраченный,
Не слышишь рабства тяготы?
Оковами обремененный,
Зовешь себя свободнымъ ты!
Тебя обуреваютъ страсти;
Ты столько не имѣешь власти,
Чтобъ ихъ разсудку покорить.
Коль ты не властвуешь собою,
Природѣль быть твоей рабою?
Тебѣль Царемъ вселенной быть?

*

Взгляни на сводъ небесъ пространный,
На тьму висящихъ въ немъ шаровъ,
На блескъ всѣхъ солнцевъ лучезарный;
Представь безчисленность міровъ,
Которыхъ лучь отъ перва вѣка
Не долетѣлъ до человѣка;
Потомъ къ себѣ ты обратись:
Пространство міра измѣряя
И съ міромъ симъ себя ровняя —
Тогда, коль можешь, ты гордись.

*

Но гордость общую оставя,
До частной я теперь коснусь;
Къ важнѣйшей цѣли мысль направя,
Къ тѣмъ пышнымъ Крезамъ обращусь,
Которы бѣдныхъ презираютъ
И съ хладнокровіемъ взираютъ
На льющійся ихъ слезный токъ.
Та гордость только заблужденье;
Сія жь сердецъ ожесточенье,
Изъ ада вышедшій порокъ.

*

Вельможа, зломъ симъ зараженный,
Рыданью страждущихъ внемли!
Воспомни, смертный ослѣпленный,
Что ты такажь горсть земли.
Смѣешься ты, а братъ твой стонетъ!
Ты въ роскоши, въ слезахъ онъ тонетъ!

Ты въ щастіи, а онъ въ бѣдахъ!
Но ты словамъ симъ не внимаешь;
Почтожь главу ты воздымаешь?
Нещастныхъ нѣтъ на небесахъ.

*

О смертный! выдь изъ заблужденья,
Познай удѣлъ нашъ общій ты:
Родимся мы для облегченья
Взаимныхъ бѣдствій тяготы.
Но, ахъ! ты то ли исполняешь,
Когда тѣхъ гордо отвергаешь,
Покровъ которымъ нуженъ твой?
Иль ты не слышишь ихъ стенанья?
Возможно ли безъ состраданья
Нещастныхъ зрѣть передъ собой?

*

Страшись! наступитъ время грозно;
Спѣши спасать себя отъ бѣдъ;
Раскаяніе будетъ поздно,
Какъ смертная коса сверкнетъ;
Сверкнетъ — и духъ твой возтрепещетъ.
Смотри, сколь страшны взоры мещетъ. . .
Кто? — Совѣсть, строгій нашъ судья,
Въ сей жизни адъ тебѣ покажетъ,
Злу фурію къ тебѣ привяжетъ,
Вселится въ грудь твою змѣя.

*

Но коей чудною мечтою
Внезапу сталъ я пораженъ?

Какой невидимой рукою
Я къ пышну храму пренесенъ?
Къ нему дорогу ограждаютъ
Кичливы кедры, что теряютъ
Свои вершины въ облакахъ.
Тщеславье двери отверзаетъ,
И въ храмъ стремительно вбѣгаетъ
Тѣсняцiйся народъ въ дверяхъ.

*

Какое дивное видѣнье
Свѣтъ солнечный блистаньемъ тмитъ
И помрачаетъ слабо зрѣнье!
Богиня храма то сидитъ:
Нещастье, опершись рукою,
Небесъ касается главою,
Въ срединѣ пышныхъ олтарей,
Ногами скиптры попираетъ,
И взоръ презрѣнiя кидаетъ
На скованну толпу Царей.

*

Взирая на сiе блистанье,
О смертный! береги себя.
Сiе приманчиво сiянье,
Страшись, да не прельститъ тебя.
Но чтобъ отъ зла тебѣ спастися,
Со мной не медля пренесися
Въ прелестный сей по виду храмъ;
Предметы въ ономъ разбирая,
На мѣсто чаемаго рая,
Ты страшный адъ увидишь тамъ.

*

Смотри, сквозь блеска ложной славы
Прискорбенъ сколь Гордыни зракъ!
Она за щастье и забавы
Считаетъ — ихъ одинъ призракъ.
Тоска, уныньe, отвращенья
Меньшія суть ея мученья:
Ей недовѣрчивость, боязнь
Всечасно сердце раздираютъ,
И безпрестанно низвергаютъ
Ее изъ казни въ нову казнь.

*

Предъ ней разтрепанный и блѣдный,
Потупя взоры, *страхъ* стоитъ;
Тамъ *злоба*, ковы строя вредны,
Одними взглядами язвитъ.
Унылое сихъ мѣстъ молчанье
Лишь притѣсняемыхъ рыданье
Дерзаетъ иногда прервать;
Но Гордость онымъ не внимаетъ —
Услыша жь вопль, повелѣваетъ
Въ темницу бѣдныхъ низвергать.

*

Тамъ *зависть* подлая клевещетъ,
Стремяся ближнихъ очернить,
Желѣзо тамъ *пристрастья* блещетъ,
Грозя невинность погубить.
Коварной хитростью попранны,
Усердье, *истина* изгнанны,

Не смѣютъ въ храмъ дверей отверсть;
Но вольный входъ въ него имѣетъ,
Сплетать хвалы Богинѣ смѣетъ,
Съ челомъ мѣдянымъ нагла *лесть*.

*

Какіе горды исполины
Грозятъ главами небесамъ?
И мнится, что изъ нихъ единый
Удобенъ изпровергнуть храмъ.
Къ стопамъ ихъ подлость припадаетъ,
И ихъ колѣна лобызаетъ;
Но каждый изъ колоссовъ сихъ,
Его коль выше кто явится,
Предъ тѣмъ въ Пигмея претворится,
И снѣсь его изчезнетъ въ мигъ.

*

Взгляни теперь на изходящихъ
Изъ храма пышнаго сего:
Ты слышишь горько ихъ стенящихъ
Отъ заблужденья своего.
Сіянья щастія лишенны,
Отъ всѣхъ оставлены, презрѣнны,
Идутъ въ пустыню жизнь влачить.
Почтожь къ друзьямъ не прибѣгаютъ?
Увы! друзей они не знаютъ;
Имъ не съ кѣмъ горестей дѣлить.

*

Отчаянье, власы терзая,
Вія въ окровавленну грудь,

Нещастныхъ сихъ сопровождая,
Имъ терньемъ устилаетъ путь;
Стенанье ими притѣсненныхъ,
Иль помощи въ бѣдахъ лишенныхъ,
Пронзаетъ ихъ преступный слухъ;
Ступая робкими шагами,
Геенну видятъ подъ ногами,
И ужасъ ихъ объемлетъ духъ.

❋

О вы, сердца ожесточенны!
Да устрашитъ примѣръ васъ сей!
На то ль вы щастьемъ вознесенны
На верьхъ достоинствъ и честей,
Чтобъ только для себя лишь жили,
Какъ василискибъ взглядомъ били
Къ вамъ прибѣгающихъ въ слезахъ?
Вы сильны и велики нынѣ;
Но будь угодно лишь Судьбинѣ —
Вы завтра жъ низпадете въ прахъ!

❋

Не медли же, о смертный! болѣ,
Храмъ Гордости оставь навѣкъ,
Хотябъ ты былъ и на Престолѣ;
Но Царь такой же человѣкъ.
Тогда лишь смертныхъ превышаетъ,
Когда ихъ слезы отираетъ,
Снизходитъ утѣшать ихъ самъ;
Тогда не саномъ Онъ лишь славенъ,
Онъ Титамъ, АЛЕКСАНДРАМЪ равенъ,
Тогда — подобенъ Онъ богамъ.

X.

СМѢСЬ.

Въ Берлинѣ напечатана книга, подъ названіемъ: Züge zu einem Gemälde von Moskwa, написанная какимъ-то Вихельгаузеномъ. Непріятно намъ упоминать о такомъ сочиненіи, которое заставляетъ благомыслящихъ земляковъ Гна. Вихельгаузена краснѣться; но съ другой стороны долгомъ почитаемъ объявить о немъ Читателямъ для того, что благодарные иностранцы, искренно любящіе наше Отечество, изъявили свое презрѣніе къ Автору и его книгѣ, наполненной отъ одной доски до другой клеветами и невѣжествомъ. Въ Сѣверномъ архивѣ помѣщено разсмотрѣніе сего сочиненія, написанное человѣкомъ, какъ кажется, просвѣщеннымъ и опытнымъ знатокомъ Россійской Статистики. Г. Вихельгаузенъ, въ званіи Врача бывъ въ Москвѣ весьма короткое время, и не зная ни языка, ни обычаевъ, ни духа національнаго, ниже мѣстоположенія описываемаго имъ города, возложилъ на себя трудную должность изобразить Москву во всѣхъ ея отношеніяхъ, то есть въ Физическомъ, Медицинскомъ, Топографическомъ, Историческомъ, церковномъ и гражданскомъ. Замѣтимъ главныя достоин-

ства его книги. Авторъ пишетъ *Гритоне городникъ*, вмѣсто Харитонїй въ Огородникахъ, *лоберншики* вмѣсто лавочники, *буттершники* вмѣсто буточники, *сеза* вмѣсто Съѣзжїй домъ, *можвеникъ* вмѣсто можжевельникъ, *Вошесенски* вмѣсто Вознесенскїй; перестроилъ по-своему части города, кварталы и улицы; учредилъ въ Москвѣ Нѣмецкой Почт-амтъ, создалъ горы и болота, населилъ Москву-рѣку и Яузу множествомъ рыбъ, которыя до сихъ поръ были привозимы издалека, и проч. и проч. Можно ли не благодарить Автора за всѣ сїя полезныя перемѣны? Не понимаемъ только, что Г. Вихельгаузенъ намѣренъ сдѣлать съ Духовенствомъ, войскомъ, купечествомъ, мѣщанствомъ, цеховыми и дворовыми служителями, которыхъ онъ совсѣмъ не полагаетъ въ числѣ жителей Московскихъ, рѣшительно утверждая, что въ Москвѣ находится только четыре класса людей: Дворяне, отпущенные на волю, чужестранцы и *мужики*! Любезный Авторъ разсказываетъ, что Руской народъ отъ природы безобразенъ тѣломъ, тупъ умомъ и подверженъ ужаснымъ болѣзнямъ; само собою разумѣется, что всѣ сїи бѣды производитъ климатъ. Вотъ ученое доказательство Гна. Вихельгаузена, предъ которымъ должно безмолвствовать:

„Всѣ тѣла органическія, въ Москвѣ и „около Москвы растущія, не могутъ до„стигать своей зрѣлости; люди, живот„ныя и растѣнія вообще здѣсь малорослѣе, „нежели въ умѣренныхъ полосахъ земнаго „шара: ибо холодъ, дѣйствуя на ихъ „организацію, стѣсняетъ волокна, дѣ„лаетъ ихъ менѣе раздражаемыми, и слѣ„довательно короче; отъ того вся наруж„ность тѣла принимаетъ извѣстный „видъ, отъ того въ Москвѣ не видно значи„тельныхъ, характерныхъ лиценачерта„ній, какіе находимъ въ Греціи и Италіи; „напротивъ встрѣчаете здѣсь брюзглыя, „толстыя туши, изобилующія жиромъ, „наполняющимъ клетчатой составъ ихъ „кожи, для сохраненія внутреннихъ ча„стей отъ дѣйствія холода. Опытъ пока„залъ, что и образованіе души подлежитъ „тѣмъ же законамъ, какимъ тѣла органи„зованныя; сіе образованіе обыкновенно „худо зрѣетъ въ холодномъ климатѣ.“ Изъ всего заключить должно, что Г. Вихельгаузенъ хочетъ сказать своимъ читателямъ, что онъ родился въ тепломъ климатѣ, что онъ роста высокаго и стана тонкаго, что почитаетъ себя умникомъ и красавцемъ, и что, бывъ въ Москвѣ, ходилъ по улицамъ безъ шубы.

Исаакъ Воссїусъ, извѣстный Литтераторъ семнадцатаго столѣтїя, собственнымъ примѣромъ показываетъ, какїя нелѣпости можно написать, слѣдуя духу системы. По его мнѣнїю, до временъ Силлы, число гражданъ Римскихъ состояло изъ 14 миллїоновъ, а городъ Римъ въ царствованїе Августа имѣлъ въ себѣ 5 миллїоновъ жителей. Сей Ученый мужъ, сколько былъ щедръ къ древнимъ, столько скудъ для своихъ современниковъ; на примѣръ во Францїи онъ полагаетъ только 5 миллїоновъ, въ Германїи столько же, въ Россїи 3, и 2 въ Испанїи. Онъ разумѣлъ всѣ языки Европейскїе, и ни на одномъ не умѣлъ изъясняться; совершенно зналъ духъ и обыкновенїя древнихъ, и не имѣлъ понятїя объ исторїи и нравахъ своего вѣка. Карлъ II., Король Англїйскїй, сказалъ о немъ: „Этотъ Богословъ очень страненъ; онъ вѣритъ всему — кромѣ Библїи.“ Лудовикъ XIV., уважавшїй ученость и дарованїя во всѣхъ странахъ, приказалъ Кольберту послать къ Воссїю при письмѣ подарокъ „въ знакъ своего почтенїя и въ залогъ Монаршаго покровительства.“

(Изъ Пар. Журн.)

Отецъ Карбассонъ воспиталъ при себѣ Оранг-Утанга, которой столько былъ привязанъ къ своему господину, что каждой разъ порывался бѣжать за нимъ, когда онъ выходилъ изъ дому, и каждой разъ надлежало запирать животное, когда честный отецъ шелъ въ церковь для отправленія службы, по своей должности. Въ одинъ день Оранг-Утангъ ушелъ изъ дому, прибѣжалъ въ церковь, пробрался до каѳедры и сталъ у ея подножія, не двигаясь съ мѣста до тѣхъ поръ, пока проповѣдникъ началъ сказывать поученіе. Въ сіе время животное, вскарабкавшись на верхъ каѳедры, и примѣчая тѣлодвиженія Священника, дѣлало такія странныя кривлянья, которыя заставили смѣяться собраніе, не смотря на всѣ его усилія удержаться. Честный отецъ, изумленный и пришедшій въ замѣшательство такою веселостію своихъ слушателей, сдѣлалъ имъ строгой выговоръ; но это не имѣло успѣха: собраніе снова захохотало, а проповѣдникъ съ жаромъ и съ живостію тѣлодвиженій кричалъ и бранился на своихъ слушателей. Оранг-Утангъ передразнивалъ его столь искусно, что слушатели помирали отъ смѣха. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ

пріятелей Священника не объявилъ ему причины сего безпорядка. Приказано Оранг-Утанга отвести домой; но слушатели не могли забыть смѣшныхъ кривляній животнаго, и самъ честный отецъ едва могъ сохранить свою важность.

(Изъ Сѣв. Пчел.)

ПОЛИТИКА.

I.

Маратъ.

Не знаю, къ какому отдѣленїю должно отнести образъ Маратскаго правленїя. Собственно Монархїей назвать его не можно; здѣсь нѣтъ Дворянства, пользующагося особенными преимуществами — слѣдственно нельзя назвать его Аристократїею, а еще менѣе Демократїею, потому что народъ здѣсь ничего не значитъ. Разсмотря внимательно положенїе дѣлъ, можно сказать, что здѣшнїй составъ тѣла государственнаго сходствуетъ съ Нѣмецкими Имперскими Округами, имѣя образъ военной Республики, состоящей изъ Начальниковъ, не зависящихъ одинъ отъ другаго, но признающихъ главою Пешву, хотя сей послѣднїй есть не иное что, какъ Министръ Саттарага Райи. Подчиненность Маратовъ во многихъ отношенїяхъ есть одно имя безъ значенїя. Правитель, сїя нещастная отрасль Севая, лишенъ всей власти; не смотря на то, иногда оказывается ему нѣкоторое уваженїе. Пешва

не можетъ возложить на себя своего достоинства, не получивъ диплома отъ Райи; не можетъ выступить въ военной походъ, не бывъ у него на отпускной аудїенцїи. Поля Саттарага освобождаются отъ военныхъ повинностей и даже сраженїй; всякой владѣлецъ, вступивъ въ его область, снимаетъ съ себя знаки своего достоинства, и отдаетъ приказанїе не ударять въ нагару, или великїй барабанъ государственный.

Это единственные знаки уваженїя, оказываемые такъ называемому Главѣ сего сильнаго Государства, которой впрочемъ, говоря въ точномъ значенїи слова, есть узникъ, и которой имѣетъ доходъ весьма посредственный. Нынѣшнїя Райя, назадъ тому нѣсколько лѣтъ, былъ простой Филладаръ, то есть предводитель толпы всадниковъ; но какъ онъ, по нещастїю, произходитъ отъ Севаева поколѣнїя, то, послѣ смерти его предмѣстника, извлекли его изъ спокойной неизвѣстности и возвели на блистательный престолъ бѣдности и узничества.

Все, что принадлежитъ до сего народа необыкновеннаго, заслуживаетъ особливое вниманїе, потому что Маратовъ можно почесть политическимъ феноме-

номъ Востока. Ихъ государственныя правила и постановленія возбуждаютъ наше любопытство, представляя образъ мыслей и поведенія, совсѣмъ отличный отъ умѣренной системы Европейской Политики. Даже мѣстныя разпоряженія Государства тѣмъ странны, что области разныхъ Владѣльцевъ не только одна другую пересѣкаютъ, но совершенно перемѣшаны и перепутаны. Одна часть областей Пешвы граничитъ съ моремъ, другая простирается къ Сѣверу за Дели. Не рѣдко случается, что одинъ городъ принадлежитъ тремъ различнымъ Владѣтелямъ; есть мѣста, составляющія общую собственность Пешвы и Ницама. Такое шахматное разпоряженіе очень странно и показываетъ, что соединенныя силы *цѣлаго* напрягаются для ослабленія частей своихъ. Есть ли это дѣло обдуманное благоразумной Политики, или случай произвелъ оное? — оставляю рѣшить другимъ наблюдателямъ.

Хотя Пешва почитается главою Государства, однакожь онъ самъ есть Владѣлецъ весьма не богатой. Субадари, или округа Ахмедалаба, которая даетъ ему годоваго дохода около шестидесяти ла-

ковъ (*) рупій, есть самая большая изъ его дистриктовъ. Нѣкоторые знатные Чиновники Государственные въ Поонагскомъ дистриктѣ, или Сиркарскомъ, по силѣ преимуществъ, сопряженныхъ съ ихъ должностями, обладаютъ многими землями, отъ Пешвы независящими и приносящими имъ важные доходы. Пурзерамъ Бовъ владѣлъ одною изъ сказанныхъ земель, отъ которой получалъ ежегодно тридцать лаковъ. Рустїа Фонцїа, или, какъ обыкновенно называютъ его, Топе Коонаiъ Валла — военачальникъ, котораго можно сравнивать съ Британскимъ Генералъ-Фелдцейгмейстеромъ — Фиркїя и другїе Чиновники имѣютъ доходы весьма знатные, превышающїе тѣ, которые Пешва получаетъ изъ своихъ областей. Главные источники доходовъ его суть поборы съ другихъ членовъ Государства; но всѣ они, взятые вмѣстѣ, простираются не свыше четырехъ крорь рупій.

Въ Поонагѣ всѣ важнѣйшїя государственныя должности суть наслѣдственныя. Деванъ, или Министръ, Фурнавезъ или Канцлеръ, Хитнавезъ или Го-

(*) Одинъ лакъ содержитъ въ себѣ 100,000 рупій, а въ крорѣ находится 100 лаковъ. Рупїя стоитъ около 18 Саксонскихъ грошей.

сударственный Референдарій, даже главный Начальникъ войскъ, имѣющій при себѣ небольшое парчевое знамя — всѣ сіи Чиновники получаютъ мѣста свои по праву наслѣдства, и сіе учрежденіе наблюдается съ такою точностію, что еще ни одинъ Пешва не покушался отмѣнить его. Однакожь сіе обыкновеніе наблюдается только въ одной области Поонагской.

Особенная отличительная черта Маратскаго Правленія есть та, что сіе Государство всегда находится въ военномъ положеніи. Обстоятельство сіе произходитъ отъ неопредѣленнаго, не твердаго состоянія внутренняго управленія. Мараты съ обнаженнымъ мечемъ въ рукахъ удерживаютъ за собою области, недавно пріобрѣтенныя въ Индостанѣ; они находятся въ необходимости насильно собирать съ жителей поземельную подать, которую во всякое время сіи послѣдніе платили весьма неохотно и не иначе, какъ по крайнему принужденію. Кромѣ сей побудительной причины, война есть для нихъ средство къ полученію доходовъ. Начальники Государства ежегодно отправляются въ походъ въ отдаленныя провинціи, не совсѣмъ еще покоренныя власти Маратовъ. Сіи военные походы называются у нихъ двумя Персидскими

словами *Мулукъ-гере*, которыя значатъ: покореніе земель.

Вѣчная война поглощаетъ страшныя издержки, для дополненія коихъ Маратты употребляютъ всѣ возможныя средства; обыкновеннѣйшее изъ нихъ есть — преждевременное собираніе государственныхъ доходовъ. Почитаю излишнимъ входить здѣсь въ подробное изслѣдованіе, сколь вредна, сколь пагубна такая система. Получается въ займы извѣстная сумма подъ залогъ поземельныхъ доходовъ; для сего надлежитъ торговаться съ богатымъ Сикаромъ, которой съ Министромъ всегда живетъ въ добромъ согласіи. Суммы выдаются съ вычетомъ тридцати или сорока процентовъ и сверхъ того самою негодною монетою.

Сей способъ доставать деньги, сопряженный съ очевиднымъ разореніемъ, есть главною причиною неопредѣленности государственнаго состоянія. Всякой, имѣя извѣстную сумму и требуя за нее чрезмѣрные проценты, заставляетъ правительство предпочитать наличныя деньги неизвѣстнымъ доходамъ трехъ или четырехъ будущихъ годовъ, а особливо, что не рѣдко случается, естьли подати уже собраны за все упомянутое время. Въ дистрикшахъ, управляемыхъ Сикарами,

налоги очень не велики, и теперь тѣ же самые, какїе были за нѣсколько вѣковъ. Подати отъ обыкновенныхъ вещей, нужныхъ для житейскихъ потребностей, простираются не болѣе пяти на сто. Цѣлая половина доходовъ Владѣльца состоитъ изъ податей, получаемыхъ имъ отъ земли своей. Налогъ, платимый Нищамомъ, и упомянутыя выше Мулукъ-гере собственно составляютъ главнѣйшїе Маратскаго Государства доходы, которые однакожъ, сколько впрочемъ ни велики они, весьма недостаточны для издержекъ. Покоренныя провинцїи Индостана, истощенныя безпрестанными налогами, не въ состоянїи удовлетворять жадности Маратовъ. Все богатство сей земли, прежде изобиловавшей сокровищами, нынѣ лежитъ сокрыто въ домашнихъ казначействахъ Маратскихъ начальниковъ, и совершенно погибло для пользы общественной. Теперь въ Индостанѣ такой недостатокъ въ наличныхъ деньгахъ, что Сциндїя въ теченїе послѣднихъ двухъ годовъ принужденъ былъ насильно собирать деньги въ провинцїи Поонагской, для удовольствованїя жалованьемъ многочисленнаго своего войска, находившагося въ Индостанѣ.

Во всѣхъ Маратскихъ Княжествахъ Владѣлецъ ничего не значитъ, естьли

онъ не одаренъ особенными талантами, и въ такомъ случаѣ вся власть находится въ рукахъ Девана, или Министра. Сія важная должность обыкновенно достается тому, кто въ случаѣ нужды умѣетъ промыслить большую сумму для государственной потребности; ибо и въ послѣдствіи времени неспособность доставать деньги, когда въ нихъ настоитъ надобность, есть достаточною причиною для отрѣшенія Министра. Кто принесетъ Князю подарокъ, иногда состоящій изъ нѣсколькихъ лаковъ рупій, тотъ во всякомъ случаѣ можетъ почитать себя невиннымъ.

Такимъ образомъ открытъ пространной путь къ развращенію нравовъ. Каждой постъ, каждая должность продается тому, кто даетъ болѣе; тутъ не смотрятъ ни на способности, ни на опытность, а только на однѣ деньги. Такой безпорядокъ естественно влечетъ за собою похищеніе казны общественной, безпорядокъ, котораго отвратить уже не можно: ибо какъ станетъ наказывать преступника тотъ, кто собственнымъ примѣромъ ободрилъ его и имъ содѣлался участникомъ преступленія? Человѣкъ, купившій свое мѣсто, не увѣренъ въ томъ, удержитъ ли его въ теченіи одного года, и это служитъ для него новымъ

поощреніемъ, насыщать свое корыстолюбіе до границъ возможности, до тѣхъ поръ, пока нещастный поденьщикъ не отдастъ ему послѣдняго пріобрѣтенія. Такимъ образомъ государственный Чиновникъ грабитъ безъ милосердія подданныхъ, которыхъ защищать есть первая его обязанность. Зло не исправляется отрѣшеніемъ тирана; ибо заступающій его мѣсто — которой также получаетъ оное за деньги, не имѣя способовъ получить его другимъ образомъ — конечно не можетъ быть лучше перваго, и дѣлается столь же корыстолюбивымъ, какъ и его предмѣстникъ.

Изъ того слѣдуетъ, что народъ самъ собою не имѣетъ ничего собственнаго. Весьма немногіе изъ живущихъ подъ Маратскимъ правленіемъ находятъ способы обогатиться, изключая могущественныхъ Браминовъ, занимающихъ мѣста и должности въ Дурбарѣ, и особливо отличающихся корыстолюбіемъ. Нигдѣ не видно такой жадности къ накопленію денегъ, соединенной вмѣстѣ съ крайнимъ неразуміемъ, какъ въ сихъ людяхъ; имъ позволяются въ продолженіи многихъ лѣтъ грабительства всякаго рода для собранія великаго богатства до тѣхъ поръ, пока наконецъ оно обратитъ на себя вниманіе Князя — тогда Браминъ долженъ опять

лишиться всего, а иногда на цѣлую жизнь быть заключеннымъ въ монастырь. Естьли Браминъ умираетъ, будучи у должности, то Сиркаръ беретъ себѣ его имѣнїе, а оставшемуся семейству покойника опредѣляетъ пенсїю, или даетъ содержанїе другаго рода. Сїе обыкновенїе отнимать у богатыхъ имѣнїе называется словомъ, *гооногере*, означающимъ на природномъ языкѣ *преступленїе достойное наказанїя*; впрочемъ, сїе грабительство составляетъ знатную часть государственныхъ доходовъ.

Я думаю, что въ лѣтописяхъ народовъ не находится ни одного примѣра такою правленїя, которое столь мало заботилось бы о благѣ и защитѣ подданныхъ, какъ правленїе Маратское, непостоянное и слабое. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли власть, основанная на хищенїи, развратѣ и непостоянствѣ, быть порукою за домашнее щастїе или за гражданскую безопасность? Естественно слѣдуютъ изъ того утѣсненїе народа и бѣдность, а особливо послѣднее кажется общимъ и тягостнѣйшимъ удѣломъ сего края. Разсуждая о необычайномъ плодородїи Индостана, не льзя не изумиться, видя, что сїя всѣмъ изобилующая страна часто терпитъ недостатокъ въ нужномъ. Конечно не должно ви-

нить въ томъ ни землю; ни климатъ: здѣсь часто по два и по три раза въ году снимаютъ жатву. Зло должно произходить изъ другаго источника, и именно надлежитъ искать его въ жадномъ корыстолюбіи и хищеніи правительства. Въ странѣ, въ которой революціи и мятежи столь часто случаются, безопасность и спокойствіе — сіи главныя пружины народной промышленности — суть вещи совсѣмъ незнакомыя. Поселянинъ, нынѣ воздѣлывающій свое поле, не увѣренъ, будетъ ли онъ владѣть имъ въ слѣдующемъ лѣтѣ. Но естьли онъ и остался обладателемъ своей собственности, то никто не увѣритъ его въ томъ, что многолюдныя войска не придутъ грабить его — ужасная гроза для трудолюбивой промышленности! а Маратскія войска такъ многочисленны, какъ саранча, и не менѣе страшны для земледѣльца. Они все похищаютъ, не различая собственности единоземцовъ отъ непріятельской. Отъ того поселянинъ запасаетъ столько плодовъ, сколько нужно для его употребленія, не болѣе. Необходимо слѣдуетъ, что по неимѣнію запасныхъ магазиновъ во время неурожая долженъ быть голодъ; тогда жители оставляютъ поля и бѣгутъ или къ берегамъ моря, или въ

другое мѣсто, гдѣ терпятъ меньшій недостатокъ; тогда нещастіе дѣлается еще ужаснѣйшимъ, потому что отъ умноженія людей цѣлыми тысячами оно становится повсемѣстнымъ и общимъ.

Путешественникъ видитъ въ сіе время человѣческую бѣдность во всемъ ужасѣ ея: онъ видитъ голодъ, наготу, болѣзни, смерть, которая въ подобныхъ обстоятельствахъ почитается благодѣяніемъ; видитъ на городскихъ улицахъ — трупы, на большихъ дорогахъ — скелеты; видитъ бѣдность, горесть и отчаяніе изображенныя на лицахъ людей, которыхъ смерть пощадила. Частымъ явленіямъ сихъ ужасныхъ нещастій приписать должно жестокость и безчеловѣчіе Маратовъ. Чувство состраданія тупѣетъ, когда столь плачевные примѣры часто представляются взорамъ, особливо въ такомъ народѣ, у котораго жадность къ корысти есть страсть господствующая. Маратъ съ спокойнымъ равнодушіемъ смотритъ на мучительную смерть роднаго брата: ежедневныя событія питаютъ такое ожесточеніе сердца. Кто, видя умирающее семейство свое, не трогается жалостію, того сердце необходимо ожесточается, когда нещастіе угнетаетъ другихъ, особливо тѣхъ людей, которые сами посту-

пали съ звѣрскою свирѣпостїю. Такъ голодъ и нужда управляютъ чувствомъ и нравами человѣческими; но они никогда здѣсь не подавали причины къ возмущенїю противъ правительства, какїя видимъ въ другихъ земляхъ. Немногїя страсти господствуютъ надъ душею Индостанскаго жителя; онъ почитаетъ нещастїе своею долею, и переноситъ его безъ роптанїя.

Недостатку въ пропитанїи надлежитъ приписать малочисленность жителей въ нѣкоторыхъ Индїйскихъ провинцїяхъ. Смѣло можно утверждать, что въ сей обширной части земнаго шара, изключая Бенгалы и Багаръ, изъ пятидесяти десятинъ пахатной земли одна остается невоздѣланною, и число обработанныхъ нивъ къ числу питающихся отъ нихъ людей находится всегда въ одиракой пропорцїи. Не рѣдко большїе голода лишаются трехъ четвертей своихъ жителей отъ голода; въ деревняхъ то же самое произходитъ. Часто цѣлые уѣзды пустѣютъ, изчезаютъ, не оставляютъ никакого признака, что они были обитаемы, и въ продолженїи многихъ годовъ представляютъ дикїя пустыни, не смотря на то, что лежатъ подъ благосклоннымъ небомъ. Корыстолюбїе правителей, лѣность народа и голодъ, суть три бича

опустошающихъ Индію, изъ которыхъ послѣдній пагубнѣе всѣхъ прочихъ; и при всемъ томъ — непонятная безпечность! — никогда не были предпринимаемы мѣры къ отвращенію сего нещастія. Для доказательства, что не Натуру обвинять должно въ сихъ ужасахъ, стоитъ только указать на область Бенгальскую, находящуюся подъ правленіемъ благоразумнымъ: съ 1770 года до сего времени тамъ не терпѣли голода, между тѣмъ какъ другія Индійскія провинціи изнемогали подъ бременемъ сего нещастія, столь обыкновеннаго въ тамошнихъ мѣстахъ.

Къ симъ примѣчаніямъ, написаннымъ Полковникомъ Тоне, Г. Теннанъ прибавляетъ слѣдующее:

„Состояніе Британскихъ провинцій въ Индіи, относительно къ другимъ областямъ, изображено безпристрастнымъ очевидцемъ; я самъ могу засвидѣтельствовать истину и справедливость его извѣстій. Теперь спрашиваю, какое право имѣли Аббатъ Райналь и другіе несвѣдущіе подражатели его кричать, что Англичане похищаютъ у жителей имѣніе, и жестокостію своею повергаютъ ихъ въ бездну нещастія? Только въ однихъ Областяхъ Британскихъ въ Индіи жители ограждены безопасностію и спокойно на-

слаждаются обладанїемъ собственности; тамъ только они находятъ теперь вѣрное пристанище; тамъ только могутъ надѣяться на защиту и изобилїе. Весьма было бы поспѣшно желать, чтобы народъ, привыкшїй къ Анархїи и угнетенїямъ, теперь совершенно былъ уже подчиненъ порядку и прилѣпился бы къ промышленности. Однакожь разпространенїе владѣнїй Европейскихъ въ сей части Свѣта есть великое благодѣянїе для оной: изъ всѣхъ моральныхъ истинъ эта есть самая неоспоримая, оправданная опытомъ. Естьли иногда слышимъ о дурныхъ поступкахъ нашихъ единоземцовъ, живущихъ въ Индїи, то это все еще не служитъ опровержениемъ упомянутой истины; ибо худая система правленїя гораздо полезнѣе той, которая и ея хуже и вреднѣе.

(*Изъ Минервы.*)

II.

Генералъ Гамильтонъ.

Многїе удивлялись тому, что во Францїи во время революцїи люди миролюбивые и неизвѣстные вдругъ превратились въ воиновъ, въ Героевъ, въ полководцевъ

и Министровъ. Явленія сіи случались часто и будутъ впредь случаться, когда потребуютъ обстоятельства: судьба творитъ для себя орудія, естьли не находитъ ихъ въ готовности. Новымъ доказательствомъ тому служитъ Генералъ Гамильтонъ, недавно убитый на поединкѣ отъ Вице-Президента Соединенныхъ Областей. Сперва онъ былъ купецъ; при начатіи Американской войны за вольность, сдѣлался солдатомъ; Вашингтонъ, примѣтивъ въ Гамильтонѣ необыкновенное мужество и неустрашимость, взялъ его къ себѣ въ Адъютанты. Онъ выгналъ непріятеля изъ окоповъ подъ Новымъ Йоркомъ, отъ которыхъ зависѣло овладѣніе самымъ городомъ. — По заключеніи мира, Гамильтонъ въ уединеніи занимался изученіемъ законовъ, и скоро отличился въ качествѣ искуснаго Адвоката. Особенно употребилъ онъ свои дарованія на защищеніе приверженныхъ къ Англійской партіи, такъ называемыхъ Лойялистовъ, которымъ во время войны мужественно противился, и которые по окончаніи оной находились въ крайнемъ утѣсненіи. Въ 1788 году, бывъ опредѣленъ въ Казенную Камеру Секретаремъ, онъ привелъ въ порядокъ доходы новой Республики и пріобрѣлъ ей довѣренность. Въ 1798 году

опредѣленъ былъ Генералъ-Инспекторомъ арміи, приготовленной противу Франціи. Не задолго передъ смертью назначенъ былъ Посланникомъ въ Парижъ. Слѣдующій анекдотъ, помѣщенный въ одной Лондонской Газетѣ и почерпнутый изъ Додсоновой Исторіи о войнѣ Американской, дѣлаетъ памяти его болѣе чести, нежели всѣ высокія дарованія:

Когда непріятель напалъ на Новый Йоркъ, Лафаэтъ совѣтовалъ Генералу Вашингтону перерѣзать всѣхъ Англичанъ, и получилъ въ отвѣтъ, что онъ, какъ главной начальникъ, можетъ дѣлать разпоряженія по своей волѣ. Въ слѣдствіе того дано повелѣніе объ умерщвленіи Британцевъ — но Гамильтонъ не рѣшился исполнить его. Лафаэтъ потребовалъ отъ него отвѣта; Гамильтонъ отвѣчалъ: „Американцы умѣютъ сражаться; но убивать безоружныхъ — не ихъ дѣло.“ — Сіе произшествіе несогласно съ кроткимъ, человѣколюбивымъ характеромъ, которой вообще приписываютъ Лафаэту. Но что оставалось ему дѣлать въ такомъ случаѣ, естьли онъ имѣлъ повелѣніе навсегда возпламенить огонь раздора между Англіею и Америкою?

(*Изъ* Freimütige.)

III.

Статистическія извѣстія о нынѣшнемъ состояніи Испаніи.

Испанія лежитъ между 44мъ и 36мъ градусами Сѣверной широты и имѣетъ въ себѣ 12 милліоновъ жителей, занимающихъ 127,760 миль Географическихъ; слѣдовательно на каждую милю достается по 75 душъ. Такой недостатокъ въ населеніи приписывается слѣдующимъ причинамъ: изгнанію Жидовъ и Мавровъ, заразительнымъ лихорадкамъ, особливо свирѣпствующимъ въ южныхъ провинціяхъ, частымъ переселеніямъ въ Америку, множеству Священниковъ, монаховъ и монахинь, которыхъ количество, по сдѣланному въ 1801 году изчисленію, простирается до 188,625 душъ. Въ семъ Королевствѣ находится 8 Архіепископствъ и 46 Епископствъ. Войска считается въ мирное время 60,000 человѣкъ; на случай войны Королевство удобно можетъ выставить въ поле 180,000. Флотъ состоитъ изъ 50 линейныхъ кораблей; доходы государственные простираются до 142хъ милліоновъ франковъ. Хотя издержки превышаютъ доходъ, однакожь національный долгъ ничего не значитъ въ сравне-

нiи съ другими Державами. Въ 1796 году Испанiя должна была 400 миллiоновъ.

Языкъ Испанскiй важенъ, прiятенъ и доброгласенъ. Литература гораздо богаче, нежели какъ вообще о ней думаютъ. Любопытные могутъ справиться о семъ предметѣ въ книгѣ, подъ названiемъ: *Bibliotheca Hispanica*, сочиненной Д. Антонiемъ.

Воспитанiе отстало отъ нашего времени цѣлыми двумя вѣками. Не смотря на то, въ Испанiи находится 20 Университетовъ, изъ которыхъ въ Саламанкскомъ, знаменитѣйшемъ всѣхъ прочихъ, считается учащихся до 16,000 человѣкъ.

Промышленность нацiи крайне стѣснена Королевскими откупами. Почва земли вообще плодородна, и производитъ въ изобилiи превосходныя вина, масло, шерсть, плоды и мыльную золу. Въ одномъ только городѣ Гвадалашарѣ дѣлается извѣстное сукно изъ вигоневой шерсти, драгоцѣннаго произведенiя, привозимаго изъ Буеносъ-Айра. Ввозъ чужестранныхъ товаровъ безпрестанно истощаетъ сiю землю; можно по справедливости сказать, что Американское золото только прикасается къ Испанiи, но не входитъ внутрь ея.

Знатнѣйшїе города по многолюдству суть слѣдующїе:

Въ Мадритѣ	-	-	147,540 душъ.
— Барцеллонѣ		-	100,000 —
— Севиллѣ	-	-	80,000 —
— Мурцїи	-	-	60,000 —
— Гренадѣ	-	-	60,000 —
— Малагѣ	-	-	50,000 —
— Кордуѣ	-	-	25,000 —
— Толедѣ	-	-	25,000 —
— Валенцїи	-	-	20,000 —
— Карѳагенѣ	-	-	20,000 —

Гавань Карѳагенская почитается самою безопаснѣйшею на всемъ Средиземномъ морѣ. Мореходцы говорятъ, что Средиземное море имѣетъ только двѣ пристани: Карѳагену и *мѣсяцъ Іюль.*

Много хорошаго писано о климатѣ Испанїи — и не безъ причины. Южныя провинцїи изобилуютъ прелестнѣйшими мѣстоположенїями; Провинцїя Валенцїя есть ничто иное, какъ безпрерывный садъ. Главныя рѣки въ Королевствѣ — Иберъ, Тагъ и Гвадалквивиръ. Испанїя сберегла свои лѣса, что можно отнести къ двумъ причинамъ: къ страсти Королей къ звѣриной ловлѣ и къ нерадѣнїю жителей о землепашествѣ.

Не льзя не уважать характера Испанцевъ, честнаго и добродѣтельнаго. Нѣ-

сколько можно упрекать ихъ въ гордости; но сія гордость не простирается за границы благоразумія. Воздержность есть одно изъ качествъ, свойственныхъ всѣмъ Южнымъ народамъ: ибо горячія напитки, вмѣсто того, чтобы разогрѣть воображеніе и родить идеи веселыя и благородныя, въ жаркихъ климатахъ производятъ горячки, сумасшествіе и самую смерть. Съ тѣхъ поръ, какъ Бурбоны царствуютъ въ странѣ сей, Испанская важность заняла нѣчто отъ живости нравовъ Французскихъ. Богатые люди забавляются танцами и игрою. Народъ страстно любитъ бой быковъ. Съ нѣкотораго времени угасли пламенники святой Инквизиціи.

Вотъ что говоритъ одинъ нынѣшній Авторъ объ Испанскихъ женщинахъ:

„Воображеніе, щегольство и желаніе нравиться изтощили всѣ свои усилія, для угожденія Дамамъ убранствомъ и нарядами; но Испанки все презрѣли, изключая одного покрывала, безъ котораго ни одна женщина, какого бы ни была она состоянія, не показывается на улицѣ, особливо естьли идетъ пѣшкомъ. Обыкновеніе сіе приписывается многимъ причинамъ. Нѣкоторые утверждаютъ, что жаркой климатъ заставляетъ носить покрывала; другіе думаютъ, что

ревнивость мужей тому виною. Но по большой части полагаютъ, что жеманство выдумало сїе украшенїе.“

Другой путешественникъ говоритъ, что лицо Испанки имѣетъ на себѣ печать чувствительности. Ея тонкой станъ, ея мѣрная поступь, звонкой голосъ, черные пламенные глаза, живыя тѣлодвиженїя — все доказываетъ, что она рождена для любви. Прелести ея скоро разцвѣтаютъ и вянутъ ранѣе обыкновеннаго; климатъ, пища и забавы споспѣшествуютъ сему дѣйствїю. Испанки способны къ возвышеннѣйшимъ чувствованїямъ, къ благороднѣйшимъ пожертвованїямъ, къ великодушнѣйшимъ дѣянїямъ и къ чрезмѣрной ревности. Страсть сїя, изгнанная изъ всѣхъ прочихъ странъ Европы, кажется, въ сердцѣ Испанки нашла для себя убѣжище. Она почитаетъ любовника своею собственностїю, исключительно ей одной принадлежащею; имѣетъ къ нему привязанность неограниченную, но требуетъ отъ него взаимной любви, также исключительной и неограниченной.

Въ Испанїи болѣе неженатыхъ и незамужнихъ, нежели въ какомъ либо другомъ Государствѣ. По сдѣланному изчисленїю въ 1787 году нашлось въ ней без-

брачныхъ: мущинъ 2,926,229; женщинъ 2,755,224; вдовцевъ 255,778; вдовъ 462,258.

Изъ приходскихъ записокъ видно что число браковъ годъ отъ году уменьшается. Способа къ поправленію сего безпорядка надлежитъ ожидать отъ его излишества.

(*Изъ Париж. Журн.*)

IV.

Извѣстія и замѣчанія.

Взоры любопытныхъ наблюдателей теперь устремлены на Сѣверныя Державы; отъ нихъ Европа ожидаетъ своей свободы и возстановленія политическаго равновѣсія. Естьли не льзя предполагать, чтобы упомянутыя Государства начали войну наступательную; то по крайней мѣрѣ неподвержено никакому сомнѣнію, что собственная безопасность есть главнѣйшій предметъ попеченій мудраго правительства. Нынѣшній властелинъ Франціи ежедневно усиливаетъ свое могущество, ежедневно подаетъ Монархамъ новыя причины негодовать на несправедливыя свои притязанія и рѣшительное властолюбіе. Италія, отъ Аосты до Реджіо, наполнена Французскими войсками; Гол-

ландія перемѣняетъ образъ правленія своего по мановенію Гна. Бонапарте; Ландамманъ Гельвеціи трепещетъ передъ законодателемъ своего отечества; Испанія изтощаетъ золото Американсское на затѣйливыя прихоти высокомѣрнаго своего сосѣда; Члены Нѣмецкой Имперіи, руководствуясь призракомъ личныхъ выгодъ, забываютъ права свои и явно позволяютъ нарушать святость Имперской Конституціи. Еще недавно Г. Бонапарте изъявилъ неудовольствіе свое Депутатамъ Франкфурта, за то, что сей вольной городъ ведетъ торговлю съ Англіею. „Вы поступаете," онъ сказалъ имъ, „подобно жителямъ Гамбурга; но *я положу конецъ всему. Города Анзеатическіе отдамъ Королю* (вѣроятно Прусскому), *а вашъ городъ — какому нибудь сосѣдственному Государю.* „Г. Бонапарте не лучше поступаетъ даже съ первоклассными Членами Нѣмецкой Имперіи. Извѣстно, что между Герцогомъ Виртембергскимъ и Чинами его владѣнія господствуетъ несогласіе. Г. Бонапарте сказалъ Министру сего Герцога, присланному съ поздравленіемъ: „вашъ Государь весьма хорошо сдѣлаетъ, естьли поспѣшитъ помириться съ своими Чинами; въ противномъ случаѣ, *я самъ принужденъ буду разобрать*

сіе дѣло." Этого не довольно. Увѣряютъ, что въ Сен - Клудскомъ Кабинетѣ ревностно работаютъ надъ сочиненіемъ новыхъ Конституцій для нѣкоторыхъ Государствъ Италіанскихъ, и пишутъ новые планы разиѣнъ и вознагражденій. „Г. Бонапарте — напечатано въ Англійскихъ газетахъ — *продаетъ* Курфирсту Гессен - Кассельскому городъ Франкфуртъ и область Ашаффенбургскую за 12 милліоновъ флориновъ; Курфирстъ Архиканцлеръ получитъ Регенсбургъ, въ замѣну котораго Курфирсту Баварскому достанется Авгсбургъ и земли непосредственнаго Рыцарства во Франконіи. Король Прусскій за небольшой уголокъ земли, которой уступитъ онъ Курфирсту Архиканцлеру, возметъ себѣ Имперскій городъ Ниренбергъ, и проч. Не забавно ли, что Французское правительство, уничтоживъ продажу *Черныхъ*, ввело въ употребленіе торгъ *Бѣлыми*?"

*.

Хотя война между Англіею и Испаніею формально еще необъявлена, однакожъ не льзя сомнѣваться въ ея существованіи, потому что уже начаты непріятельскія дѣйствія. 19 го Числа Октября въ Ллойдовомъ кофейномъ домѣ читали слѣдующую новость: „Въ 5 й день текущаго

мѣсяца, на высотѣ Мыса Св. Марїи, эскадра Его Британскаго Величества, состоящая изъ трехъ фрегатовъ, *Индефатигабля*, *Медузы* и *Ливели* и *Амфїона*, встрѣтилась съ четырьмя Испанскими фрегатами, плывущими въ Кадиксъ изъ Америки, отъ береговъ *Платы*, подъ начальствомъ Контръ-Адмирала, и нагруженными золотою монетою. Коммандующїй Англїйскою эскадрою Капитанъ Грагамъ Муръ имѣлъ повелѣнїе задерживать всѣ Испанскїе корабли, плавающїе на моряхъ съ такимъ грузомъ. Дѣло дошло до сраженїя и кончилось въ пользу Англичанъ, которымъ удалось завладѣть тремя фрегатами непрїятельскими, а четвертый поднять на воздухъ, и проч." За симъ слѣдуетъ подробное описанїе морскаго сраженїя, отъ котораго увольняемъ нашихъ Читателей.

Англичане оправдываютъ поступокъ свой такимъ образомъ: „Европа должна была ожидать, что наше правительство предприметъ дѣятельнѣйшїя мѣры, чтобы заставить Испанїю или принять систему совершеннаго неутралитета, или явно соединиться съ Гм. Бонапарте. Нѣсколько времени уже прошло, какъ Испанскому Министру Г. Андуагѣ объявлено

было о предпринимаемыхъ мѣрахъ; сверхъ того само собою разумѣется, что нашему правительству не льзя было удовольствоваться обоюднымъ отвѣтомъ, полученнымъ отъ Двора Испанскаго на послѣднее предложенїе."

„Почитатели Гна Бонапарте могутъ кричать, сколько угодно, что такой поступокъ означаетъ нарушенїе правъ народныхъ; что Англичане не разбойники, слѣдственно не должны нападать на корабли такой Державы, съ которою они не нарушали мира; что повелѣнїе задерживать военные корабли явно показываетъ военныя дѣйствїя;" и проч.

„На сїи разсужденїя отвѣчаемъ самыми простыми замѣчанїями: между Гмъ. Бонапарте и Дворомъ Испанскимъ существуетъ союзной договоръ оборонительной и наступательной, по силѣ котораго послѣднїй обязанъ помогать первому войсками и кораблями, естьли сей вздумаетъ объявить войну своимъ сосѣдамъ. Но для Гна. Бонапарте, вмѣсто пособїя людьми и кораблями, выгоднѣе получать отъ Испанїи наличною монетою; въ слѣдствїе чего онъ и наложилъ на Испанїю денежную подать. Никто не сомнѣвается, что Г. Бонапарте насылаетъ въ Мад-

ритъ приказы, и что, изтощивъ сокровища Короля Испанскаго, онъ потребуетъ отъ него корабли и войска для какой-нибудь опасной экспедиціи противъ Англіи. Слѣдственно Испанія была въ войнѣ съ Великобританіею; а правительству нашему такая скрытая война вредна во всякомъ случаѣ;" и проч.

*

Шведскій Король все еще живетъ въ Стралзундѣ, и время отъѣзда его въ Стокгольмъ не назначено. Между тѣмъ примѣтно движеніе войскъ въ его областяхъ, а особливо въ Помераніи, гдѣ усиливаются гарнизоны. Бурбоны приняты въ Швеціи со всѣми почестями, приличными ихъ высокому званію. Лудовикъ XVIII и Графъ Артуа 25 го Октября обратно отправились изъ Кальмара въ Лифляндію; вѣроятно, что сіи Принцы возвратятся въ тѣ мѣста, въ которыхъ они пребывали до послѣдняго путешествія. Предметъ ихъ переговоровъ и причина свиданія суть тайна для Политиковъ — по крайней мѣрѣ до нѣкотораго времени.

*

Французскій Посланникъ, Маршалъ Брюнъ, настоятельно требовалъ отъ Пор-

ты Оттоманской, чтобы, не откладывая далѣе, она непремѣнно признала Гна. Бонапарте Императоромъ Французовъ; но Султанъ рѣшительно сказалъ, что нѣкоторыя обстоятельства препятствуютъ ему согласиться на сїе предложенїе; въ слѣдствїе чего Г. Брюнъ объявилъ Великому Визирю, что онъ не можетъ оставаться долѣе при такомъ Дворѣ, которой не хочетъ формально признать Гна. Бонапарте въ новомъ достоинствѣ; взялъ для себя пропускъ, и 12 го Октября *выѣхалъ* изъ Константинополя во Францїю. Думаютъ, что между обѣими Державами дѣло дойдетъ до разрыва. — Между тѣмъ Порта, получивъ прїятное извѣстїе, что начальникъ разбойниковъ, скитающихся въ Ромелїи, захваченъ войсками Паши Силистрїйскаго, надѣется скораго возстановленїя тишины въ сей части Имперїи. Извѣстїя изъ другихъ областей не столько благопрїятны. Пишутъ изъ Сирїи, что новой бунтовщикъ, по имени Али Ага, овладѣлъ городомъ и портомъ Латаки, и наложилъ денежную подать не только на жителей, но даже на корабли иностранные, стоящїе въ пристани. Арабы овладѣли Каиромъ и соединились съ Мамелуками.

*

3 го Ноября Папа съ многочисленною свитою предпринялъ путешествіе въ Парижъ; торжествованіе коронованія Гна. Бонапарте будетъ произходить 6 го Декабря. Въ одномъ Французскомъ Журналѣ напечатано, что девять Папъ, одинъ послѣ другаго, пріѣзжали во Францію для коронованія Государей, начиная отъ Пипина до Франциска Іго. Въ 754 мъ году Папа Стефанъ III короновалъ Короля Пипина въ замкѣ Кверси; Папа Леонъ III два раза (799 и 803) посѣщалъ Карла Великаго; Папа Стефанъ IV короновалъ въ Реймсѣ Лудовика Толстаго, и проч.

*

Заразительная болѣзнь по видимому уменьшается въ Малагѣ; но изъ другихъ городовъ Испаніи, изъ Кадикса, Гибралтара, Алжезираса, Картагены, Аликанта и проч, получаются печальнѣйшія извѣстія. Число умершихъ отъ заразы во всѣхъ упомянутыхъ городахъ полагаютъ до 30,000 человѣкъ. Вотъ что пишутъ изъ Кадикса отъ 17 го Сентября: „Мы терпимъ великія нещастія отъ болѣзней и землетрясеній; но сосѣдственные города достойны еще большаго сожалѣнія. Въ Гренадѣ подземные удары почти совсѣмъ разрушили три мѣстечка,

причемъ множество народа лишилось жизни. Вездѣ видны развалины церквей, монастырей, Замковъ и домовъ; дороги сдѣлались непроходимыми; въ горахъ появились отверстія; рѣки и источники одни изчезли, другія вылились изъ нѣдръ земли. Изъ Виргиніи увѣдомляютъ, что въ Кентуки цѣлая гора, называющаяся Клинкъ, провалилась, извергнувъ прежде облака такого густаго дыма, что въ 20 миляхъ отъ того мѣста была совершенная тьма.

Говоря о физическихъ явленіяхъ, не излишнимъ почитаемъ упомянуть о прекрасномъ сѣверномъ сіяніи, видѣнномъ въ Парижѣ и другихъ мѣстахъ 22го Октября. Въ 7 $\frac{1}{2}$ часовъ послѣ полудня сѣверо-западная часть неба покрылась яркимъ блескомъ, которой, будучи живѣе по краямъ горизонта, вверху ослаблялся сіяніемъ луны. Уже 60 лѣтъ не видѣли такого блестящаго метеора въ Европѣ. Парижскіе Ученые, особливо славный Астрономъ Лаландъ и извѣстный Ламаркъ, занимаются объясненіемъ сего феномена.

Недавно въ Цугѣ, Швейцарскомъ городѣ, одинъ набожный Капуцинъ, Францискъ Аб-Ибергъ, отличился странною

своею проповѣдью, сказанною имъ публично на катедрѣ. Честный отецъ ничего не забылъ упомянуть въ ней, что клонится къ возпламененію войны междоусобной; повторялъ нѣсколько разъ, что безъ Капуцинской его собратіи Религія давно уже не существовала бы на свѣтѣ; доказывалъ, что для сохраненія православія во всей цѣлости, непремѣнно надлежитъ ввести въ употребленіе всѣ строгія мѣры святой Инквизиціи; клеветалъ на Училища самыя почтенныя, и называлъ ихъ гнѣздомъ нечестія и разврата; однимъ словомъ, ревностный проповѣдникъ предалъ анаѳемѣ всѣ общественныя заведенія и невинныя обыкновенія своихъ соотчичей. Плодомъ сего убѣдительнаго Слова было то, что набожный Капуцинъ, сошедъ съ катедры, отъ верховной Власти получилъ повелѣніе черезъ два часа оставить городъ и область Цугскую.

*

Въ окрестностяхъ Камбриджа случилось произшествіе весьма странное и до сихъ поръ неизъяснимое. Гжа. Адамсъ, жена богатаго откупщика въ Савстонѣ, назадъ тому нѣсколько времени, примѣтила на платьѣ своемъ большую прорѣху; приказала починить ее, и забыла о семъ случаѣ. На другой день она увидѣла, что

не только на ней, но и на служанкѣ юбки были въ лохмотьяхъ. Гжа. Адамсъ перемѣнила шесть разныхъ платьевъ, одно послѣ другаго, и всѣ онѣ въ тужъ минуту становились негодными. На шумъ, къ которому подало поводъ сїе обстоятельство, сбѣжались сосѣди, мущины и женщины, и увидѣли надъ собою такой же опытъ. Г. Адамсъ надѣвалъ три разныя платья, и всѣ оныя тотчасъ оказывались съ дырами. Дѣвушка, живущая въ домѣ, также должна была бросить свое платье. Все сїе, сколько ни кажется невѣроятнымъ, засвидѣтельствовано многими очевидцами, на которыхъ можно положиться. Докторъ Мильнеръ, искусный Химикъ, и Вицеканцлеръ Камбриджскаго Университета, отправились въ домъ Г. Адамса для изслѣдованїя причинъ сего феномена, которой многїе сначала почитали пустою выдумкою.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ДЕКАБРЬ 1804

№ 23.

ЛИТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Баронъ Фламингъ, или страсть къ титуламъ.

Повѣсть А. Лафонтена.

(Вольный переводъ съ Нѣмецкаго.)

Баронъ Фламингъ былъ одинъ изъ богатѣйшихъ и могущественнѣйшихъ Саксонскихъ Дворянъ. Баронесса, его благородная половина, имѣла всѣ качества, какія только могутъ сдѣлать супруга щастливымъ; но мрачная, глубокая печаль отравляла всѣ наслажденія высокороднаго Барона: у него не было наслѣдника, которому могъ бы онъ передать блистательность своей породы.

Небо удостоило наконецъ внять его обѣтамъ: Баронесса родила сына. Всѣ ея пріятельницы, собравшись къ ней въ

спальню, старались наперерывъ найти для новорожденнаго прекраснѣйшее имя. — „Не трудитесь, милостивыя сударыни! сказалъ Баронъ: я назову сына моего Квинкцїусомъ. — *Квинкцїусомъ*! вскричали онѣ всѣ въ одинъ голосъ: ни въ какомъ календарѣ нѣтъ такого Святаго; это имя языческое. Лучше назовите его *мясопустомъ*, *сочельникомъ*, или *четвергомъ*; по крайней мѣрѣ все это находится въ календарѣ."

Баронъ краснѣлъ и блѣднѣлъ. „Довольно, сударыни, сказалъ онъ имъ, что вы не изволите знать имя Квинкцїуса! оно уже двѣ тысячи лѣтъ принадлежитъ моей фамилїи. — Двѣ тысячи лѣтъ! — Такъ точно! Квинкцїусы раздѣлились на три поколѣнїя, а именно: на *Фламинїусовъ*, *Капитолинусовъ* и *Цинциннатусовъ*; я произхожу отъ первыхъ. — Но васъ зовутъ не Фламинїусомъ, а Фламингомъ; тутъ есть нѣкоторая розница. — Никакой, сударыни, съ вашего дозволенїя: изъ Латинскаго *усъ* сдѣлалось Нѣмецкое *ингъ*: Фламинїусъ, Фламингъ. Боже мой! это очень понятно: *Геминїусъ Геминген*ъ, равно какъ у Французовъ, нашихъ сосѣдей, очевидно, что *Помпонъ* произходитъ отъ *Помпея*, а *Фаберъ* отъ *Фабїуса*." — Добрыя Госпожи, изумленныя такою учено-

стїю, замолчали, и младенцу безъ всякаго прекословїя наречено имя Квинкцїуса.

Первые годы его жизни не содержатъ ничего достойнаго примѣчанїя. Баронъ, его отецъ, употребилъ сїе время на отъискиванїе всѣхъ старинныхъ рыцарскихъ сочиненїй, касающихся до воспитанїя благородныхъ дѣтей; онъ читалъ сїи книги, училъ ихъ наизусть, дѣлалъ изъ нихъ выписки, и проч. и проч.

Тысячу разъ Баронесса слыхала, какъ супругъ ея превозносился древностїю своего рода; тысячу разъ видала, какъ онъ рылся въ старыхъ пергаментахъ и бумагахъ, изъ которыхъ, говорилъ онъ, надлежало ему выписать родословное дерево, и повѣсить оное въ сѣняхъ своихъ, чтобы тѣмъ внушить своимъ вассаламъ большее къ себѣ почтенїе и уморить съ зависти сосѣдей своихъ. Однакожь Баронесса не могла далѣе доходить какъ только до третьяго или четвертаго колѣна знаменитаго рода Фламинговъ. Однажды рѣшилась она попросить о томъ объясненїя у августѣйшаго своего супруга. — „Любезная Баронесса! отвѣчалъ онъ ей: съ величайшимъ бы удовольствїемъ исполнилъ я требованїе твое; но домъ нашъ, какъ то извѣстно вселенной, произходитъ изъ Рима; исторїя предковъ моихъ написана

по-Римски, или по-Латинѣ, что мнѣ кажется почти все равно. У меня тамъ есть толстая книга, сочиненная, не знаю въ какомъ году, нѣкоторымъ *Titi Livii opera* (*). Съ помощїю неутомимаго терпѣнїя отрылъ я въ этой книжицѣ одного *Квинкцїуса Фламинїуса*; но признаюсь, что теряясь во всѣхъ этихъ именахъ на *ус*. Естьли бы я былъ нѣсколькими годами помоложе, то ухитрился бы какъ нибудь разпутать эту безтолковщину. Впрочемъ нашъ Квинкцїусъ читаетъ уже порядочно, и я непремѣнно хочу, чтобъ онъ съ завтрашняго же дня началъ учиться языку своихъ предковъ. Подумай, Баронесса, какїя восхитительные вечера доставитъ намъ этотъ милой робенокъ, когда станетъ намъ читать въ толстой моей книгѣ все то, что мы дѣлали въ Римѣ за многїя сотни лѣтъ назадъ!" — Добрая Баронесса улыбнулась, и положено, чтобъ въ слѣдующїй день послать за Учителемъ.

День появился, и вмѣстѣ съ нимъ честной Г Бейеръ, давно уже рекомендованный Барону Пасторомъ его села.

(*) *Сочиненїя Тита Лиїя.* Добрый Баронъ видѣлъ въ семъ заглавіи одно только собственное имя.

Г. Бейеръ подъ самою смиренною наружностїю скрывалъ необыкновенную ученость. Онъ съ трепетомъ предсталъ передъ Барона, которой внимательно смѣрилъ его глазами съ головы до ногъ. Баронесса, всегда человѣколюбивая, старалась его ободрить, говоря ему, сколько почитаетъ она себя щастливою, что сынъ ея будетъ имѣть такого просвѣщеннаго и достойнаго наставника. Бейеръ поклонился въ поясъ. — „Знаете ли, сказалъ ему Баронъ, что вы готовитесь имѣть честь воспитывать дитя, которое произходитъ отъ благороднѣйшей Христїанской крови? знаете ли, что вамъ должно образовать его сердце и разумъ? Чувствуете ли себя къ этому способнымъ? Посмотримъ! отвѣчайте мнѣ на слѣдующїй вопросъ: какъ назовете вы бракъ, заключенный дворяниномъ съ мѣщанкою?“ — Баронесса весьма встревожилась: она кашляла, дѣлала знаки Гну. Бейеру, будучи увѣрена, что отвѣтъ рѣшитъ его участь. Онъ и самъ очень хорошо это понялъ, и принявъ смѣлый видъ, сказалъ важнымъ и громкимъ голосомъ: „Г. Баронъ! я назвалъ бы такой бракъ явнымъ нарушенїемъ всѣхъ Божескихъ и человѣческихъ законовъ и неизгладимымъ преступленїемъ противъ потомства; ибо Моисей сказалъ, что

Ангелы, сочетаваясь со дщерями человѣческими, навлекли на землю потопъ.

Восхищенный такимъ отвѣтомъ, Баронъ встаетъ и стремглавъ бросается на шею къ Бейеру. — „Госпожа Баронесса! вскричалъ онъ голосомъ торжественнымъ: я нашелъ его! вотъ истинный мудрецъ, котораго провозглашаю достойнымъ наставникомъ нашего любезнаго Квинкцїуса.“ Съ сей минуты Г. Бейеръ сдѣлался совѣтникомъ, наперсникомъ и другомъ высокороднаго Барона. Онъ тщательнѣйшимъ образомъ старался о развитїи способностей юнаго своего воспитанника, и Квинкцїусъ платилъ за его усердїе необыкновеннымъ прилѣжанїемъ и блистательными успѣхами. Баронъ не отлучался отъ него во время ученїя; но странные термины Грамматики, никогда прежде не поражавшїе его слуха, немедленно погружали его въ глубокой сонъ. Онъ терпѣливо однако же сносилъ сїю скуку, помышляя о несказанномъ удовольствїи, которое въ послѣдствїи доставитъ ему чтенїе Римскихъ Историковъ, и ежедневно ожидалъ, что сынъ его примется за нихъ. Прошло полгода, но Грамматика и Синтаксисъ все еще продолжались. Наконецъ Баронъ потерялъ все свое терпѣнїе и сказалъ бѣдному Учителю слѣдующее: „Объявляю

вамъ, любезный Г. Бейеръ, что вѣчныя ваши разсужденія о предлогахъ и междуметіяхъ совсѣмъ меня сокрушили. Не лучше ли было бы говорить съ сыномъ моимъ о подвигахъ его предковъ, нежели заставлять его корпѣть надъ правилами, которымъ нѣтъ конца? Я хочу, чтобъ сего дни же Квинкціусъ принялся за моего *Опера Тита Ливія.*"

Какъ можно спорить съ такимъ человѣкомъ, каковъ былъ Г. Баронъ? И такъ принесли Тита Ливія. Добрый Бейеръ тотчасъ пріискалъ 11ю книгу, главу 56ю, и взявъ Барона за руку, положилъ указательный его палецъ на имя *Титуса-Квинкціуса Калитолинуса.* Старый Фламингъ, исполненный благоговѣнія, снялъ немедленно колпакъ и велѣлъ сыну своему низко поклониться. Бейеръ началъ чтеніе свое, но насилу могъ его кончить; потому что Баронъ плакалъ отъ радости и поминутно его перерывалъ, крича сыну своему: „слышишь ли, Квинкціусъ? слышишь ли, сынъ мой? вотъ каковы были Фламанги во всѣ вреу..., то есть самые честные, храбрые люди и православнѣйшіе Христіане!" — „Съ дозволенія вашего, Г. Баронъ, Фламиніусы или Фламинги, о которыхъ здѣсь упоминается, были язычники, потому что"... Какъ, язычники!

предки мои язычники! Не вѣрь этому, Квинкцїусъ!—„Однакожь ничего нѣтъ этого справедливѣе, продолжалъ хладнокровно честный Бейеръ, потому что они всѣ родились и умерли до пришествїя Христова.“— Точно ли вы увѣрены въ этомъ? — „Точно, сударь!“ — Жаль этого, очень жаль!

Съ Барономъ и его сыномъ Бейеру очень было легко дѣлать переводы; онъ не думалъ грѣшить противъ совѣсти своей, прикрашивая повѣствованїя Тита Ливїя, или заставляя его говорить то, чего у него и на умѣ не бывало.

Пасторъ, рекомендовавшїй Бейера Барону, имѣлъ сына, одареннаго рѣдкими способностями, но которыхъ отецъ, по причинѣ недостаточнаго состоянїя, не имѣлъ способовъ обработывать. Изъ дружбы и благодарности Бейеръ вздумалъ дать его въ соученики благородному своему питомцу; въ слѣдствїе чего и заставилъ Тита-Ливїя сказать, что Консулъ Фламинїусъ восхищывалъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ одного мальчика изъ простолюдимовъ, потому что дворянство, какъ первое состоянїе въ Государствѣ, было обязано доставлять ученїе другимъ классамъ народа. Баронъ заставилъ повторить сїе мѣсто и приказалъ, чтобъ

сынъ Пасторской въ слѣдующій день былъ ему представленъ.

Августъ Лисау — имя молодаго человѣка — былъ хорошъ собою, любезенъ, уменъ, и скоро привлекъ къ себѣ благоволеніе Баронессы. Она безпрестанно твердила сыну своему, чтобъ онъ не употреблялъ во зло преимуществъ, которые порода и достатокъ давали ему надъ молодымъ его товарищемъ. Квинкціусъ, не взирая на всѣ странности и сумазбродства, которыми отецъ окружилъ, такъ сказать, колыбель его, имѣлъ щастіе сохранить чувствительное сердце и ласковой характеръ: онъ спорилъ съ Августомъ въ одной только прилѣжности къ ученію, и сіе соревнованіе было причиною, что оба они сдѣлали блистательнѣйшіе успѣхи. Августъ, желая показать Барону свою признательность, собралъ въ одну тетрадь все, что могъ найти въ древнихъ Писателяхъ о трехъ поколѣніяхъ Квинкціусовъ; Баронъ, чувствительно тронутый, столько забылся, что нѣжно обнялъ юнаго простолюдима; онъ клялся, что никогда не забудетъ сего тонкаго доказательства приверженности и почтенія; приказалъ, чтобъ всякой день за десертомъ читали по нѣскольку страницъ драгоцѣнной рукописи. Бейеръ и

салъ Квинкцїусъ замѣтили, съ какимъ искуствомъ молодой Писатель разпространялся о славныхъ подвигахъ *Титуса-Квинкцїуса-Фламинїуса*, которой побѣдилъ Филиппа, Царя Македонскаго, и провозгласилъ Грецїю свободною, между тѣмъ какъ онъ упоминалъ только вскользь о *Кайусѣ Фламинїусѣ*, которой далъ себя такъ больно побить Аннибалу при Тразименскомъ озерѣ.

Баронъ хотѣлъ, чтобъ сынъ его, даже и въ дѣтскихъ своихъ играхъ, приводилъ себѣ на память достославныхъ своихъ предковъ, или готовился бы, по крайней мѣрѣ, сдѣлаться со временемъ достойнымъ ихъ подражателемъ. Квинкцїусъ игралъ всегда первыя роли; онъ былъ или Консуломъ, или Диктаторомъ, или по малой мѣрѣ Греческимъ Царемъ. Смиренный Августъ ограничивался всегда второкласными должностями; а естьли когда нибудь и дозволялось ему принять знаменитое дѣйствующее лице, то было единственно для того, чтобъ придать еще большїй блескъ славѣ побѣдителя. Обольщенный безпрестанными похвалами отца своего и ласкательствами своихъ вассаловъ, молодой Фламингъ привыкъ почитать себя во всѣхъ частяхъ творенїемъ единственнымъ, безпримѣрнымъ.

Идти по пробитой дорогѣ, казалось ему низко, и по сему любилъ онъ только самое странное и чудное. Боясь встрѣтиться въ Наукахъ, въ Литературѣ, или въ Нравственности, съ обыкновенными людьми, онъ старался сдѣлать о всѣхъ сихъ предметахъ особливыя системы.

Въ сію-то эпоху пріѣхала въ замокъ молодая дѣвица Фон-Нотгафтъ, племянница Баронессы. Мать ея умерла, оставя ее попеченіямъ родителя, которой умѣлъ только курить табакъ и травить зайцовъ. Добрая тетка требовала, какъ права, удовольствія воспитывать сію интересную дѣвушку. Ей было только двенадцать лѣтъ; о воспитаніи ея очень мало старались, и Баронесса не замедлила примѣтить, что бѣдная Эльмина едва знала азбуку. Августу поручили учить ее читать и писать. Доброй молодой человѣкъ былъ въ восхищеніи, что ему представился наконецъ случай сдѣлать что нибудь угодное для его благотворительницы. Учитель былъ пригожъ и чувствителенъ, ученица прелестна и нѣжна; возрастъ, сходство во вкусахъ и нравахъ, родили между ими толь сильную дружбу, что они щитали потерянными минуты, въ которыя не были вмѣстѣ. Прошекли два года, и сія друж-

ба превратилась въ совершенную любовь. Они ежедневно видались безъ свидѣтелей; чувствїе, наполняющее ихъ сердца, не могло быть долго неизвѣстнымъ предмету, которой внушалъ оное. Августъ осмѣлился открыть страсть свою: Эльмина поклялась ему въ вѣчной вѣрности. Квинкцїусъ, бывая часто съ ними, примѣтилъ взаимную ихъ привязанность; но какъ онъ былъ совершенно углубленъ въ ученїе и занятъ только средствами отличиться, или, лучше сказать, сдѣлаться страннымъ, то ни о чемъ болѣе не помышлялъ, какъ только о строенїи новыхъ системъ.

Однажды Августъ имѣлъ съ Эльминою такой трогательный разговоръ, которой заставилъ ихъ проливать слезы. Августъ былъ уже довольно великъ, чтобъ почувствовать разстоянїе, положенное породою между имъ и его ученицею; онъ ввѣрилъ ей страхъ свой и горесть. Эльмина, не столько опытная и менѣе недовѣрчивая, старалась ободрить своего любовника, и наконецъ удалилась въ свою комнату, чтобъ предаться тамъ меланхолїи, которой преодолѣть была она не въ силахъ.

Фламингъ, будучи уже шестнадцати лѣтъ, не замѣтилъ еще, что родственница его была рѣдкая красавица; сверхъ

того онъ почелъ бы сіе малодушное вниманіе недостойнымъ истиннаго Философа, каковымъ онъ себя уже почиталъ.

Сколь велико было его удивленіе, какъ въ одинъ вечеръ читая Латинской переводъ Платоновыхъ сочиненій, попалъ онъ на то мѣсто, гдѣ сей Философъ называетъ любовь источникомъ всего, что только есть великаго, превосходнаго, изящнаго въ подлунномъ мірѣ. — „Покажите мнѣ того великаго человѣка, возглашаетъ Платонъ, которой бы въ молодости своей не трепеталъ при видѣ красоты, котораго бы сердце не было снѣдаемо потребностію любить и быть любимымъ!“

Квинкціусъ закрылъ книгу и покраснѣлъ отъ стыда. Сколько ни справлялся онъ со спискомъ ощущеній своихъ, однакожь долженъ былъ признаться, что не находилъ въ немъ любви; любви, которую великій, божественный Платонъ почиталъ отличительнымъ признакомъ великаго человѣка! Представьте, сколько пострадала отъ сего безмѣрная суетность Квинкціуса! — Очень хорошо! сказалъ онъ самъ въ себѣ: станемъ любить, когда Платонъ того желаетъ.“ — Къ кому лучше могъ онъ броситься съ сердцемъ своимъ, какъ не къ Эльминѣ?

Въ слѣдующее утро началъ онъ къ ней ласкаться; садился подлѣ нее, и въ первый разъ увидѣлъ, что она имѣла красоту восхитительную; онъ безпрестанно слѣдовалъ за нею какъ тѣнь ея, что много мѣшало Эльминѣ и Августу. Дѣвушка досадовала, сердилась, но ничто не могло отвратить родственника ея отъ благороднаго намѣренія сообразоваться съ предписаніемъ велемудраго Платона.

Въ сіе-то самое время Бейеръ далъ читать Овидія юному воспитаннику своему. Квинкціусъ, разкрывъ книгу, попалъ на *искуство любить*. „Боже! какое сокровище!“ вскричалъ онъ, и заперся въ бесѣдкѣ, на концѣ сада находившейся, чтобъ научиться такому искуству, которое долженствовало учинить его великимъ человѣкомъ. Онъ пожиралъ, такъ сказать, сладострастные стихи, которые Поэтъ обращалъ къ Римскому юношеству; мысль, что въ сейже самой книгѣ Герои, предки его, могли *образоваться*, воспламеняла его. — „Сдѣлай, чтобъ любопытство присоединилось къ благодарности въ душѣ юной дѣвицы, тебя плѣнившей, говоритъ Овидій, и чтобъ она не могла угадать, изъ какихъ рукъ идутъ къ ней подарки, которыми ты будешь осыпать ее.“

Въ слѣдующее утро Эльмина нашла на дверяхъ своей комнаты цвѣточныя гирланды. Она удивилась такой необыкновенной вѣжливости и взяла подозрѣнїе на Квинкцїусa, которой съ нѣсколькихъ дней былъ, такъ сказать, прикованъ къ слѣдамъ ея. Она спросила его о томъ; но Квинкцїусъ, будучи строгимъ наблюдателемъ Овидїевыхъ предписанїй, божился, что онъ совсѣмъ этого не знаетъ; почему Эльмина и заключила, что это сдѣлалъ Августъ. На другой день дверь ея опять украсилась гирландами. Она удивилась дерзости Августовой; знавъ, что Баронъ никому не дозволялъ рвать своихъ цвѣтовъ, поспѣшно спрятала ихъ подъ кровать.

Квинкцїусъ, не видя еще никакого плода отъ Овидїевыхъ наставленїй, съ нетерпѣливостїю прибѣгнулъ къ *искуству любить*, и нашелъ въ немъ слѣдующее правило: „будь постояненъ въ исканїи своемъ, молодой человѣкъ! терпѣнїе приводитъ къ желаемой пристани.“

Соображаясь съ симъ, идетъ онъ въ тотъ же вечеръ въ садъ, нападаетъ безъ пощады на Бароновы цвѣты, наполняетъ ими большую корзину, прокрадывается въ Эльминину комнату и осыпаетъ цвѣтами ея постелю и весь полъ. Дѣвушка,

пришедъ къ себѣ, болѣе испугалась, нежели тронулась такимъ страннымъ доказательствомъ любви, и какъ можно скорѣе побросала всѣ цвѣты опять подъ кровать.

Она не умедлила открыть тайну сїю. Молодой Баронъ, замѣтивъ, что Овидїй похваляетъ тайные подарки, воспользовался минутою, въ которую думалъ, что Эльмина была съ его матерью и пронесъ къ ней въ комнату шляпку, украшенную перьями, которую купилъ онъ самъ въ городѣ. Эльмина находилась въ ближней комнатѣ, откуда выбѣжавъ поспѣшно, застала важнаго родственника своего на мѣстѣ преступленїя. Онъ признался, что былъ Авторомъ *исторїи цвѣтовъ*; но оставилъ дѣвушку въ совершенномъ невѣденїи въ разсужденїи намѣренїй своихъ. Въ этомъ однако же былъ виноватъ Овидїй, которой забылъ сказать, что дѣлать любовнику, когда его откроютъ. Квинкцїусъ откланялся своей родственницѣ, сказавъ ей только сїи слова: „со временемъ узнаютъ, что все это значитъ.“

Августъ скоро услышалъ о семъ небольшомъ приключенїи, и ревность овладѣла его сердцемъ. Эльмина то примѣтила и улыбнулась; а молодой Ба-

ронъ, чтобъ избавиться отъ своего недоумѣнія, прибѣгнулъ къ любимому своему Поэту. Овидій совѣтуетъ скромному любовнику подкрасться къ любовницѣ своей во время ея сна, отрѣзать у нее локонъ волосовъ, и обѣщаетъ, что она не проснется, *естьли любитъ*. Восхищенный найденнымъ средствомъ читать наконецъ въ сердцѣ прекрасной своей родственницы, Квинкціусъ на разсвѣтѣ, положивъ въ карманъ своего Овидія и взявъ въ руку ножницы, прокрадывается на цыпочкахъ въ спальню своей любезной. Онъ приближается къ кровати, смотритъ на Эльмину, и въ восторгѣ роняетъ на полъ ножницы; она не просыпается. „О мой Овидій!“ сказалъ онъ, вздыхая: „локонъ бѣлокурыхъ волосовъ выбился изъ-подъ платка, которымъ Эльмина была повязана. Квинкціусъ колеблется, подходитъ, беретъ . . . локонъ уже въ его рукахъ, и красавица — спитъ. „О мой Овидій! о наставникъ мой! всегда буду слѣпо тебѣ вѣрить!“ повторялъ онъ стократно, возвращаясь въ свою комнату.

Надобно изъяснить читателямъ этотъ крѣпкой сонъ. Эльмина проснулась въ самое то мгновеніе, какъ Квинкціусъ уронилъ ножницы; но при слабомъ

свѣтѣ показалось ей, что это былъ Августъ, и она притворилась спящею, чтобъ не быть принужденною сдѣлать ему выговоръ за такую дерзость.

Она думала, что щастїе Августово разольется по всѣмъ чертамъ его; но сколь велико было ея удивленїе, когда онъ предсталъ передъ нее съ тѣмъ пасмурнымъ и холоднымъ видомъ, которой сдѣлался ему обыкновененъ съ самаго того дня, какъ онъ удостовѣрился, что Квинкцїусъ былъ его соперникъ! Она покушалась изъясниться, но съ первыхъ словъ обнаружилось съ обѣихъ сторонъ такое негодованїе, что благоразумная дѣвушка поспѣшно прекратила разговоръ.

Молодой Баронъ, напротивъ того, въ восторгѣ радости своей пришелъ къ отцу, и сказалъ ему по правиламъ Ораторскимъ рѣчь, которую заключилъ тѣмъ, что, въ силу предписанїя Платона и Овидїя, надлежало его какъ можно скорѣе привесть въ состоянїе наслаждаться безпрепятственно пламенною любовїю, которую Эльмина къ нему питала. — „Что за люди, этотъ Платонъ и Овидїй? вскричалъ Баронъ: и какъ они смѣютъ вмѣшиваться въ мои домашнїя дѣла? Хотѣлъ бы я повидаться съ этими господами! . . . Впрочемъ, Квинкцїусъ *Фламин-*

нїусъ, или *Фламингъ*, естьли Эльмина Фон-Нотгафъ подлинно тебя любитъ, я не буду противиться ея щастїю.“

Позвали Эльмину, и заставляли ее признаться въ любви къ родственнику ея, которой ждалъ только ея согласїя, чтобъ идти съ нею къ олтарю. Дѣвушка, до безконечности изумленная, увѣряла, что ничего не чувствуетъ къ Квинкцїусу, кромѣ дружбы. Оскорбленный симъ молодой человѣкъ ссылается на всѣ свои покушенїя, которыя предпринималъ онъ по предписанїю Овидїя, особливо же опирается на *подаренный* будто бы локонъ волосовъ. Эльмина безъ труда опровергла всѣ тонкости молодаго мечтателя; но старой Баронъ никакъ не могъ противиться обѣтамъ своего законнаго наслѣдника, и объявилъ бѣдной Эльминѣ, что даетъ ей только одинъ мѣсяцъ сроку на рѣшенїе.

Добрая тетка спѣшила ее утѣшить и безъ всякаго лукавства, безъ всякихъ угрозъ довела ее до признанїя въ склонности ея къ Августу. Баронесса была хотя женщина не блистательная, однакожь знала, что страсти словами не изкореняются, и — замолчала. Но сдѣлавъ привычку сообщать мужу своему все, что доходило до ея свѣденїя, не

осмѣлилась скрыть отъ него любви племянницы своей къ молодому Лисау. Баронъ, пришедъ внѣ себя отъ одного помышленія о такой склонности, которую почиталъ уже незагладимымъ пятномъ для всей фамиліи супруги своей, поднялъ преужасный шумъ, и Квинкціусъ скоро узналъ, что имѣетъ въ товарищѣ своемъ предпочитаемаго соперника. Онъ зналъ, что Овидій показалъ средства обуздывать любовь, научивъ прежде, какъ ее производить. Въ слѣдствіе сего заперся онъ въ своей комнатѣ, чтобъ на просторѣ предаться чтенію и размышленіямъ. Онъ нашелъ, что Стихотворецъ, почитая праздность источникомъ и пищею сей страсти, предписываетъ тяжелую работу тѣмъ, которыхъ хотятъ отъ нее изцѣлить. Онъ совѣтуетъ заставлять ихъ бѣгать, плавать, объѣзжать лошадей, грести, косить, или пилить дрова. Молодой Философъ спѣшитъ къ отцу своему, и говоритъ: Овидій снабдилъ меня неизмѣннымъ способомъ изцѣлить Эльмину и Августа отъ ихъ любви, какъ бы она сильна ни была. Нашъ не льзя заставить ихъ плавать, потому что у насъ нѣтъ воды. Бѣгать или объѣзжать лошадей? бѣдная дѣвушка сломитъ себѣ шею. Косить? теперь Октябрь, и всѣ луга такъ голы,

какъ моя ладонь. И такъ остается только пилить дрова, и я прошу, чтобъ завтра же заперли Августа съ Эльминою въ сарай и заставили бы ихъ тамъ пилить до изнеможенія силъ. — Прекрасно! вскричалъ Баронъ, помирая со смѣху: Овидій твой далъ тебѣ неоцѣненное средство: запереть любовниковъ однихъ въ сарай, чтобъ изцѣлить ихъ отъ любви!" — Квинкціусъ вышелъ, стеная внутренно, что родитель его не умѣлъ цѣнить такъ, какъ онъ, мудрыхъ писаній древнихъ.

Августъ, видя, что тайна сердца его сдѣлалась всѣмъ извѣстною, трепеталъ и не смѣлъ показаться. Сострадательная Баронесса велѣла позвать его къ себѣ въ комнату. Тамъ изчисливъ ему всѣ препятствія, съ которыми долженствовалъ онъ бороться, призналась, что отважилась бы ему помогать, естьли бы имѣла вѣрныя доказательства искренности и постоянства чувствій его къ Эльминѣ. „Естьли бы, на примѣръ, примолвила она, страсть твоя была испытана нѣсколькими годами отсутствія, и ты возвратился бы съ сильнѣйшею прежней любовію; естьли бы Эльмина съ своей стороны сохранила къ тебѣ всю вѣрность. . . . Но теперь, мой юный другъ, теперь всего благоразумнѣе будетъ,

изтребить страсть, которой слѣдствія могутъ быть ужасны." — Августъ давно уже пересталъ слушать, что говорила ему благодѣтельница его; онъ углубился совершенно въ одно великое предпріятіе, которое въ ту же ночь произвелъ въ дѣйство. Онъ ушелъ изъ замка, не сказавъ о томъ никому, ниже своей любезной, и удовольствовался только тѣмъ, что подсунулъ подъ дверь ея комнаты слѣдующую записочку: „Прости, Эльмина, прости! будь мнѣ вѣрна; мы увидимся."

По утру сдѣлался страшной шумъ: Баронъ бранился, Баронесса плакала; Бейеръ кстати и не кстати приводилъ Еврейскіе, Греческіе и Латинскіе тексты; Эльмина, бѣдная Эльмина была какъ окаменѣлая: она не могла даже плакать. Квинкціусъ, не прежде какъ за обѣдомъ, узналъ о произшедшемъ. Баронесса, для успокоенія мужа своего, преодолѣла горесть, и сказала ему съ большею обыкновенной твердостію, что она находитъ много великодушія и благородства въ Августовомъ поступкѣ. Эльмина отблагодарила ее взглядомъ. Квинкціусъ задумался. — „О, го! сказалъ онъ самъ въ себѣ: видно тотъ очень великодушенъ и благороденъ, кто бѣгаетъ по свѣту безъ денегъ и безъ всякой помощи! Всегда

хвалятъ Лисау, а я что бы надѣлалъ!...". Квинкцїусъ пошелъ размышлять о средствахъ заставить говорить и о себѣ.

Эльмина, возвратясь въ свою комнату, читала многократно прощальную записку своего Августа. — „*Мы увидимся!*" повторяла она ежеминутно; потомъ вдругъ вскричала: „Я поняла тебя, милой Августъ!"

Въ шести миляхъ отъ замка, на большой Берлинской дорогѣ находился маленькой городокъ, въ которомъ Лисау имѣлъ случай доставить мѣсто одному изъ старыхъ друзей отца своего. Эльмина не сомнѣвалась, чтобъ онъ не туда удалился, и — *мы увидимся*, значило очень ясно, что онъ тамъ ее дожидался.

Еще до свѣту Эльмина была уже за милю отъ замка, съ нѣсколькими талерами въ карманѣ и съ малымъ количествомъ бѣлья и платья въ передникѣ. Шедъ, или лучше сказать, бѣжавъ три часа, она до крайности утомилась, и за деревьями, которыми обсажена была дорога, думала найти себѣ безопасное мѣсто для отдохновенїя, но скоро была встревожена лошадинымъ топотомъ: это скакалъ Баронъ, которой, внутренно любя Августа гораздо болѣе, нежели сколько хотѣлъ самъ себѣ въ томъ признаться, пустил-

ся за нимъ въ погоню, надѣясь его воротить. Эльвина прилегла къ землѣ, и дядюшка ея проскакалъ мимо.

Квинкцїусъ не переставалъ съ своей стороны заниматься отсутствїемъ друга своего. — „Я знаю, что онъ на все способенъ, говорилъ онъ самъ въ себѣ; какъ новый Колумбъ, какъ новый Гама, онъ, можетъ быть, откроетъ новые мїры, или по малой мѣрѣ новыя моря, дастъ имъ свое имя; а я! я, печальная отрасль Римскихъ Героевъ...! Съ сей минуты Квинкцїусъ началъ видѣть Августа на Берлинской дорогѣ; онъ видитъ его въ Гамбургѣ садящагося на корабль.... Намѣренїе его скоро принято: надлежитъ все оставить, чтобъ раздѣлить такую славу.

Сыскавъ большой мѣшокъ, онъ кладетъ въ него книги, Географическїя карты, Математическїе инструменты, зрительную трубку; не беретъ ни денегъ, ни съѣстныхъ припасовъ, и взваливъ съ гордостїю мѣшокъ къ себѣ на плеча: „пойдемъ, сказалъ онъ, пойдемъ къ безсмертїю. *Omnia tecum porto.* Все свое богатство несу съ собою.“

Между тѣмъ, какъ Квинкцїусъ *аргументовалъ* такимъ образомъ и наполнялъ свой мѣшокъ, Баронесса, услышавъ о поспѣшномъ отбытїи своего супруга, бро-

силась въ коляску и поскакала, чтобъ быть свидѣтельницею пріятной минуты, въ которую догонять Августа, и простять его. Эльмина видѣла, какъ и она проѣхала. Бѣдняжка вздохнула и не прежде хотѣла пуститься опять въ путь, какъ потерявъ коляску изъ виду.

Новой страхъ! Какой — то мущина садится подлѣ дороги, и одни только деревья его съ нею раздѣляютъ. Будучи до крайности встревожена, она раздвигаетъ вѣтви, смотритъ.... Этотъ мущина былъ — ея любезной родственникъ. . . . Онъ увидѣлъ Эльмину. — „Возможно ли? Эльмина!“ — „Квинкціусъ! ради Бога, оставьте меня!“ — Но куда вы идете? — „Я... прогуливаюсь.“ — Какъ! во все это время — и такъ далеко? — „Но вы сами куда идете съ этимъ большимъ мѣшкомъ и съ Ландкартами?“ — Я хотѣлъ снять планъ со здѣшнихъ окрестностей. Дайте же мнѣ руку, Эльмина! — Эльмина не могла отговориться, и въ замѣшательствѣ своемъ опустила передникъ, изъ котораго все вывалилось на землю. — „Что это значитъ? развѣ для прогулки берутъ съ собою рубашки и платья?“ — Послѣдовало весьма жаркое объясненіе, которое Эльмина заключила тѣмъ, что она остановится только тамъ, гдѣ най-

детъ Августа; Квинкцїусово же рѣшительное опредѣленїе было то, что поелику Герои, предки его, предписываютъ ему великодушное пожертвованїе, то онъ обязуется препроводить свою прелестную родственницу въ объятїя друга своего, хотя бы онъ долженъ былъ искать его во льдахъ Полюса.

Баронъ прежде всѣхъ прїѣхалъ въ городъ, и между тѣмъ, какъ лошадь его ѣла овесъ, разсказывалъ онъ изумленному трактирщику о невѣроятныхъ подвигахъ достохвальныхъ предковъ своихъ, которыхъ имена оканчивались на *усъ*. Онъ былъ еще далеко отъ конца повѣсти своей, какъ вдругъ вошла Баронесса. Сїя непредвидимая встрѣча подала поводъ къ смѣху съ обѣихъ сторонъ. Баронъ вздумалъ угощать свою благородную половину и приказалъ подать великолѣпный завтракъ. Они начали очень важной разговоръ, какъ вдругъ отворилась дверь — и кто же вошелъ? Квинкцїусъ съ Эльминою! Чрезмѣрное удивленїе произвело сначала глубокое молчанїе; но скоро уста Бароновы пролили цѣлую рѣку проклятїй и ругательствъ. Чтожь бы еще тогда послѣдовало, естьли бы онъ зналъ, что благородная его племянница гонялась за простымъ мѣщаниномъ, каковъ былъ бѣдный Августъ? Дѣвушка это почув-

ствовала; и когда Баронъ началъ приступать къ сыну своему, чтобъ онъ объявилъ ему причины сего побѣга, она дернула тихонько Квинкцїуса за полу, и выразительнымъ взглядомъ дала ему разумѣть, какую нужду имѣла въ его скромности. Квинкцїусъ, будучи съ природы предоброй малой, отвѣчалъ, что его родственница и онъ вздумали бѣгать по свѣту для того, чтобъ было имъ покойнѣе любиться. Эльмина принуждена была подтвердить все то, что угодно было наврать Квинкцїусу. Баронъ сдѣлалъ ей строгой выговоръ за притворство, употребленное ею въ то время, какъ онъ предлагалъ ей руку сына своего. Баронесса, желая сократить тяжкое положенїе своей племянницы, приняла весьма раздраженный видъ, и велѣла посадить ее съ собою въ коляску. Баронъ сѣлъ на своего добраго коня, а Квинкцїусъ уныло побрелъ пѣшкомъ въ замокъ.

Дорогою Эльмина, видя себя одну съ теткою, призналась ей откровенно во всемъ произшедшемъ, и въ награду за свою искренность получила отъ нее торжественное обѣщанїе, стараться всѣми силами о соединенїи ея съ нещастнымъ Августомъ. Ужинъ былъ не такъ скученъ, какъ того опасались; дневныя

произшествія даже развеселили Барона; только, когда молодые люди откланялись, онъ послѣдовалъ за ними и, отведя каждаго въ его комнату, разсудилъ, что, для обузданія восторговъ толь страстныхъ любовниковъ, почитаетъ за нужное привѣсить къ дверямъ ихъ по большому замку.

Онъ провелъ часть ночи въ размышленіяхъ о безпокойствахъ, которыя могли для него произойти отъ такого надзирательства, и наконецъ заключилъ, что лучшее для отвращенія сего средство есть то, чтобъ, не откладывая вдаль, обвѣнчать ихъ немедленно. По утру чѣмъ свѣтъ послалъ онъ за Пасторомъ; двухъ заключенныхъ привели въ залу; попросили туда Баронессу, и знаменитый ея супругъ объявилъ ей свою волю. Добрая Госпожа до крайности смѣшалась; Эльмина поблѣднѣла отъ страха; Квинкціусъ покраснѣлъ. Баронъ во всемъ этомъ видѣлъ одну только радость и просилъ Пастора начинать церемонію. Пасторъ сказалъ краткую, но весьма трогательную рѣчь. Бѣдная Эльмина едва могла держаться на ногахъ, и когда у нее спросили, чувствуетъ ли она непреодолимое желаніе сочетаться съ Квинкціусомъ, она отвѣчала со всею рѣшимостію отчаянія: „нѣтъ, нѣтъ! никогда!“ Баронъ думалъ,

что онъ видитъ это во снѣ; спрашиваетъ сына своего, и получаетъ такой же отвѣтъ; въ пылу гнѣва своего беретъ онъ перо, и грозитъ Эльминѣ вычернить имя ея изъ родословнаго дерева Нотгафтовъ. — „Ахъ! вычерните его, дядюшка, вычерните! какъ бы я желала, чтобъ его никогда тамъ не было!“ Сказавъ сїе, побѣжала она въ свою комнату и заперлась. Квинкцїусъ хотѣлъ сдѣлать то же; но отецъ остановилъ его и не могъ отъ него ничего болѣе узнать, кромѣ того, что онъ далъ слово молчать, и будетъ молчать. Чрезмѣрная досада едва не задушила Барона.

Среди всего этого шуму скоро забыли о бѣдномъ Августѣ. Ввечеру Квинкцїусъ, оставшись наединѣ съ родственницею своею, не могъ преодолѣть себя, чтобъ не изъявить ей безпредѣльнаго своего сожалѣнїя о томъ, что былъ принужденъ отказаться отъ руки ея, и слѣдовательно отъ верховнаго блаженства. Эльмина, желая его утѣшить, очень кстати напомнила ему, какъ похвально жертвовать любовїю чести и дружбѣ; она клялась ему, что онъ вѣчно будетъ для Августа и для нее предметомъ безпредѣльнаго почтенїя. Квинкцїусъ въ ту же минуту почувствовалъ, что горесть уступила мѣсто радости

въ душѣ его. Удивленіе было для него лестнѣе любви.

Между тѣмъ чувствительная Эльмина примѣтно увядала въ разлукѣ съ милымъ: ея любимыя занятія, ея пріятные таланты, разговоры съ доброю теткою, философическія разсужденія Квинкціуса — ничто не могло отвлечь ее отъ глубокаго, единственнаго чувствованія. Баронесса, устрашенная состояніемъ ея, вздумала заставить ее путешествовать и отправилась съ нею въ Берлинъ. Лицо молодой дѣвушки на каждой милѣ становилось веселѣе. Добрая тетка дивилась чуднымъ дѣйствіямъ движенія и разсѣянности, между тѣмъ какъ Эльмина отъ того только сдѣлалась меньше унылою, что надѣялась встрѣтиться на дорогѣ съ любезнымъ своимъ Августомъ.

Баронъ объявилъ свое непремѣнное желаніе, чтобъ и Квинкціусъ былъ участникомъ въ семъ путешествіи, для познанія людей и вещей. Какъ скоро молодой человѣкъ услышалъ сіе приказаніе, то побѣжалъ къ своему Учителю, и требовалъ наставленія въ разсужденіи лучшей методы узнать родъ человѣческой. Г. Бейеръ провелъ всю свою жизнь въ школахъ, и не имѣлъ о вещахъ инаго понятія, кромѣ почерпнутаго въ книгахъ, по чему

и разсудилъ за благо отослать воспитанника своего къ Физїономисту Кампанеллѣ, одному изъ предмѣстниковъ Лафатера. Квинкцїусъ тащитъ огромный фолїантъ и запирается съ нимъ въ своей комнатѣ, гдѣ проводитъ всю ночь въ образованїи ума своего великими правилами Автора, которой съ сего часа долженствовалъ быть его путеводителемъ, и прочитываетъ троекратно слѣдующее наставленїе:

„Подвижность чертъ лица, взгляды, „выразительность рта въ разговорахъ, „въ смѣхѣ, или въ огорченїи; движенїе „рукъ, ногъ, плечь, суть необманчивое „зеркало чувствїй и впечатлѣнїй душев„ныхъ. Естьли пожелаешь узнать, что „произходитъ во внутренности человѣка, „подражай съ точностїю чертамъ его и „всѣмъ движенїямъ, и ты въ ту же ми„нуту ощутишь въ себѣ тѣ самыя чув„ствїя или страсти, которыя онъ ис„пытываетъ.“

Восхищенный толь драгоцѣннымъ открытїемъ, Квинкцїусъ въ слѣдующее утро садится въ карету съ невѣроятною поспѣшностїю и нетерпѣнїемъ. Мать его и родственница скоро замѣтили, что онъ поминутно дѣлалъ страннѣйшїя кривлянья, которыя еще усугублялись во

всѣхъ домахъ, гдѣ они останавливались. Квинкцїусъ утверждалъ, что всѣ трактирщики плуты; онъ тщательно старался подражать всѣмъ ихъ минамъ, и не могъ почувствовать въ себѣ того усердїя, которое показывали они къ своимъ постояльцамъ.

Наконецъ прїѣхали въ Берлинъ, остановились въ трактирѣ и обѣдали за общимъ столомъ. Квинкцїусъ замѣтилъ одного молодаго Офицера, которой показался ему весьма хорошо воспитаннымъ человѣкомъ. Грасгеймъ — такъ его звали — возъимѣлъ съ своей стороны очень выгодное мнѣнїе о Квинкцїусѣ. Въ слѣдствїе сего, вышедъ изъ-за стола, подошли они другъ къ другу и начали разговаривать. Квинкцїусъ былъ очарованъ умомъ и свѣденїями молодаго воина и внутренно обѣщался сдѣлаться его другомъ; но напередъ разсудилъ за благо узнать, что произходитъ въ его душѣ; это былъ прекрасной случай испытать предписанїя Кампанеллы.

Вдругъ прерываетъ онъ разговоръ и садится въ углу залы, откуда устремляетъ глаза на Грасгейма, смѣется, когда видитъ его смѣющимся, стучитъ пальцами по столу, какъ скоро и онъ то дѣлаетъ; качаетъ головою, когда тотъ

качаетъ ею; словомъ, подражаетъ всѣмъ малѣйшимъ его движенїямъ. Молодой Офицеръ, примѣтя эту странность, не зналъ, что объ ней подумать. Онъ наморщился, и Квинкцїусъ вмигъ насупилъ брови. Грасгеймъ, потерявъ наконецъ терпѣнїе, бросается на бѣднаго Квинкцїуса, и схвативъ его за горло, хочетъ удавить. Фламингъ, вырвавшись изъ его рукъ и опомнясь, клянется, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренїя оскорбить Гна. Грасгейма. — „Ахъ, сударь! сказалъ онъ ему: естьли бы вы читали Кампанеллу, то увидѣли бы, что я хотѣлъ только васъ узнать, чтобъ сдѣлаться вашимъ другомъ!“

Грасгеймъ хотѣлъ отъ него отойти, будучи увѣренъ, что имѣетъ дѣло съ безумнымъ; но Квинкцїусъ, взявъ его за руку, подвелъ къ матери своей, и сказалъ, что представляетъ ей наилучшаго изъ смертныхъ.... Это было слѣдствїе его наблюденїй.

Молодой воинъ скоро пересталъ слушать ученаго Квинкцїуса и гонялся только за его прелестною родственницею. Баронесса черезъ нѣсколько дней примѣтила, что племянница ея была гораздо веселѣе съ симъ молодымъ человѣкомъ, нежели въ блистательныхъ собранїяхъ,

въ которыя она ее возила. Сїе замѣчанїе скоро побудило ее предложить Грасгейму, чтобъ онъ проводилъ ихъ въ замокъ. Эльмина показала ему, что ей будетъ это непротивно; а Квинкцїусъ съ своей стороны настоятельно просилъ его о томъ же.

Баронъ принялъ очень хорошо молодаго Офицера; и какъ скоро узналъ его имя, тотчасъ побѣжалъ справляться съ большою книгою, содержащею фамилїи Германскихъ дворянъ. Одинъ Грасгеймъ отличился на турнирѣ, данномъ Императоромъ Генрикомъ Пшицеловомъ въ 930 году .... и сего довольно было для Барона. Однакожь онъ съ удовольствїемъ узналъ сверхъ того, что молодой человѣкъ былъ уменъ, свѣдущь, съ талантами; онъ съ перваго взгляда замѣтилъ, что видъ его и осанка показывали благородное произхожденїе. Эльмина, вопрошенная Барономъ, какъ думаетъ она объ немъ, отвѣчала съ простодушїемъ, что онъ ей очень нравится, и Баронъ вмигъ затѣялъ въ мысляхъ союзъ, которой былъ ему очень прїятенъ.

Эльмина сочла бы за великую себѣ обиду, естьли бы кто хотя на минуту усомнился въ ея вѣрности къ нещастному Лисау; однако же она не могла не признаться, что послѣ него Грасгеймъ

былъ любезнѣйшій изъ смертныхъ. Скоро начала она думать, что они стоютъ другъ друга; потомъ еще и то не замедлило придти ей въ голову, что Грасгеймъ былъ *на лицѣ*, между тѣмъ, какъ Августъ искалъ приключеній и находился не вѣдомо гдѣ; наконецъ разсудила она, что этотъ союзъ очень удобно заключенъ быть можетъ, а тому отъ любезнаго ея дядюшки будутъ предполагаемы вѣчныя затрудненія и препятствія. Когда дѣвушка начнетъ дѣлать такія умозаключенія, то можно смѣло сказать, что сердце ея перемѣнилось, или очень скоро перемѣнится. Между тѣмъ любви достойный Грасгеймъ сдѣлалъ формальное предложеніе: не было способа скрыть отъ него произведеннаго уже имъ впечатлѣнія. Прибѣгнули къ доброй тетушкѣ: она горячо взяла сторону Грасгейма; всѣ отправились къ Барону и сдѣлали помолвку.

Одному Квинкціусу не нравилось такое поспѣшное разпоряженіе: онъ держался того, безъ сомнѣнія, весьма похвальнаго правила, что ничто въ свѣтѣ не можетъ извинить вѣроломства. Родственница его обѣщала сердце и руку нещастному Августу, и, по его мнѣнію, надлежало ей лучше просидѣть сто лѣтъ въ дѣвкахъ, нежели отдаться другому. Онъ

съ поспѣшностїю входитъ къ Эльминѣ, которую видитъ въ глубокой задумчивости, и представляетъ ей между прочими образцами непоколебимой твердости славнаго Регула, котораго примѣру долженствовала бы она по его мнѣнїю слѣдовать. Дѣвушка закраснѣлась, услышавъ имя злополучнаго Лисау; хотя и не могла понять, какое сношенїе имѣла ея любовь съ Римлянами и Кареагенцами. — Бракъ былъ торжествованъ въ присутствїи всѣхъ вассаловъ; но радость Баронова была не продолжительна: онъ очень опасно занемогъ, увѣдомясь, что одинъ завистливый сосѣдъ выпустилъ въ свѣтъ бумагу, въ которой доказывалъ, что Бароны Фламинги ложно производятъ родъ свой отъ Фламинїусовъ, и называлъ требованїе ихъ на сїе пустяками и нелѣпыми баснями. Квинкцїусъ, получивъ приказанїе отвѣтствовать на сїи обидныя доказательства и опровергнуть ихъ, перерылъ болѣе ста толстыхъ томовъ и наконецъ пришелъ объявить своему родителю, что онъ не нашелъ никакихъ средствъ къ опроверженїю, и что даже едва можно было доказать ихъ дворянство. При сихъ ужасныхъ словахъ, бѣдный Баронъ велѣлъ принесть свое родословное дерево, прижалъ его къ сердцу и —

скончался; оставя Квинкцїуса начальникомъ семейства и наслѣдникомъ всего своего имѣнїя.

II.

Мытищинской водоводъ (*).

Сїе общеполезное дѣло, начатое Великою ЕКАТЕРИНОЮ, наконецъ совершено Благотворительнымъ АЛЕКСАНДРОМЪ, и вода, свѣжая, здоровая, уже поитъ всѣхъ жителей Московскихъ, имѣвшихъ въ ней всегдашнїй недостатокъ. Сїя вода, чистая и прозрачная, эта первая, послѣ воздуха, потребность жизни проведена въ Столицу изъ Мытищинскихъ колодцевъ; доставляется въ нее каменными трубами изъ-за семнадцати верстъ! Но весьма естественно, что подлѣ самой дороги, изъ Мытищь въ Москву проложенной, вести ее было неудобно; по тому собственной ея путь — въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ сей дороги удаляющїйся, въ иныхъ пересѣкающїй ее и уклоняющїйся далеко въ другую сторону — составляетъ двадцать двѣ версты! Черезъ овраги и глубокїя долины,

(*) Присланная статья.

которыя могли остановить бѣгъ ея; струится она по возвышенїямъ, нарочно сдѣланнымъ, представляющимся путешественнику нѣкотораго рода стѣнами. Близъ Ростокина, деревни, лежащей на упомянутой дорогѣ, отъ Москвы въ семи верстахъ, черезъ рѣку Яузу переносится по каменному мосту, которой длиною слишкомъ сто пятьдесятъ саженей, поддерживается двадцать одною аркою, и на которомъ русло ея, или желубовина выстлана свинцовыми листами. Подлѣ села Алексѣевскаго, отъ Москвы верстъ за шесть, обращенная на лѣво, достигаетъ Столицы, давно ее ожидавшей, протекая Марьиною рощею. Въ самой Москвѣ пробѣжавъ Сокольниками, Каланчою, Спаскою, и выпавъ противъ нововыстроенныхъ казармъ, между Красными воротами и Сухаревой Башнею, на Земляной Валъ, продолжаетъ путь свой, углубленной въ семъ мѣстѣ внутрь земли почти на тридцать аршинъ; къ Самотечному пруду. Близъ сего пруда поворотивъ опять на лѣво, идетъ, не вдалекѣ отъ его канала, огородами, частїюжъ Пушкарской улицей, къ мосту, находящемуся между Стрѣтенскими и Петровскими воротами. Пущенная по наклоненїю вездѣ одинакому,

течетъ довольно быстро и — перебѣгаетъ все извѣстное разстояніе, всѣ двадцать двѣ версты, очень скоро. Со всѣхъ сторонъ закрытая, не принимаетъ въ себя никакой посторонней матеріи, а по тому вездѣ сохраняетъ всѣ тѣ свойства, которыя имѣетъ при самыхъ источникахъ. Добѣжавъ до средины той части Москвы, самой главной, многолюднѣйшей, которой жители весьма нуждались въ ней (*), наполняетъ обширное водохранилище, для всѣхъ открытое, устроенное на возвышенномъ мѣстѣ, помѣщенное въ ротондѣ, имѣющей три входа. Низпадая изъ него внутрь земли круглою трубою, въ видѣ гладкаго столпа (**), почти безъ шуму, паденіемъ усугубивъ силу, увеличивъ скорость, къ дальнѣйшей цѣли летитъ стрѣлою, и въ разныхъ мѣстахъ поднимаяся на воздухъ, упадаетъ въ неизчерпаемые водоемы: здѣсь, въ видѣ кристальнаго снопа, произникшаго изъ груды камней; тамъ, быстрыми ручьями, текущими изъ куска гранита; тутъ, въ образѣ прозрачнаго намета, бро-

---

(*) Т. е. до упомянутаго моста, называемаго Трубою, что близъ Рожественскаго монастыря. —

(**) Въ поперешникѣ его 12 вершковъ.

шеннаго рукою случая на полуколонну (*). Наполнивъ водоемы, низливается — по мѣрѣ прилива — въ отверстія, устроенныя наравнѣ почти съ краями ихъ, и избытокъ даритъ рѣкѣ, не далеко отъ нихъ мутныя струи свои медленно влекущей (**).

И такъ сіи обширныя водоемы, сдѣланные хорошо и чисто изъ дикаго камня, съ самаго того дня, въ которой славной *водоводъ* Мытищинской совершенно конченъ (***), изобилуютъ ежеминутно чистою и прекрасною водою, всегда новою и свѣжею. — —

Невѣжды! жалкіе враги просвѣщенія! вы, почитающіе — Науки вредными, Искуства безполезными! естьли вы еще и нынѣ бремените землю, ежели вы существуете, взгляните на *водоводъ* Мытищинской, и признайте ихъ — благотворными; падите втайнѣ предъ обожаемымъ нами *Фебомъ*, ревностно оныя разпростра-

---

(*) Путь, по которому она бѣжитъ отъ упомянутаго водохранилища, ниже того, по которому течетъ въ оное — 5 ю аршинами: слѣдственно ея паденіе имѣетъ сію же мѣру.

(**) Неглинной, близъ Кузнецкаго мосту.

(***) Съ 28 го Октября сего 1804 года. —

няющимъ въ нашемъ любезнѣйшемъ Отечествѣ; падите на колѣна, благоговѣйте къ священнѣйшимъ Его намѣреніямъ, и разкайтесь въ заблужденіяхъ своихъ; превозносся времена прошедшія, настоящія — почитайте лучшими, называйте временами благоденствія, и, несомнѣнно вѣря, что почтенные наши предки никогда подобными не наслаждались, прославляйте, вмѣстѣ съ нами, золотыя времена сіи усердно, искренно, нелицемѣрно. . . . .

Но естьлибъ гласъ мой былъ Орфееву подобенъ,
Едвалибъ и тогда васъ тронуть былъ удобенъ.

Прерываю мое къ вамъ обращеніе и возвращаюся къ прекраснымъ водомстамъ.

Отмѣнно пріятно смотрѣть на нихъ: сіе утверждаетъ всякой, кто ихъ видѣлъ; но для меня еще пріятнѣе — находить подлѣ нихъ согражданъ всякаго состоянія, и примѣчать у каждаго на глазахъ, на лицѣ чувства, наполняющія собственную мою душу. Удовольствіе, радость, благодарность — вотъ стихи, которыми всѣ тамъ дышутъ! „Кроткій АЛЕКСАНДРЪ, нашъ Отецъ, нашъ истинный Благотворитель!“ — вотъ слова,

которыя тамъ весьма не рѣдко слышишь; слова краткія, простыя, но произносимыя живымъ чувствомъ признательности, самой искренней, и по тому трогательныя, любопытныя, заслуживающія особливое вниманіе! —

Многіе думаютъ, что каналъ рѣки Неглинной сдѣлается опять пріятнѣйшимъ гульбищемъ — для всѣхъ охотниковъ прохаживаться (*), и что славной Бульваръ скоро будетъ оставленъ, въ свою очередь, подобно Московской Набережной, нѣкогда любимой. Я очень сему вѣрю. Что можетъ быть милѣе мѣста, гдѣ нѣсколько прекрасныхъ водометовъ, увеселяя зрѣніе, тихимъ шумомъ занимаютъ слухъ нашъ; гдѣ обиліе воды, чистой и текучей, сообщая свѣжесть воздуху, дѣлаетъ его прохладнымъ; гдѣ нѣжное журчаніе свѣтлой жидкости, трогая душу, призываетъ ее къ размышленію, раждаетъ въ умѣ множество идей, сладостныхъ, любезныхъ сердцу? Теперь, зимою, гулять по каналу — весело для всякаго; но сколь плѣнительна будетъ

(*) На семъ каналѣ гуляли жители Московскіе почти ежедневно, лѣтъ 15 назадъ, когда Набережная была еще не проходима, а Бульваръ и не думали отдѣлывать.

тамъ прогулка во время лѣта, а особливо въ прекрасные вечера, при захожденьи солнца, въ меланхолическіе часы ночи, при сіяніи луны: когда кроткій свѣтъ сей любезнѣйшей царицы звѣздъ, играя и дробясь въ прозрачномъ хрусталѣ журчащей стихіи, станетъ увеличивать сребристый блескъ ея; когда послѣдніе лучи златовиднаго свѣтила дневнаго, лишенные поразительной для зрѣнья яркости, проникнувъ бїющую на воздухъ влагу блистательнѣйшимъ пурпуромъ и преломясь тысячекратно въ безчисленныхъ алмазоподобныхъ ея брызгахъ, будутъ представлять ее — горящею! . . . Воображаю сїю картину, великолѣпную, прелестнѣйшую, и, въ сладчайшемъ ожиданіи когда нибудь ее увидѣть, утверждаюся въ моей увѣренности и поставляю прїятнѣйшею должностью ходить къ прекраснымъ водометамъ — ежедневно. Изъ числа нѣсколькихъ сценъ, достойныхъ замѣчанія, которыя тамъ случилося мнѣ видѣть, одна — трогательная, не выдетъ у меня изъ памяти во всю жизнь мою. Она дала мнѣ случай услышать важное изреченіе Священнаго Писанія, выговоренное, по моему мнѣнію, очень кстати, сдѣлавшее сильное впечатлѣніе въ душѣ моей — такое изреченіе,

котораго не забуду никогда. . . . Я почитаю себя обязаннымъ описать ее.

Въ четвертую прогулку мою къ водометамъ, — въ Воскресенье, около вечера (*), — я нашелъ подлѣ нихъ многочисленныя толпы народа, любопытнаго и благодарнаго. Каждый изъявлялъ возхищенїе свое, какъ умѣлъ; всѣ были веселы. Могъ ли я не остановиться, видя такое собранїе людей, одинаково довольныхъ? Ихъ радостныя чувства обнаруживались ясно и плѣняли мою душу.

Помѣстившись на нѣкоторомъ возвышенїи, долго я любовался пестрою картиною, зрѣнїе мое увеселявшею; разсматривалъ лица окружавшихъ меня, глядѣлъ на шумящїе водометы, мечталъ, думалъ, чувствовалъ. Наконецъ все мое вниманїе привлекъ старикъ лѣтъ осьмидесяти, украшенный почтеннѣйшею сѣдиною. Онъ стоялъ отъ меня не далеко. Его физїономїя была значительна. Доброта души сїяла во всѣхъ чертахъ его. Судя по наружному виду и по платью, я увѣренъ, что онъ принадлежитъ къ состоянїю мѣщанъ, или ремесленниковъ, *снѣдающихъ хлѣбъ свой въ потѣ лица своего.* Глаза его были устрем-

(*) 30-го Октября.

лены на кипящую воду, изъ мрачнаго заключенія быстро вырывающуюся; она была единственнымъ его предметомъ. На челѣ его блистало удивленіе, смѣшанное съ неизъяснимымъ удовольствіемъ. Я смотрѣлъ на него съ отмѣннымъ примѣчаніемъ. Мнѣ казалось, что онъ, кромѣ воды, ничего не видитъ: столь сильно былъ онъ занятъ ею! Черезъ нѣкоторое время подошелъ къ нему молодой человѣкъ — думаю, одного съ нимъ состоянія — и, не зная цѣны сладостныхъ минутъ восторга, потревожилъ его, сдѣлавъ ему обыкновенное привѣтствіе и нѣсколько вопросовъ о домашнихъ. Почтенный старецъ отвелъ взоры свои отъ зрѣлища, плѣнявшаго чувствительную его душу, взглянулъ на знакомаго, поклонился ему, и, не отвѣчая на вопросы, протянулъ руку въ ту сторону, гдѣ прекрасная вода свѣтилась и шумѣла. Потомъ, въ тужъ секунду, голосомъ вдохновеннаго, произнесъ съ живѣйшимъ чувствомъ: „Видишь ли? видишь ли? — Какое сокровище! . . . То-то милость-то, прямо Царская! — Какъ же наградитъ Отца нашего Господь-Богъ за это! Онъ самъ сказалъ во Святомъ Евангеліи: *Иже аще напоитъ единаго отъ малыхъ чашею студены воды,*

не погубитъ мзды своея." — Произнеся сїе, прибавилъ, тономъ уже обыкновеннымъ: „Поди-ка, другъ, домой, да приведи сюда старика, отца своего: пусть и онъ съ нами порадуется!" — Послѣ сего, разставшися съ знакомымъ, отошелъ немного въ сторону, прислонился къ забору и занялся опять любезнѣйшимъ предметомъ, которой, весьма благоразумно, отмѣнно справедливо названъ имъ *сокровищемъ*. . .

Люди, которые не учились и не могли учиться изъяснять чувствъ своихъ великолѣпно и краснорѣчиво, люди небогатые, не обладаютъ даромъ слова, сею прекрасною способностїю выражать мысли и впечатлѣнїя сильно и прїятно; но назвать вещь, для всѣхъ полезную, именемъ приличнымъ, и однимъ реченїемъ опредѣлить ея достоинство — не рѣдко могутъ лучше всѣхъ любимцевъ Аполлоновыхъ. *Водоводъ* Мытищинской есть дѣйствительно сокровище — неоцѣненное! Я пишу объ немъ не для жителей Московскихъ; ибо вѣрно каждый мой согражданинъ знаетъ его, со всякой стороны, не менѣе меня. Моя цѣль — сдѣлать его хотя нѣсколько извѣстнымъ — любезнымъ соотечественникамъ, живущимъ отъ Столицы въ отдаленїи: они,

непремѣнно, примутъ въ нашей радости великое участіе, а раздѣлять такое чувство весьма пріятно. Извѣстія сего рода читаются и иностранцами . . . . Сверхъ того, желательно, чтобы радость наша и восторги бѣдныхъ, произведенные благотворнымъ дѣйствіемъ *водовода*, казались вѣроятными и для самыхъ хладнокровныхъ Скептиковъ. И по тому скажу, и долженъ сказать нѣсколько словъ о безцѣнной пользѣ его, которую недостаточные, безъ сомнѣнія, чувствуютъ сильнѣе, нежели любимые сыны Фортуны.

Москва, первая Россійская Столица, извѣстная своею древностію и пространствомъ; знаменитая многолюдствомъ и великолѣпнѣйшими зданіями; славная достопамятными произшествіями, въ разныя времена въ ней случившимися, и рожденіемъ въ стѣнахъ ея Великихъ Государей, незабвенныхъ Патріотовъ и Мужей безсмертныхъ; достойно почитающаяся въ числѣ главнѣйшихъ городовъ Европы; Москва, украшеніе всего Сѣвера, изобилуетъ, съ самаго начала бытія своего, всѣми возможными удобностями, необходимыми для жизни, безбѣдной и пріятной. Ежегодно — поля, ее окружающія, украшаются златою жатвою; луга, ей

сопредѣльные, покрываются благоухающею зеленью; сады, внутри ее и въ окрестностяхъ цвѣтущіе, приносятъ ей плоды сладчайшіе. Растущіе близъ ее лѣса и рощи служатъ ей прохладными своими тѣнями, и — удовлетворяютъ ея нуждамъ. Предметы роскоши и нещетныя потребности вкуса утонченнаго и прихотливаго доставляются въ нее изъ всѣхъ предѣловъ міра. Поразительные ужасы и бѣдствія, производимыя изверженіемъ вулкановъ и землетрясеніемъ, извѣстныей — единственно по слуху, достигающему до нее изъ странъ, опустошаемыхъ сими грозными явленіями, къ сожалѣнію, весьма не рѣдко. Ея мѣстоположеніе возвышенно, сухо, прекрасно и здорово; но — въ отношеніи къ водѣ — крайне невыгодно.

Москва лежитъ при соимянной ей рѣкѣ, очень мѣлкой, текущей медленно, и для города, столь обширнаго, вмѣщающаго болѣе трехъ сотъ тысячь жителей, чрезвычайно недостаточной. Всякой можетъ вообразить весьма легко, какова должна быть въ ней вода, а особенно весною, лѣтомъ и во время осени, когда съ горъ, полей, съ нѣсколькихъ сотъ Московскихъ улицъ, изъ множества разныхъ фабрикъ, красиленъ, бань, построенныхъ на берегахъ ея — безпрестанно текутъ въ нее,

безчисленнѣйшїе потоки, съ собою всѣхъ родовъ нечистоту влекущїе?... И она же катитъ воды свои, всегда почти мутныя, не срединою Москвы: ибо такъ называемое Замоскворѣчье, находящееся на правой сторонѣ рѣки сея, въ сравненїи съ пространствомъ Столицы, разположеннымъ на лѣвой сторонѣ ея — есть часть, весьма малая. Рѣчка Яуза, въ сїю рѣку впадающая, протекаетъ городомъ, но — подлѣ восточнаго края его, и будучи мѣльче, маловоднѣе, тише, еще менѣе приноситъ пользы.

Есть въ Москвѣ множество колодцевъ; нужда изобрѣтательна и трудолюбива. Но чего каждый изъ нихъ стоилъ? — Всякой хозяинъ дому долженъ былъ изтратить много денегъ на то, чтобы выкопать его, особливо въ такомъ мѣстѣ, гдѣ водяныя жилы, удаленныя отъ земной поверхности на нѣсколько саженей, открываются не скоро. А сколько нужно было употребить ихъ еще на сдѣланїе обруба, на покупку насосовъ? — И, сверхъ того, надобно колодцы чистить; насосы и обрубы не рѣдко требуютъ починки... При всемъ томъ; какъ часто всѣ сїи издержки награждались весьма худо? Въ Москвѣ колодезь съ хорошею водою,

совершенная рѣдкость, драгоцѣнный кладъ; кто имѣетъ его, тотъ хвалится имъ, какъ богатымъ рудникомъ, източающимъ серебро и золото.

И такъ, до открытія *водовода*, изъ числа жителей Московскихъ, пользовались свѣжею и здоровою водою весьма немногіе, одни достаточные и богатые. Они получали ее изъ извѣстнѣйшихъ колодцевъ: Андроньевскаго, Трехгорнаго и Преображенскаго, отстоящихъ отъ средины города весьма далеко, и — каждому изъ нихъ обходилася она довольно дорого (*). Небогатыежъ мѣщане, ремесленники, и всѣ тѣ, которые тратить денегъ на сію необходимую потребность или не хотѣли, или не могли, — брали ее для всякихъ надобностей изъ Москвы рѣки и Яузы, изъ неподвижныхъ прудовъ и какихъ нибудь

(*) Я, живучи близъ самаго Кремля, имѣя небольшую семью и крайне малую услугу, зная цѣну хорошей воды, на удовольствіе пить Трехгорную издерживалъ ежегодно — болѣе шестидесяти рублей. Съ меня брали за провозъ ее съ каждой бочки по 50 копѣекъ, а иногда и дороже; и каждая бочка выходила у меня въ три дни. И за позволеніе брать изъ упомянутыхъ колодцевъ воду надобно было платить деньги. . . . .

колодцевъ, и употребляли воду — или жесткую и непрїятную, или не свѣжую и мутную, или гнилую и нездоровую.... Но — открылся *водоводъ*, и Москва водой богата, водою чистою и прекрасною, свѣжею и здоровою, прозрачною и текучею: удовольствована ея нужда, единственная, но весьма важная, и первая Россїйская Столица не завидуетъ теперь ни Риму, орошаемому величественнымъ Тибромъ, ни Лондону, вознесенному на берегахъ многоводной Темзы, ниже Санкт-Петербургу, пїющему воду Невскую, возвышающемуся при славнѣйшей и прекраснѣйшей рѣкѣ въ Европѣ.

Сказавъ, что *водоводъ*, протекая въ Москвѣ срединою той части города, самой главной, населеннѣйшей, которой жители нуждалися хорошею водою несравненно болѣе другихъ, оканчиваетъ путь свой *теперь* почти въ центрѣ города, признаю себя обязаннымъ прибавить, что въ слѣдующее же лѣто приближится къ нему еще болѣе. Его проведутъ отъ Кузнецкаго мосту до самой Москвы-рѣки. Текущая имъ вода побѣжитъ подлѣ стѣнъ Китая и Кремля, обращенныхъ къ Сѣверу; уклонившись влѣво, при воротахъ Боровицкихъ, стоящихъ на западѣ, возметъ путь на полдень, и — впадетъ

въ Москву-рѣку не вдалекѣ отъ Алексѣевской башни. Слѣдственно жители всѣхъ отдѣленій города, даже самаго Замоскворѣчья, могутъ пользоваться ею весьма удобно. Наконецъ скажу о томъ, что всего болѣе дѣлаетъ сей *водоводъ* общеполезнымъ и возвышаетъ его цѣну: отъ самаго начала пути его полями и Москвою, на каждой пятой долѣ версты, выведены изъ него до поверхности земной каменныя трубы, которыми онъ имѣетъ сообщеніе съ атмосферическимъ воздухомъ, и которые служатъ нѣкоторымъ родомъ колодцевъ. Во многихъ есть насосы, а изъ самыхъ глубокихъ таскаютъ воду по блоку, бадьями и ведрами. И такъ не только многочисленные обитатели Москвы, видя теперь прекраснѣйшую воду — подъ руками, наслаждаются благодатными дарами *водовода* безпрепятственно; но въ нихъ участвуютъ и жители нѣсколькихъ селъ и деревень, находящихся между Столицей и Мытищами, на самой Троицкой дорогѣ и около ее лежащихъ.

Заключимъ: *водоводъ* Мытищинской могъ произвести, долженъ былъ родить, и родилъ, и произвелъ — радость, наполняющую наше сердце, восторги, восхищающіе нашу душу, — и горячая слеза усерднѣйшей признательности

къ *Совершившему* и къ *Начавшей* его блестить на глазахъ нашихъ еще и теперь, и долго, долго холодный вѣтеръ равнодушія не осушитъ ее. Такъ! *водоводъ* Мытищинской есть благодѣяніе, которое разливается на многія тысячи народа, народа чувствительнаго и благодарнаго; которое благодѣтельствуетъ нынѣ и будетъ благодѣтельствовать нѣсколько столѣтій всѣмъ обитателямъ Москвы, обитателямъ, умѣющимъ цѣнить его; благодѣяніе великое, которое стоитъ милліоновъ, и которое могутъ творить единственно Государи, о благоденствіи Своихъ подданныхъ — истинно и ревностно пекущіеся: словомъ, Великія ЕКАТЕРИНЫ, Премудрые АЛЕКСАНДРЫ!

14 го Ноября,
1804 года.
Москва.

* *

III.

СМѢСЬ.

Ars longa, vita brevis, Науки безчисленны, жизнь кратковременна, сказалъ одинъ изъ древнихъ. Нынѣшніе Парижскіе пенсиметры занимающіеся усовершенствованіемъ

себя въ искуствахъ танцованія, плаванія и особливаго моднаго произношенія: когдажъ учиться читать и писать? А свѣтскому человѣку, украшающему собою модное общество, часто настоитъ нужда подписываться подъ векселями и росписками. Для отвращенія сего неудобства, Г. Доннанъ, безсмѣнный Секретарь Академическаго Общества Наукъ, изобрѣлъ машину, посредствомъ которой можно писать не учившись и не бравъ пера въ руки. Сія машина состоитъ изъ колеса, имѣющаго одинъ футъ въ поперешникѣ, вертикально положеннаго на желѣзной прутъ и поддерживаемаго двумя столбиками, между которыми кладутъ бумагу. Изобрѣтатель назвалъ машину *механографомъ*. Надобно видѣть ее, чтобъ имѣть о ней достаточное понятіе; подробное описаніе не удовлетворитъ любопытства читателей.

*

По случаю приготовленій для коронованія Наполеона Бонапарте, Французскіе Ученые отыскали историческія записки о старинныхъ празднествахъ, самыхъ блистательныхъ. Здѣсь помѣщается описаніе пиршества, бывшаго въ Брюжѣ 1468 года во время бракосочетанія *Карла Отважъ-*

наго, Герцога Бургонскаго, съ *Маргаритою*, Англійскою Королевою.

Пиршественная палата была обита золотою парчею; платье на служителяхъ сдѣлано было изъ той же матеріи. На столѣ поставлено было тридцать оснащенныхъ кораблей, золотыхъ и серебряныхъ. Сей многочисленный флотъ былъ нагруженъ жаркимъ, а на нижнихъ палубахъ разложены были овощи. За десертомъ явился левъ, изъ котораго вышли четыре человѣка и забавляли пирующихъ пѣніемъ. Далѣе, показалась башня съ зубцами, изъ которой вышедшіе шесть медвѣдей били въ барабаны. Наконецъ приближился къ Королевѣ огромной китъ: вдругъ выбѣжали изъ него сорокъ человѣкъ дикихъ и начали плясать по своему обыкновенію. Въ продолженіе одной недѣли, ежедневно требовалось для пюржествованія сей знаменитой свадьбы 16 быковъ, 10 свиней, 600 фунтовъ вѣтчины, 100 фунтовъ костянаго мозгу бычачьяго, 200 барановъ, 250 ягнятъ, 250 поросенковъ, 100 зайцовъ, 800 кроликовъ, 200 фазановъ, 200 утокъ, 800 куропатокъ, 400 голубей, 400 лебедей, 100 гавлиновъ, 500 каплуновъ, 1000 цыплятъ, и проч. — Гости каждой день уносили съ собою домой по 800 серебря-

ныхъ тарелокъ. — Тотъ же Герцогъ угощалъ Императора Фридерика въ Сен-Максискомъ Аббатствѣ, не далеко отъ Трира. Герцогъ и вся свита его были облиты золотомъ, унизаны жемчугомъ и дорогими камнями. Одно блюдо десерта стоило 6000 флориновъ.

Писатель, повѣствующій о сихъ произшествіяхъ, замѣчаетъ, что наши предки, которыхъ поведеніе невѣждами поставляется примѣромъ для подражанія, изтощали здоровье свое и имѣніе на роскошь и обжирство. Мы не стараемся въ семъ послѣдовать имъ; нынѣшняя роскошь состоитъ въ предметахъ искуствъ, питаетъ трудолюбіе и поощряетъ дарованія. Не льзя не признаться, что гораздо благоразумнѣе доставлять пропитаніе Художникамъ, нежели обогащать мясниковъ и поваровъ.

По предписанію Министра внутреннихъ дѣлъ, искуство плаванія впредь будетъ составлять часть воспитанія Французскаго юношества въ Училищахъ второкласныхъ и Лицеяхъ. Извѣстные и опытные Учители будутъ наставлять воспитанниковъ въ плаваньи, предъ глазами надзирателей. Для сего предположе-

но назначить на рѣкѣ мѣсто, огородить его заборомъ и отъ времени до времени осматривать дно рѣки. Ученики должны быть одѣты въ платье, нарочно сдѣланное для плаванья.

*

Не давно разсказывали и повторяли въ Базелѣ слѣдующій анекдотъ: „Сколько тебѣ лѣтъ?“ спросилъ одинъ наборщикъ рекрутъ молодаго Швейцара, которой хотѣлъ записаться въ солдаты. „Мнѣ отъ роду двадцать одинъ годъ,“ отвѣчалъ простодушной молодой человѣкъ: „но естьлибъ не изнурила меня жестокая болѣзнь, отъ которой я много пострадалъ, то мнѣ теперь было бы уже двадцать два года.“

*

Изъ Астрахани, города лежащаго подъ 46 мъ градусомъ Сѣверной широты, отъ пребывающаго тамъ Корреспондента ИМПЕРАТОРСКОЙ Россійской Академіи, Г. Надворнаго Совѣтника Лохтина, получено извѣстіе, достойное примѣчанія Натуралистовъ. Къ удивленію Астраханскихъ жителей и всѣхъ, кому извѣстенъ теплой климатъ того края, въ нынѣшнемъ году зима наступила тамъ гораздо ранѣе, нежели прежде начиналась осень. Послѣ сухой и ясной погоды,

17 го числа Октября вдругъ настала стужа и пошелъ снѣгъ, а 22 числа выпалъ такой снѣгъ, что въ тотъ же день можно было ѣздить на саняхъ: обстоятельство, котораго ни одинъ изъ старыхъ жителей не запомнитъ, и которое для всѣхъ кажется необыкновеннымъ, потому что зима начинается въ Астраханѣ по большей части въ Декабрѣ и продолжается не болѣе двухъ мѣсяцевъ. 26 го Октября по утру стужа простиралась до 9 градусовъ по Реомюрову термометру. Къ нещастїю, въ садахъ не успѣли еще зарыть виноградныхъ лозъ, которыя должны отъ того повредиться. Эмбенскїй осеннїй рыболовный промыселъ также терпитъ ущербъ и находится въ замѣшательствѣ отъ сей внезапной перемѣны: ибо промышленники еще не возвратились отъ Эмбы, а Волгскїе прошоки, по которымъ надлежало имъ съ своею добычею плыть въ Астрахань, и самые морскїе заливы уже замерзли. Жители Астраханскїе надѣются, что осень опять возвратится къ нимъ; но убытки, причиненные стужею, не возвратны.

IV.

Парижскія моды.

15 Октября.

Мода еще не произнесла своего приговора о зимнемъ платьѣ, кромѣ того, что суконные рединготы заступили мѣсто шелковыхъ дульетовъ. Косынки на груди перевязываются на-крестъ, и употребительнѣйшія изъ нихъ суть: маленькія Турецкія, кисейныя или шелковыя съ Турецкими же каймами, или выдерганными краями, сдѣланными на подобіе бахрамы; главные цвѣты: лиловой, амарантовой, вишневой, вигоневой, Египетская земля. На зимнихъ платьяхъ вышиваютъ разными шелками пятнышки, или цвѣты, или же по Этрусскому рисунку. Шляпки *Спартери* опять входятъ въ моду.

Гладкія матеріи вообще посвящены утреннему туалету, и употребляются для неглиже, когда не надѣваютъ вышитаго платья. Теперь робы вышиваютъ не только внизу, около шеи и на краяхъ рукавовъ, но еще напереди протягивается широкая полоса отъ низу до самаго пояса.

Нынѣшнія щеголихи полюбили старину, начиная отъ табуретовъ даже до

музыкальныхъ инструментовъ. Модница, которая на чемъ нибудь играетъ, всячески остерегается имѣть у себя шпинетты, гитару, клавесинъ, піано, арфу — все это слишкомъ ново; надобно непремѣнно, чтобы арфа похожа была на лиру, а вмѣсто гитары стараются достать лютню.

Мода произвела страшную революцію въ одноколкахъ и коляскахъ: первыя дѣлаются чрезмѣрно высокія, а послѣднія чрезмѣрно низкія. Уставъ моды требуетъ, чтобы синій ящикъ одноколки почти касался до земли, а амарантовыя колеса были не выше двухъ футовъ.

Пряжки, сдѣланныя изъ двухъ металловъ вмѣстѣ, изъ золота и серебра, суть пряжки превосходнѣйшія, новѣйшія — словомъ, пряжки единственныя, съ которыми можно показаться въ почтенномъ обществѣ.

Едва наступила зима, едва мы почувствовали приближеніе холода, и уже балы открываются во всѣхъ частяхъ города: весь Парижъ наполненъ программами. Какое поприще блестящее и славное для нашихъ молодыхъ мущинъ и женщинъ! какой случай отличиться и показать, что они съ пользою употребили время своего воспитанія!

24 Октября.

Вотъ правила, какъ Дамѣ надлежитъ стоять въ будуарѣ: голову должно немного наклонить на правую сторону, плеча перекривить, станъ какъ можно болѣе перегнуть въ дугу, правую руку небрежно опустить внизъ по тѣлу, лѣвую нѣсколько поднять вверхъ, такъ чтобы пальцы прикасались къ лентѣ, на которой собрано платье около шеи; правую ногу прямо выставить впередъ, лѣвую немного согнуть такъ, чтобы лѣвое колѣно наклонялось къ правому; правая нога должна стоять твердо, лѣвая держаться на пальцахъ; наконецъ всѣмъ корпусомъ должно нагнуться, стоя на одной правой ногѣ.

Дульеты нынѣшняго года шьются съ низкимъ станомъ, съ весьма широкою спинкою, сдѣланною складками, съ большимъ круглымъ воротникомъ и брыжами, простирающимися до самой шеи.

Модной цвѣтъ для дульетовъ — которые часъ отъ часу умножаются — для атласныхъ шляпокъ и для капотовъ есть кофейный; въ Лїонѣ заказано сдѣлать великое количество бархату сего цвѣта. Употребительнѣйшїе цвѣты для шляпокъ

суконныхъ и казимировыхъ суть — орѣховый, вигоневый и Парижской грязи.

Мущины продолжаютъ носить короткіе кафтаны съ высокимъ лифомъ и рукавами весьма широкими. Лѣтомъ были въ модѣ кафтаны съ пуговицами по обѣимъ сторонамъ; теперь шьютъ ихъ безъ заносу; — но это не принадлежитъ до редингготовъ, которые (самые новѣйшіе изъ нихъ называются *à la Charlemagne*) спереди совсѣмъ застегиваются; пуговицы нашиты на нихъ въ два ряда, и карманы сдѣланы наравнѣ съ лифомъ. Галстухи въ модѣ стоячіе, твердые, и завязываются неплотно около шеи.

ПОЛИТИКА.

I.

Нота, поданная отъ Россійскаго Повѣреннаго въ дѣлахъ Французскому Министру иностранныхъ дѣлъ.

Парижъ, 28 го Августа 1804 года.

Нижеподписавшійся Повѣренный въ дѣлахъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, ИМПЕРАТОРА Всероссійскаго, желая дать удовлетворительный отвѣтъ на Ноту, полученную имъ отъ Французскаго Министра иностранныхъ дѣлъ, почитаетъ себя обязаннымъ, сокращенно упомянуть о разположеніи и поступкахъ своего Всемилостивѣйшаго ГОСУДАРЯ относительно ко Франціи. Сіе начертаніе ясно покажетъ взаимное поведеніе Французскаго Правительства противъ Россіи.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО по вступленіи Своемъ на Престолъ Всероссійскій употребилъ все стараніе утвердить доброе согласіе, издавна господствовавшее между Россіею и Франціею. Не пропустивъ ничего, что могло споспѣшествовать къ возстановленію постояннаго и твердаго мира, ОНЪ радовался

пріятною увѣренностію, что, дѣйствуя такимъ образомъ, приближитъ эпоху общаго спокойствія въ Европѣ, которое долго было нарушаемо военными потрясеніями, прекращенными на нѣкоторое время Люневильскимъ трактатомъ. Наклонность къ миролюбію ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, обнаруженная ИМЪ при заключеніи мира съ Франціею, въ такое время, когда она еще продолжала войну со многими Государствами, — возобновленіе прежняго торговаго трактата, столь выгоднаго для Республики, — безкорыстное посредство Россіи и содѣйствіе къ примиренію Франціи съ Портою Оттоманскою — суть неоспоримыя доказательства добраго разположенія ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, и ревностнаго ЕГО желанія употребить всѣ средства къ возстановленію дружественныхъ связей, весьма нужныхъ для блага обоихъ Государствъ.

Послѣ бѣдствій, нанесенныхъ войною Германіи, многіе Члены Нѣмецкой Имперіи принуждены были согласиться на разныя пожертвованія; чтобы приличнымъ образомъ вознаградить ихъ потери, необходимо надлежало прежде узнать цѣну и пространство того, чего они лишались; ИМПЕРАТОРЪ соизволилъ, вмѣ-

стѣ съ Французскимъ Правительствомъ, взять на Себя посредство въ семъ дѣлѣ, ласкаясь искренною и пріятною надеждою, что сіе посредство утвердитъ спокойствіе Европы на основаніи прочномъ, незыблемомъ. Приведеніе къ концу сего спасительнаго предпріятія подало поводъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ожидать отъ Франціи исполненія тѣхъ обязанностей, которыя она добровольно возложила на себя при заключеніи мира съ Россіею. ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, исполнивъ Свои въ строгой точности, имѣлъ право надѣяться, что Французское Правительство будетъ столько же справедливымъ. Но сіе заключеніе, какъ оно впрочемъ ни основательно, не было оправдано событіемъ; Французское Правительство, вмѣсто того, чтобъ приступить къ изполненію своихъ обязанностей, по видимому, старалось удалить сію эпоху.

Король Сардинскій, лишившійся всѣхъ владѣній своихъ, чрезъ соединеніе Піемонта съ Франціею, еще до сихъ поръ не получилъ вознагражденія, хотя Кабинетъ Тюйльерійскій торжественно обѣщался Россіи удовлетворить Его Сардинское Величество, и хотя Россія многократно требовала сего удовлетворенія.

Французское войско на нѣкоторое время выведено было изъ Королевства Неаполитанскаго; но скоро потомъ оно опять заняло области Его Сицилїйскаго Величества подъ предлогомъ, неизвѣстнымъ Всероссїйскому ИМПЕРАТОРУ. Такимъ образомъ упомянутое Королевство лишено своей независимости. Представленїя, сдѣланныя со стороны Россїи, основывающїяся на торжественномъ обязательствѣ Французскаго правительства, почитать Королевство Неаполитанское Государствомъ неутральнымъ и предоставить ему всѣ выгоды неутралитета, не имѣли желаемаго слѣдствїя.

Послѣ заключенїя мирнаго трактата между Россїею и Францїею, правительство Республиканское ввело важныя перемѣны во всѣхъ Италїанскихъ Государствахъ, не сдѣлавъ предварительныхъ сношенїй съ ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ; не смотря на то, что въ трактатѣ постановлено между обѣими Державами не приступать ни къ какимъ разпоряженїямъ, относительно до Италїи, безъ взаимнаго согласїя.

По возобновленїи военныхъ дѣйствїй между Францїею и Англїею, цѣлость и права Нѣмецкой Имперїи нарушены; хотя Францїя обязалась, обще съ ЕГО

ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ, покровительствовать оныя. Кабинетъ Сен-Клудской за благо разсудилъ утверждать, что достоинства Короля Англійскаго и Курфирста Брауншвейгъ — Люнебургскаго, соединенныя въ одной особѣ, суть нераздѣльны; хотя впрочемъ, Республиканское правительство во все продолженіе прежней войны никогда не оспоривало сего раздѣленія. Слѣдственно было противно правамъ народнымъ и справедливости наступать войною на такую область, которая, по силѣ Имперской Конституціи и публичныхъ актовъ составляя часть Имперіи, долженствовала быть свободною отъ непріятельскаго нашествія.

Куксгавенъ, которой ни подъ какимъ предлогомъ не могъ быть почитаемъ Англійскимъ владѣніемъ, занятъ Французскимъ войскомъ, а города Анзеатическіе, чтобъ избавиться отъ подобнаго угнетенія, должны были подпасть принужденнымъ займамъ. Частыя и настоятельныя требованія, сдѣланныя отъ ИМПЕРАТОРА Французскому правительству объ исполненіи обязанностей его, въ разсужденіи Россіи, и о томъ, чтобы оно наконецъ успокоило неутральныя Государства,

которыя боялись быть замѣшанными въ войну — не имѣли никакихъ слѣдствій.

Къ симъ многимъ причинамъ неудовольствія, имѣющимъ тѣснѣйшую связь съ выгодами всей Европы, Французское Правительство за благо разсудило прибавить еще и такія, которыя непосредственно относятся ко Двору Всероссійскому. Сюда принадлежатъ оскорбительныя слова, произнесенныя на щетъ Министровъ, удостоенныхъ довѣрія ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА; сюда принадлежитъ случившееся въ Тюйльери обстоятельство, котораго былъ свидѣтелемъ Министръ Россійскій; сюда принадлежитъ утѣсненіе Сен-Клудскимъ Кабинетомъ людей, по препорученію отъ Двора Всероссійскаго исправляющихъ разныя должности въ чужестранныхъ Государствахъ; наконецъ сюда принадлежитъ поступокъ безпримѣрный, которой Французское правительство позволило себѣ сдѣлать, принудивъ Папу выдать ему Россійскаго подданнаго, и не уваживъ ни требованій, ни представленій, сдѣланныхъ со стороны Россіи.

Новой насильственной поступокъ Французскаго войска, во владѣніи Курфирста Баденскаго, не безъ причины заставилъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИ-

ЧЕСТВО опасаться въ разсужденіи спокойствія и независимости Государствъ Европейскихъ, сопредѣльныхъ Франціи. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО соизволилъ объявить Свое мнѣніе, сколь нужно успокоить оныя по сему предмету, удовлетворить справедливыя требованія Имперіи и принять мѣры къ отвращенію бѣдствій, угрожающихъ Европѣ. Изъ отвѣта, доставленнаго Имперіи, совсѣмъ не видно, чтобы сіе посредство имѣло какой-либо успѣхъ; напротивъ того, въ немъ искреннее и безкорыстное поведеніе ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, относительно къ дѣламъ Европы и въ особенности къ Франціи, перетолковано несправедливымъ образомъ; чѣмъ явно обнаружилось рѣшительное намѣреніе раздражить Дворъ Всероссійскій и препятствовать его дѣйствіямъ.

Такая непреклонность со стороны Французскаго правительства противъ справедливыхъ требованій ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, такое поведеніе, не совмѣстное съ желаніемъ хранить доброе согласіе, существовавшее между обоими Государствами, достаточно убѣждаютъ Россію въ томъ, что Французское правительство съ одной стороны мало уважаетъ сношенія свои съ упомя-

нутою Державою, и слѣдственно подаетъ ей причины прекратить оныя; съ другой, оно по видимому положило твердое намѣренїе поступать въ противность народныхъ правъ и законовъ справедливости, а такое намѣренїе не согласно ни съ чувствами, ни съ правилами ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Не смотря на столь побудительныя причины къ негодованїю, ИМПЕРАТОРЪ Всероссїйскїй за благо разсудилъ сдѣлать послѣднее представленїе Французскому правительству, и соглашался предать забвенїю всѣ неудовольствїя, естьли оно исполнитъ упомянутыя здѣсь обязанности свои, давно уже долженствовавшїя быть совершенными. На сїе послѣдовалъ отвѣтъ неудовлетворительный, наполненный хитрыми увертками и несправедливыми обвиненїями, отвѣтъ, особенно достойный примѣчанїя по странному объявленїю, „что Россїйскїя войска завладѣли Республикою семи островов безъ вѣдома Францїи;" между тѣмъ всѣмъ извѣстно, и Министръ иностранныхъ дѣлъ имѣетъ предъ глазами ясное доказательство, что сїя Республика занята выведенными изъ Королевства Неаполитанскаго Россїйскими войсками по согласїю Порты, по прозьбѣ жителей и по слѣдствїю предварительнымъ

наго сношенія съ Французскимъ правительствомъ. Послѣ всего этого, нижеподписавшемуся остается объявить, что всякое сношеніе между Россіею и Франціею совершенно безполезно и слѣдственно долженствуетъ прекратиться съ сей же минуты, и что ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ожидаетъ только извѣстія объ отъѣздѣ изъ Парижа Своего Повѣреннаго въ дѣлахъ, по полученіи котораго немедленно предложитъ Французскому Посольству оставить Россійскую Столицу.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО не имѣетъ причины упрекать Себя; ибо естьлибъ отъ НЕГО зависѣло, то союзъ между обѣими націями не только не прервался бы, но еще болѣе укрѣпился. ОНЪ, противъ воли Своей, вынужденъ долженствуетъ прекратить всѣ сообщенія съ такимъ правительствомъ, которое отрекается выполнить свои обязанности, которое выступаетъ изъ предѣловъ должнаго къ ЕМУ уваженія, и которое, съ самого того времени, какъ возобновились сношенія между обоими Государствами, старалось только наносить оскорбленія Россіи. ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, будучи твердъ въ Своихъ намѣреніяхъ и желая отвратить пролитіе

шіе человѣческой крови, ограничится такими мѣрами, которыя относительное положеніе обѣихъ Державъ принять ЕМУ позволяетъ. Россія и Франція могутъ обойтись безъ взаимныхъ сношеній, которыя необходимо должны основываться на пользѣ и приличностяхъ; въ противномъ случаѣ гораздо выгоднѣе прекратить оныя.

Французское правительство подало причину къ настоящему разположенію обстоятельствъ; слѣдственно отъ него зависитъ рѣшить, должна ли быть начата война, или нѣтъ. Естьли новыми оскорбленіями, дерскими поступками противъ Россіи и ея союзниковъ, или наконецъ угрозами противъ безопасности и независимости Европы, оно заставитъ Дворъ Всероссійскій отмѣнить свое предпріятіе, въ такомъ случаѣ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО приступитъ къ крайнимъ мѣрамъ справедливаго защищенія, и будетъ дѣйствовать съ усиліемъ, равнымъ терпѣнію, которое прежде обнаруживалъ при изысканіи способовъ къ примиренію, способовъ, приличныхъ чести и достоинству Своего Престола.

Нижеподписавшійся, симъ исполнивъ повелѣніе своего МОНАРХА, проситъ Министра иностранныхъ дѣлъ немедленно снабдить его пропускомъ для отъ-

ѣзда изъ Франціи; пользуясь симъ случаемъ, онъ возобновляетъ увѣреніе въ высокомъ почтеніи, которое онъ имѣетъ къ Гражданину Министру иностранныхъ дѣлъ.

Подписано: Н. Д'Убриль.

II.

Извѣстія и замѣчанія.

Исторія нашего времени представляетъ безпрерывную цѣпь произшествій, постыдныхъ для рода человѣческаго. Рѣдко Политика бываетъ въ столь непримиримой враждѣ съ Моралью. Священное право народное, уважаемое самыми варварами, попирается въ Европѣ, странѣ, озаренной лучами благодѣтельнаго просвѣщенія. Французское правительство показало новый опытъ несправедливости. Англійскій Повѣренный въ дѣлахъ Сиръ Жоржъ Румбольдъ, находившійся въ загородномъ домѣ не далеко отъ Гамбурга, захваченъ переодѣтыми Французскими солдатами, и отвезенъ въ Ганноверъ къ Маршалу Бернадоту, а оттуда въ Парижъ къ самому Гну. Бонапарте. Мони-

теръ вопїетъ противъ злодѣянїй Англїйскаго народа, утверждая, что его Посланники и прочїя дипломатическїя особы не могутъ болѣе признаваемы быть за Агентовъ Государственныхъ; онъ старается оправдать сей ненавистный поступокъ. Одни говорятъ, что правительство Французское хотѣло симъ отмстить Англичанамъ за то, что Г. Кравфордъ, нарушивъ святость честнаго слова, бѣжалъ изъ Францїи въ свое отечество; другїе находятъ важнѣйшїя причины, побудившїя рѣшиться на сей поступокъ, и именно почитаютъ его слѣдствїемъ Ноты Лорда Гакесбури, посланной ко всѣмъ Англїйскимъ Министрамъ при Дворахъ чужестранныхъ; прибавляютъ, что Г. Румбольдъ имѣлъ участїе въ извѣстной перепискѣ Драке и Спенсера Смита, и что наконецъ Министръ полицїи перехватилъ письма его, писанныя въ Парижъ къ одному изъ тайныхъ Агентовъ. Будемъ безпристрастны. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, согласиться со мнѣнїемъ Лорда Гакесбури, оправдывающаго Гна. Драке, Посланника при Дворѣ Минихскомъ? Слѣдуя его правилу, Посланникъ тогда только виноватъ, когда умышляетъ противъ благосостоянїя того правительства, при которомъ отпра-

вляетъ свою должность; слѣдственно Англійскій Посолъ въ Парижѣ можетъ безъ зазрѣнія совѣсти непосредственно содѣйствовать умерщвленію Римскаго Императора; Посланникъ Прусскій въ Лондонѣ можетъ, не ссорясь съ честію, разставлять коварныя сѣти на жизнь Турецкаго Султана? Странная Политика! Польза народовъ и Государствъ требуетъ, чтобы для взаимной безопасности они сражались съ рыцарскою честностію, гнушались адскими машинами и наступали открытою силою. Что иное значатъ сіи адскія машины, естьли не постыдный заговоръ, принимая слово сіе въ обширнѣйшемъ смыслѣ? Не такъ думалъ правдивый Аристидъ, отвергнувъ ненавистное предложеніе сжечь флотъ Лакедемонскій; не такъ думалъ Фабрицій, отославшій къ Пирру вѣроломнаго врача, обѣщавшаго Римлянамъ отравить своего Государя. Естьли бы законы Божескіе и человѣческіе не запрещали употреблять злодѣйскихъ способовъ истребленія, то самая взаимная польза Государствъ и народовъ должна бы заставить ими гнушаться. Но нынѣ воюющія Державы взяли себѣ девизомъ изреченіе древняго Поэта: Dolus an virtus, quis in hoste requirat?

*

Король Георгъ еще отсрочилъ засѣданіе Великобританскаго Парламента по 3 е число Генваря будущаго года; другія Англійскія извѣстія не столько важны, чтобы могли занять нашихъ читателей. Произшествія Франціи, всегда богатой новостями, также теперь почти не занимательны — естьли выключить продолженіе приготовленій къ коронованію Гна. Бонапарте. Нѣмецкіе Государи мало помалу съѣзжаются въ Парижъ для торжествованія сего достопамятнаго обстоятельства, которое отложено до 9 го числа Декабря мѣсяца. Пишутъ изъ Парижа, что въ самой день коронованія Г. Бонапарте объявитъ братьевъ своихъ Люсьеня и Жерома, равнымъ образомъ Генерала Мюрата, Принца Боргезе и Полковника Батіоши — Французскими Императорскими Принцами, а Сенаторовъ, которые имѣютъ удѣлы (Senatoreries), пожалуетъ Дюками. Не льзя не замѣтить, что Бояринъ Іоаннъ Болхсъ, первый Конюшій Господаря Молдавскаго, со свитою многолюдною и блестящею отправляется въ Парижъ, присутствовать при коронованіи Наполеона.

*

Къ неосновательнымъ слухамъ принадлежатъ нѣкоторыя извѣстія о сопротивленіи Короля Прусскаго предполагаемому занятію Россійскими войсками Шведской Помераніи — естьли бы нужда потребовала приступить къ симъ мѣрамъ — по тому будто бы, что Помераніія составляетъ часть Нѣмецкой Имперіи. Но Его Прусское Величество не препятствовалъ занятію Французскими войсками Ганновера — хотя Ганноверъ также принадлежитъ къ Нѣмецкой Имперіи. Дворъ Берлинскій, безъ сомнѣнія, не забылъ, что Россіяне, покоривъ Варшаву, отдали ее Прусакамъ, которые не могли взять сего города, и что побѣды, одержанныя великимъ Суворовымъ, рѣшили судьбу Польши, доставивъ Пруссіи важныя выгоды. Его Прусское Величество конечно не захочетъ оскорбить ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА, находя затрудненія въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ не противился онъ Гну. Бонапарте. — По видимому, Г. Бонапарте намѣренъ что нибудь предпринять противъ Швеціи. Пишутъ изъ Германіи, что 25-тысячная армія, подъ начальствомъ Генерала Бертье, назначена дѣйствовать противъ Густава IV. Г. Бонапарте — есть-

ли вѣрить Англїйскимъ вѣдомостямъ — будучи въ Майнцѣ, сказалъ въ присутствїи Принцевъ Нѣмецкихъ и другихъ знатныхъ людей, что „черезъ годъ Король Шведскїй не будетъ Членомъ Нѣмецкой Имперїи, и что Шведская Померанїя достанется или Королю Прусскому, или получитъ новаго Владѣтеля, которой будетъ называться Герцогомъ дальнѣйшей Померанїи.“ — Между тѣмъ заподлинно извѣстно, что Король Шведскїй въ рѣчи, говоренной имъ въ Стралзундѣ, представилъ Чинамъ Померанїи о надобности въ деньгахъ для защиты страны сея, и требовалъ пособїя. Увѣряютъ, что Чины уже рѣшились, въ удовлетворенїе требованїя Монаршаго, собрать знатную сумму.

*

Въ Исландїи число родившихся въ прошломъ году простирается до 1558, умершихъ до 2352 человѣкъ обоего пола; изъ сихъ послѣднихъ 133 было 80ти и 90-лѣтнихъ, и 16 90та и 100-лѣтнихъ старцевъ. Число бракосочетавшихся простирается до 215 паръ. Извѣстно, что Исландїя, лежащая между 65мъ и 67мъ градусами Сѣверной широты, есть островъ обиженной Натурою, въ разсужденїи неплодїя земли и суровости климата. Поверхность его, за-

ключающая въ себѣ отъ 4 хъ до 5 ти тысячь квадратныхъ миль, обитаема жителями — ихъ считается до 50000 — разсѣянными по острову, не имѣющими ни деревень, ни городовъ, и не знающими почти никакихъ законовъ, кромѣ обычаевъ и преданій. Исландцамъ не извѣстно употребленіе вина и хлѣба; они питаются овсяною крупою, молокомъ и рыбою. Мущины ростомъ малы, слабы, но трудолюбивы; женщины отличаются какимъ-то меланхолическимъ характеромъ. Датскій Король получаетъ отъ острова ежегоднаго дохода 16,000 рейхсталеровъ. Жители платятъ государственную подать рыбою. Послѣ того, какъ Гекла перестала горѣть, появились новые волканы, извергающіе множество пламени и причиняющіе частыя землетрясенія. (*Изъ Парж. Журн.*)

Едва вѣроятна строгость мѣръ, принимаемыхъ Австрійскимъ правительствомъ для стѣсненія умовъ и для уничтоженія знаній. Коммиссія, учрежденная для разсмотрѣнія всѣхъ книгъ, обращающихся въ публикѣ съ 1791 года, не исключая и такихъ, которыя печатаны, съ дозволенія цензуры, неусыпно дѣй-

ствуетъ съ Инквизиціонною ревностію и безпрестанно налагаетъ запрещенія. Большая часть Французскихъ книгъ, писанныхъ прежде и послѣ революціи, объявлены вредными; Ученые и Чиновники гражданскіе, выписывавшіе до сихъ поръ изъ-за границы нужныя для себя книги, отнынѣ должны читать только то, что печатается въ Австріи. Даже многія Нѣмецкія сочиненія заграничныя, впрочемъ самыя невинныя, объявлены запрещенными. Такимъ образомъ книжная торговля въ Австріи находится при послѣднемъ издыханіи. — Говоря о книгахъ, не льзя не упомянуть о такомъ дѣлѣ, которое нашимъ книгопродавцамъ можетъ показаться шуткою. Одинъ Англійскій книгопродавецъ предложилъ Александру Гумбольдту 50000 рейхс-талеровъ за рукопись, содержащую описаніе его путешествій.

*

Мы не виноваты въ томъ, что иногда бываемъ принуждены выписывать изъ заграничныхъ газетъ извѣстія о поступкахъ, дѣлающихъ честь Россійской націи; но не простили бы себѣ нерадѣнія, естьлибъ не объявили нашимъ читателямъ того, что извѣстно уже цѣлой Европѣ. Скром-

ностїю почтеннѣйшаго благодѣтеля жертвуемъ удовольствїю чувствительныхъ сердецъ и прїятнѣйшей надеждѣ, обѣщающей, что такой примѣръ великодушїя возбудитъ соревнованїе въ истинныхъ Россїянахъ. Г. Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ, Графъ Ростопчинъ, приказалъ выгравировать портретъ Гна. Емельянова, которой при сраженїи подъ Цирихомъ, въ 1799 мъ году, будучи рядовымъ солдатомъ и сверхъ того раненымъ, нашелъ способъ сберечь бѣлое знамя своего полку. Императоръ ПАВЕЛЪ наградилъ героической подвигъ Гна. Емельянова, пожаловавъ его Офицеромъ и ввѣривъ ему то самое знамя, которое умѣлъ онъ спасти отъ непрїятеля. Сей храбрый воинъ — такъ написано въ иностранныхъ вѣдомостяхъ — свидѣтельствуетъ предъ лицемъ свѣта благодарность свою Его Сїятельству, Графу Ростопчину, опредѣлившему для него 100 червонцевъ ежегоднаго пансїона.

*

Графъ Шаньи объявляетъ о Журналѣ Политическомъ, подъ названїемъ: Le pour et le contre, которой съ будущаго года онъ издавать намѣренъ на Французскомъ языкѣ. Все это очень обыкновенно; но

вотъ что крайне любопытно: Издатель увѣдомляетъ публику, что для предохраненія себя отъ искушеній всякаго рода; и чтобы быть полнымъ господиномъ своихъ мнѣній, онъ *оставляетъ твердую землю и переселяется на корабль*, нарочно нанятой имъ для безпрепятственнаго изданія своего Журнала. Подписка принимается въ Гамбургѣ и стоитъ 48 Французскихъ ливровъ, или 50 марокъ Гамбургскихъ, на годъ.

Издатели Вѣстника Европы, благодаря особу, сообщившую имъ Исторической отрывокъ, подъ названіемъ: *Рюрикъ*, имѣютъ честь объявить ей, что сія піеса, по особеннымъ причинамъ, будетъ напечатана въ одномъ изъ первыхъ номеровъ Вѣстника на 1805 й годъ, не прежде.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ДЕКАБРЬ 1804.

№ 24.

ЛИТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Продолженіе краткаго начертанія Сибирской Исторіи.

Хотя Россіяне не могли удержаться въ Сибири; но узнавъ дорогу, ведущую въ сію страну, они надѣялись опять завоевать потерянныя области. Въ семъ намѣреніи, тогожъ 1586 го года (*), отправленъ небольшой отрядъ Козаковъ и Стрѣльцовъ подъ начальствомъ Воеводъ Сукина и Мясснова, которые пришли благополучно къ городу Чингію. Плодородная земля и желаніе заготовить безопасныя жилища для войска заставили Воеводъ построить на

(*) Въ Запискахъ къ Сибирской Исторіи сіе произшествіе относится къ 1585 му году. *Изд.*

томъ же мѣстѣ новой городъ, послѣ названной Тюменемъ (*) — слово сїе взято изъ Татарскаго языка. Они посылали малые отряды въ сосѣдственныя области, и большую часть ордъ Татарскихъ, кочевавшихъ въ мѣстахъ сопредѣльныхъ, принудили платить себѣ подать. Царь Ѳеодоръ Іоанновичь, видя благополучные успѣхи въ предпрїятїяхъ Сукина, прислалъ къ нему вспомогательное войско; въ 1587 мъ году пошли далѣе во внутренность Сибири, даже до города сего имени, и не далеко отъ того мѣста положили основанїе Тобольска.

Прежнїй Владѣтель Сибири, Сейджакъ, равнодушно смотрѣлъ на укрѣпленїя, возвышающїяся близь его резиденцїи; но Россїяне недовольны были сосѣдомъ своимъ, и ожидали удобнаго случая захватить его въ свои руки. Сей случай скоро представился. Нѣкогда (1588) Сейджакъ не далеко отъ Тобольска забавлялся охотою; Чулковъ, Тобольскїй Воевода, дружескими предложенїями убѣдилъ его прїѣхать въ городъ; тамъ свита его была задержана и умерщвлена, а самъ Сейджакъ отправленъ въ Москву. Царь принялъ плѣнника благосклонно и одарилъ его съ щедростїю.

(*) Тюмень построенъ 1585 года. *Изд.*

Съ сего времени Татары оставили городъ Сибирь. Россїяне, покоривъ Татаръ Иртышскихъ и Тобольскихъ обратили оружїе свое противъ Вогуличей и Остяковъ, для удержанїя коихъ въ повиновенїи построили городъ Пелымъ (*). Тогда же положены основанїя городовъ Березова и Сургута въ странѣ, населенной Остяками, и города Обдорскаго въ области Самоѣдовъ; часть сего послѣдняго народа уже была покорена Россїйскимъ оружїемъ и платила дань побѣдителямъ.

Между тѣмъ собрался въ Тобольскѣ отрядъ войска до 1500 человѣкъ, состоящїй изъ Стрѣльцовъ, Козаковъ, Поля-

(*) Пелымъ построенъ въ 1593 мъ году подъ надзираніемъ Воеводы Князя Петра Горчакова. Для сей работы употреблены были Угличане, сосланные за убїенїе Царевича Дмитрія Іоанновича. Здѣсь не почитаемъ излишнимъ упомянуть о произшествіи, достойномъ примѣчанія для наблюдателя Россїйскихъ древностей. Колоколъ, въ которой звонили въ Угличѣ, по случаю убїенїя Царевича, *сосланъ въ Сибирь* и повѣшенъ въ Тобольскѣ на колокольнѣ при церкви Всемилостиваго Спаса, что на торгу; потомъ перенесенъ на Софїйскую колокольню и употребленъ для часовъ. *Изд.*

ковъ, Литовцевъ, Черкесовъ и другихъ бездомовныхъ людей, которымъ позволено отъ Государя искать щастія въ земляхъ новооткрытыхъ. Нѣкоторые изъ сихъ людей построили городъ Тару на Иртышѣ, при устьѣ Аркарки. Скоро Тара получила многія выгоды, преимущественно предъ прочими городами Сибирскими: Нагайцы и Бухарцы пріѣзжали туда для продажи и покупки лошадей; сверхъ того окрестныя страны изобиловали мягкою рухлядью. Отъ Тары войско отправилось во внутреннія области и напало на степныхъ Татаръ Барабинскихъ, занимавшихъ пространныя равнины между Иртышемъ и Обью, богатыя лѣсомъ, рыбою и дичью. Около половины Марта 1595 года Руские предприняли дальнѣйшій походъ на лыжахъ. Вездѣ непріятель убѣгалъ отъ нихъ; ничто, кромѣ приближенія весны, не могло остановить быстрыхъ успѣховъ побѣдителей. Въ сіе время года въ другихъ мѣстахъ начинаются военныя дѣйствія; здѣсь надлежало прекратить оныя. Это обстоятельство покажется страннымъ; но въ Сибири и во всѣхъ странахъ холоднаго пояса ему не удивляются. Два мѣсяца, предшествующіе весенней оттепели, суть самые удобные для путешествія; холодъ постоянной и умѣренной

дѣлаетъ дороги гладкими и облегчаетъ переправы черезъ рѣки и озера. Въ сїе время воздухъ бываетъ чистый и тихїй, а дни довольно долги. Ни чрезмѣрный жаръ, ни несносная стужа, не безпокоятъ странствующихъ. Напротивъ того, въ лѣтнее время путешественникъ днемъ томится отъ палящаго зноя; ночью цѣлыя тучи насѣкомыхъ препятствуютъ ему наслаждаться отдохновенїемъ, въ которомъ онъ имѣетъ нужду послѣ дневныхъ трудовъ и утомленїя.

Оставалось только побѣдить Кучумъ-Хана, которой частыми набѣгами безпокоилъ Рускїя владѣнїя. Нѣкоторые изъ его родственниковъ, вмѣстѣ съ немногочисленнымъ войскомъ Татаръ, покорились Россїянамъ, которые готовились произвести въ дѣйство важное предпрїятїе противъ Кучума. Отрядъ, состоящїй изъ 1000 человѣкъ, отправился въ походъ подъ начальствомъ Князя Кольцова-Мосальскаго. Кучумъ-Ханъ, внезапно захваченный въ станѣ, потерялъ большую часть своего войска; его семейство и весь обозъ достались въ руки побѣдителей, а самъ онъ, съ немногими преданными ему людьми, едва спасся бѣгствомъ въ малую Бухарїю, гдѣ нѣсколько времени скитался по берегамъ Сасана. Отчаянїе заставило

его возвратиться къ верхнему Иртышу; онъ хотѣлъ собрать тамъ остатокъ разсыпанныхъ единомышленниковъ, и въ послѣдній разъ испытать щастье свое противъ Рускихъ; но Судьба назначила ему другой жребій. Будучи въ крайней бѣдности, онъ рѣшился похитить лошадей, принадлежавшихъ людямъ, которые облагодѣтельствовали его гостепріимствомъ, и тайно убѣжать изъ ихъ предѣловъ; но отправленные за нимъ въ погоню настигли его на берегу Ишима, гдѣ остатокъ преданныхъ ему сообщниковъ былъ разбитъ совершенно. Самому Кучуму вторично пощастливилось спастись бѣгствомъ и искать потомъ пристанища у Каракалпаковъ; немного спустя онъ самъ себя лишилъ жизни. Такимъ образомъ умеръ Князь, произшедшій отъ поколѣнія Чингисъ-Ханова, Князь, котораго предки заставляли трепетать цѣлую половину Свѣта; съ нимъ вмѣстѣ пресѣклось господствованіе потомковъ Чингиса въ Сѣверной Азіи.

Между тѣмъ, какъ сіе произходило на берегу верхняго Иртыша (1596), Россіяне, не теряя времени, дѣйствовали въ другихъ частяхъ Сибири, покорили Остяковъ верхней Оби и построили городъ Нарымъ. Чтобы сдѣлать удобнѣйшимъ

сообщенїе между Европою и Сибирью, которая часъ отъ часу увеличивалась, проложена дорога черезъ Уральскїя горы, гораздо выгоднѣйшая прежней; а новый городъ Верхотурье назначенъ таможнею и мѣстомъ складки товаровъ, привозимыхъ изъ Россїи въ Сибирь и изъ Сибири въ Россїю. Учреждены почтовыя станцїи, начиная отъ Россїйскихъ предѣловъ до конца завоеванныхъ областей; сїи станцїи, подобно Римскимъ и Персидскимъ, были употребляемы только для государственныхъ надобностей, и населены были крестьянами Холмогорскими, Устюгскими и Сольвычегодскими. За отведенныя обширныя поля требовалось отъ нихъ — имѣть всегда въ готовности лошадей на казенную службу. Въ Туринскѣ, построенномъ 1600 году, находилась лучшая станцїя изъ всѣхъ учрежденныхъ между Верхотурьемъ и Тюменемъ.

Кромѣ Козаковъ, еще другаго рода удальцы много споспѣшествовали къ открытїю и завоеванїю Сибири; главное упражненїе ихъ состояло въ ловлѣ звѣрей, которыхъ кожи почитаются дорогими для зимней одежды. Сїи охотники, раздѣлясь на небольшїя общества, искали въ разныхъ мѣстахъ добычи и заходили въ страны отдаленныя, незнакомыя.

Такіе поиски съ одной стороны были весьма полезны для ихъ соотечественниковъ; съ другой весьма вредны. Звѣроловы не знали мѣры въ грабительствѣ: вездѣ, куда ни доходили они, звѣри были истребляемы, или искали безопаснаго убѣжища въ мѣстахъ отдаленныхъ. Неутомимые промышленники открыли земли, лежащія между рѣками Куромъ и Тазомъ, до того времени Россіянамъ неизвѣстныя. Множество соболей, найденныхъ въ сихъ мѣстахъ, заставило Козаковъ еще отважиться на нѣкоторыя предпринятія; скоро появилась новая колонія на берегу рѣки Таза, въ двухъ стахъ верстахъ отъ устья оной, гдѣ до сихъ поръ не видно было никого, кромѣ народа дикаго и непросвѣщеннаго. Сіе поселеніе отъ обитавшихъ не далеко оттуда Самоѣдовъ названо Мангазеею.

Щастливые успѣхи Россійскаго оружія въ Сибири имѣли важныя дѣйствія на народы, еще непокоренные. Тоянъ, Князь Татарскій, добровольно пріѣхалъ въ Москву въ 1604мъ году къ Царю Борису Ѳеодоровичу, и присягнулъ предъ нимъ во всегдашнемъ повиновеніи какъ за себя; такъ и за всѣхъ своихъ подданныхъ. Слѣдствіемъ сего было построеніе города Томска, отъ котораго надѣялись

далѣе разпространить свои завоеванія. Сперва сдѣлано было нападеніе на Теленгутовъ, народъ племени Татарскаго, которой послѣ безполезнаго сопротивленія долженъ былъ покориться и дать присягу на вѣчное подданство Россіянамъ съ условіемъ, чтобы сіи послѣдніе защищали ихъ отъ Алтынъ-Хана (*), сосѣдственнаго Князя Монгольскаго поколѣнія. Рускимъ также не легко было привести къ повиновенію Киргизцевъ, жившихъ тогда ближе къ Сѣверу, на берегу Абакана. Они много разъ возмущались, склоняли другіе народы нападать на Россійскія поселенія, и до тѣхъ поръ не переставали безпокоить своихъ повелителей, пока на одномъ сраженіи не потеряли множества людей убитыми и въ плѣнъ доставшимися. Въ продолженіе сихъ произшествій построенъ городъ Кузнецкъ, для удержанія въ повиновеніи Татаръ сего имени. Въ сіе время Рускіе дошли до Енисея, которой можно почитать естественною границею,

(*) Алтынъ-Ханъ, или золотой Царь владѣлъ западною частію областей Монгольскихъ. Его резиденція была на берегу озера Упса, или при Кемчикѣ, рѣкѣ, впадающей въ Енисей и раздѣляющей области Россійскія отъ Монгольскихъ.

раздѣляющею Сибирь восточную отъ западной. На другой сторонѣ сей рѣки начинаются совсѣмъ новыя земли. Въ странѣ, лежащей между западнымъ берегомъ Енисея и Ураломъ, поверхность земли единообразная и гладкая; рѣки текутъ медленно; вода въ нихъ мутна и болотиста: напротивъ того, на другой сторонѣ до самаго Охотска представляются виды гористые и живописные; прозрачныя рѣки текутъ съ быстротою. Прежде, нежели разскажемъ, какимъ образомъ Руские простерли завоеванія свои до областей отдаленнѣйшихъ, упомянемъ въ короткихъ словахъ о томъ, какъ они поселялись въ земляхъ покоренныхъ.

По Царскому Указу, караваны чужестранные были освобождены отъ платежа пошлинъ; сверхъ того предоставлены имъ другія выгоды. Изъ того слѣдовало, что города Тара, Тобольскъ, Тюмень и Томскъ не только часто посѣщаемы были заграничными купцами, но многіе изъ сихъ послѣднихъ оставались въ нихъ на жительствѣ. Другимъ Указомъ запрещалась торговля всѣмъ тѣмъ, которые находились въ дѣйствительной службѣ Государственной, для защищенія природныхъ жителей отъ самопроизвольныхъ требованій и несправедливыхъ притязаній. Рав-

нымъ образомъ было весьма строго запрещено вывозить изъ Россіи и продавать Татарамъ желѣзныя орудія и военные снаряды. Правительство имѣло неусыпное попеченіе о населеніи края новыми колонистами и объ разпространеніи благоденствія открытіемъ новыхъ способовъ промышленности. Въ 1601 мъ году учреждена почта въ Тюменѣ. Въ Верхотурьѣ сдѣлана крѣпость, лучшая изъ всѣхъ Сибирскихъ; выстроены многія зданія для укрѣпленія и увеличенія города; сооруженъ монастырь, первый въ Сибири. Замѣтить должно, что всѣ сіи зданія были деревянныя. Спустя нѣсколько лѣтъ, построенъ монастырь въ Тюменѣ. Скоро потомъ (1621) въ Тобольскѣ назначено быть Архіерейскому престолу. Первый Архіепископъ Сибирскій и Тобольскій назывался Кипріаномъ, и возведенъ въ сіе достоинство изъ Архимандритовъ Новогородскаго Хутынскаго монастыря. Сей мужъ, дѣятельный и трудолюбивый, не смотря на великія препятствія со стороны грубыхъ Козаковъ, неусыпно занимался разпространеніемъ Христіанскаго православія въ Сибири, построеніемъ въ своей Епархіи новыхъ монастырей, изъ которыхъ многимъ опредѣлены были знатные доходы. Достойный Первосвященникъ

выпросилъ у Государя въ пользу Епархіи землю, составляющую около сорока верстъ квадратныхъ и лежащую при рѣкѣ Ницѣ; плодородная почва и мѣстныя выгоды заставили его построить на ней многолюдныя деревни. Исторія Сибирская много одолжена Кипріану; онъ призвалъ къ себѣ оставшихся товарищей подвиговъ Ермаковыхъ, и разпросилъ ихъ подробно о важнѣйшихъ обстоятельствахъ ихъ походовъ. Имена убитыхъ на сраженіяхъ были внесены въ Синодикъ, и о спасеніи душъ ихъ установлено годичное поминовеніе. Сдѣланы записки главнымъ произшествіямъ, случившимся во время походовъ и завоеваній. Писатели, упоминавшіе потомъ о Сибири, почерпали свѣдѣнія въ сихъ запискахъ. Однакожъ не скоро, то есть уже въ 1636 мъ году, нѣкто Ефимовъ, бывшій въ походахъ съ Ермакомъ, собралъ и разположилъ по порядку Исторію Сибири. Большей части городовъ Сибирскихъ пожалованы были земли въ округахъ, которыми они управляли. Выгоды и преимущества сихъ городовъ въ то время были весьма важны, — обстоятельство, свойственное всѣмъ новымъ поселеніямъ. Народы, жившіе въ округѣ, должны были наложенныя на нихъ подати мѣхами привозить въ городъ, въ кото-

ромъ сборщики и прочїе чиновники имѣли свое пребыванїе. Собиранїе податей и торговля съ жителями доставляли Россїянамъ важныя выгоды; иногда города старались разпространить свои владѣнїя, и споры пограничные часто подавали причины тамошнимъ жителямъ приносить жалобы ко Двору. Сверхъ того они недовольны были сборщиками, которые при собиранїи ясака (*), позволяли себѣ разныя требованїя, въ такое время, когда наложенная подать была слишкомъ уже тягостною для жителей, потому что звѣри въ томъ краю очевидно начали уменьшаться. Другїя прозьбы и жалобы имѣли предметомъ снятїе запрещенїя со ввоза желѣзныхъ орудїй, которыя сдѣлались необходимыми для народа, перемѣнившаго прежнїй образъ жизни. Сначала не завидна была участь тамошнихъ жителей; къ нещастїямъ, которыя они претерпѣли вмѣстѣ съ перемѣною своего положенїя, должно причислить самое несноснѣйшее, до тѣхъ поръ совсѣмъ неизвѣстное имъ — оспу. Сїя зараза при первомъ появленїи своемъ въ Сибири (1633) причи-

(*) Слово Персидское, означающее *подать*. Въ Сибири подъ названїемъ *ясакъ* разумѣютъ *подать, собираемую мягкою рухлядью*.

нила великія опустошенія между народами вновь покоренными. Не смотря на то, страна сія часъ отъ часу приходила въ цвѣтущее состояніе; молодые Россіяне стекались въ нее толпами, и Царь всячески поощрялъ къ тому своихъ подданныхъ. Всякой казенной крестьянинъ могъ безпрепятственно, оставивъ прежнее жилище, поселиться въ Сибири. Правительство находило въ томъ великія выгоды; возрастающее число колонистовъ благопріятствовало успѣхамъ земледѣлія, для котораго многія Сибирскія провинціи весьма удобны; слѣдственно съѣстные припасы, прежде привозимые съ великими издержками изъ внутренности Государства, тогда можно было доставать на мѣстѣ. По Царскому Указу, часто молодые люди цѣлыми отрядами были присылаемы для заведенія новыхъ поселеній; въ 1650 мъ году вдругъ отправлено въ Сибирь сто пятьдесятъ женщинъ и дѣвокъ для того, чтобы выдать ихъ за-мужъ за Козаковъ, которые вели холостую жизнь, по недостатку въ женскомъ полѣ.

Въ 1628 мъ году въ окрестностяхъ Туринска открыта первая руда желѣзная; скоро для доставанія и выдѣлыванія металла поселена тамъ колонія,

которая по причинѣ изобилія руды, въ послѣдствіи времени знатно увеличилась. Почти въ то же время (1633) при Ирбитскомъ селеніи, на рѣкѣ Ирбитѣ, учреждена славная ярмарка, на которую и нынѣ пріѣзжаютъ Татары, Бухарцы, Греки и Ариане. Въ продолженіе сей ярмарки во всей окружности господствуетъ необыкновенная дѣятельность: всѣ тамошнія дороги покрыты лошадьми и санями.

Возвращаюсь къ моему предмету. Мы оставили побѣдоносныхъ Россіянъ на берегахъ Верхняго Енисея: нижняя часть сей рѣки также открыта звѣроловами. Соединясь съ нѣкоторыми Мангазейскими купцами, и продолжая поиски свои внизъ по рѣкѣ Туруханy, они достигли до *зимовья*, построеннаго не задолго передъ тѣмъ, и гдѣ въ послѣдствіи времени явился городъ Туруханскъ. Тамъ они заготовили нѣсколько крытыхъ судовъ, употребляемыхъ Руским на Сѣверномъ Океанѣ; пустились внизъ по Енисеѣ, и въ Іюнѣ мѣсяцѣ доплыли до его устья. Льдины, сперщіяся отъ Сѣвернаго вѣтра, задержали тамъ отважныхъ путешественниковъ. По изтеченіи пяти недѣль они отправились далѣе вдоль по берегу моря, вошли въ рѣку Пясину и покорили (1614) обитающихъ при ней Самоѣдовъ.

Это было первое путешествїе по восточной части Ледовитаго Океана; до тѣхъ поръ извѣстенъ только былъ переѣздъ отъ Архангельска до Мангазеи. Путешественники плыли по берегу моря, и прошедъ Вайгачской проливъ, продолжали путь свой иногда по малымъ рѣчкамъ, иногда сухимъ путемъ, таская съ собою лодки даже до Обскаго залива, откуда уже не трудно было доѣхать до устья рѣки Таза. Но сїи переправы наконецъ запрещены (1620), для пресѣченїя злоупотребленїй въ разсужденїи провозовъ непозволенныхъ товаровъ.

Съ сего времени власть Россїянъ утвердилась въ Сибири. Всѣ дѣйствїя ихъ были нечто иное, какъ безпрерывное послѣдствїе побѣдъ, и клонились къ расширенїю областей и къ покоренїю новыхъ народовъ. Кучумъ-Хана уже не было на свѣтѣ; дѣти его и внуки старались частыми нападенїями выгнать Рускихъ изъ своихъ владѣнїй, но всѣ ихъ покушенїя были безполезны. Два сына его, Ишимъ и Кубей-Муратъ, видя невозможность успѣть въ своемъ намѣренїи, добровольно отдались побѣдителямъ и были отправлены въ столицу Россїйскаго Государства. Другой Князь Татарскїй, Канчуваръ, взятъ въ плѣнъ еще прежде сего

вроизшествія. Россіяне начали сноситься съ отдаленнѣйшими народами Азіи. Въ 1616 году Царь Михаилъ Ѳеодоровичь отправилъ посольство къ Алтынъ Хану, о которомъ выше мы упомянули. Посланные къ нему подарки состояли въ сукнахъ, шелковыхъ матеріяхъ, металлическихъ домашнихъ приборахъ, писчей бумагѣ, медѣ, маслѣ, овсяной крупѣ и проч. Въ Томской архивѣ хранится описаніе сего путешествія, достойное примѣчанія по оригинальности повѣствованія и по разнымъ прибавленіямъ. Сношеніе съ Алтынъ-Ханомъ доставило Россіянамъ первыя подробныя извѣстія о Китаѣ, возбудившія въ нихъ великое любопытство, такъ что два раза отправляемы были въ сіе Государство посольства, которыя однакожъ не имѣли никакихъ успѣховъ.

Обоюдныя сношенія съ Алтынъ-Ханомъ продолжались не малое время. Кажется, что Россіянамъ хотѣлось сдѣлать его своимъ васалломъ. Впрочемъ, Алтынъ-Ханъ по видимому былъ весьма доволенъ присылаемыми подарками, и иногда самъ на нихъ вызывался. Въ одно время онъ потребовалъ себѣ отъ Россійскаго Двора суконъ, жемчугу, золота, ружей, пушекъ, одного Лѣкаря, одни

карманные часы, одинъ колоколъ; сверхъ того желалъ, чтобы прислали къ нему монаха, бывшаго въ Іерусалимѣ, которой изъяснилъ бы ему правила вѣры Христіянской. Нѣкоторыя изъ требуемыхъ вещей немедленно къ нему отправлены. Замѣтить должно, что сукна были Англійской работы. Подарки Хана, исключая мѣхи соболиные и бобровые, были не важны и состояли изъ чернаго атласа, камки и чая, котораго совсѣмъ еще не употребляли въ Россіи. Не одинъ разъ доброе согласіе между Дворомъ Государя Россійскаго и новымъ васалломъ готово было нарушиться. Покоренный Алтынъ-Ханъ нехотѣлъ быть рабомъ, какъ Царь назвалъ его въ своей граматѣ; сіе обстоятельство подало причину къ разрыву. Наконецъ Монгольскій Князь, послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, далъ присягу въ подданствѣ Скипетру Россійскому; но примѣтивъ, что Дворъ поступаетъ съ нимъ по прежнему, и что Царю наскучило уже присылать къ нему подарки, онъ рѣшился обнаружить свои намѣренія, принялъ Посла Россійскаго съ гордостію, и отрекся отъ повиновенія Монарху (1659); но скоро со смертію Хана пресѣклись сіи дѣйствія. Новые переговоры, начатые съ сыномъ Алтынъ-Хана, не

имѣли желаемаго успѣха, и Россіяне должны были отказаться отъ требованій своихъ на владѣніе Монголами.

Въ 1606 году Руские отправились изъ Мангазеи для поисковъ надъ Тунгусами; одна часть сего народа была покорена немедленно; другая, по выдержаніи сраженій, испытала на себѣ ту же участь. Для удержанія Тунгусовъ въ повиновеніи построенъ городъ Енисейскъ.

Россіяне получили важную добычу, состоящую изъ мѣховъ собольихъ, которыми Тунгусы щедро одарили ихъ. Американцы дорогіе металлы употребляли на мѣлкія издѣлья; равнымъ образомъ Козаки нашли въ сей странѣ великое расточеніе мѣховъ самыхъ дратоцѣнныхъ; Тунгусы дѣлали обувь изъ соболей. Козаки плѣнились такимъ изобиліемъ, и будучи побуждаемы желаніемъ пріобрѣтенія, простерли завоеванія свои до рѣки Лены.

Почти въ то же время (1626) начальникъ Козаковъ, Бекетовъ, плавая по рѣкѣ Ангарѣ, открылъ Бурятовъ; онъ и его преемники имѣли многія сраженія съ симъ народомъ, и наконецъ покорили его совершенно, равно какъ и другія орды, обитающія около Байкала; но нѣкоторыя семейства Бурятокія, недовольныя поступ-

ками сборщиковъ податей, оставивъ свое отечество, убѣжали въ землю Монгольскую.

Между Героями сего времени, достойными послѣдователями Ермака, начальникъ Козаковъ, Галкинъ, заслуживаетъ особенное уваженіе. Онъ былъ посланъ съ отрядомъ, изъ сорока человѣкъ состоявшимъ, на другую сторону Енисея для укрощенія возмутившагося Татарскаго племени. Бывъ отрѣзанъ отъ шалашей своихъ и обоза, онъ въ продолженіе пяти дней храбро защищался отъ многочисленнаго непріятельскаго войска, и наконецъ успѣлъ отъ него избавиться.

Щастливые успѣхи непосредственно слѣдовали одни за другими: Мангазейскіе Козаки открыли Якутовъ, наложили на нихъ дань и построили городъ Якутскъ. Иногда Козацкіе начальники сражались между собою за добычу, и покоренныя земли доставались въ другія руки. Такія сраженія между побѣдителями Сибири произходили довольно часто; но народъ побѣжденной отъ того ничего не выигрывалъ: ибо онъ всегда находился во власти сильнѣйшаго.

Россіянамъ оставалось только открыть восточную часть Сибири. Ивановъ, Енисейской Козакъ, въ 1638 мъ году предпринялъ походъ въ верхъ по рѣкѣ Янѣ,

открылъ Индигирку и Юкагировъ, на берегахъ ея живущихъ, которыхъ число съ того времени очень уменьшилось. Буза, другой Козакъ, случайно отправился по той же дорогѣ. Пустившись внизъ по Ленѣ, онъ поплылъ въ восточную сторону Ледовитаго моря, и вошелъ въ рѣку Яну. Юкагиры, народъ воинственный, сражались съ большею упорностїю, нежели Якуты, но напослѣдокъ должны были покориться. Всѣ народы, живущїе вдоль береговъ Индигирки до самаго ея устья, сдѣлались данниками Россїянъ, которые не задолго передъ тѣмъ открыли рѣку Алданъ и кочующихъ при ней народовъ.

Первой изъ Рускихъ, достигшїй до восточнаго края Сибири, былъ Иванъ Москвитинъ, предпринявшїй сїе путешествїе въ 1639 мъ году, по приказанїю своего начальника Копылова; онъ благополучно возвратился и доставилъ первыя извѣстїя о рѣкѣ Амурѣ, которыя возбудили въ Поярковѣ (*) желанїе покорить подъ владѣнїе Россїйское людей, на берегу рѣки сей обитавшихъ. Онъ сѣлъ на суда

(*) Авторъ, видно, разумѣетъ здѣсь Письменнаго Голову Василья Даниловича Пояркова, посланнаго вмѣстѣ съ другими на Лену для построенїя города Якутска. *Изд.*

и доплылъ до устья Амура, гдѣ долженъ былъ провести зиму. Въ слѣдующій годъ по берегу моря онъ доплылъ до устья Уды, а оттуда водою и сухимъ путемъ добрался до Якутска. Онъ вездѣ одерживалъ побѣды и получалъ добычу; но завоеванія сіи были непрочны.

Въ концѣ семнадцатаго столѣтія открыта Камчатка; совершенное покореніе сего полуострова надлежитъ относить къ 1736 му году.

Можно сказать, что здѣсь оканчивается Сибирская Исторія. Уже болѣе не нужно было предпринимать военные походы; другіе планы, относящіеся до торговли и до открытія удобнѣйшаго плаванія по Ледовитому Океану, не исполнились съ желаемымъ успѣхомъ; работы на рудокопныхъ заводахъ продолжались съ лучшею удачею. Въ минувшемъ столѣтіи открыты богатыя жилы дорогихъ металловъ, которыя до сихъ поръ еще не истощились. Внутренняя торговля получила новую дѣятельность отъ сношеній съ Китаемъ и путешествій по Восточному Океану. Правительство, усмотрѣвъ наконецъ всю важность выгодъ, доставляемыхъ Сибирью, признало нужнымъ не почитать сей неизмѣримой страны колоніею, и учредить въ ней правленіе,

сообразное съ прочими Губерніями Имперіи. Къ достойнымъ вниманія произшествіямъ, случившимся въ Сибири въ послѣднія времена, должно причислить новое поселеніе на Китайской границѣ, Американскую торговую Компанію и разныя заведенія для просвѣщенія народнаго, учрежденныя въ знатнѣйшихъ городахъ Сибирскихъ.

(*Изъ Учен. Арх.*)

II.

Нѣкоторыя черты изъ жизни Фридерика Великаго.

Г. Тьебо, Членъ многихъ ученыхъ Обществъ, недавно напечаталъ въ Парижѣ сочиненную имъ на Французскомъ языкѣ книгу, подъ названіемъ: *Мои воспоминанія двадцатилѣтняго пребыванія въ Берлинѣ*, которая заслужила лестное одобреніе безпристрастныхъ Критиковъ, какъ по содержащимся въ ней интереснымъ анекдотамъ, такъ и по правильному расположенію матерій. Воспоминанія произшествій, случившихся въ продолженіе двадцати лѣтъ при Дворѣ такого Монарха, каковъ Фридерикъ, должны быть столь богаты ма-

теріями, что Автору, одаренному хорошею памятію, предстоитъ опасность запутаться въ семъ лавиринѣ. Г. Тьебо предупредилъ сіе неудобство, раздѣливъ сочиненіе свое на части, изъ которыхъ каждая содержитъ особливую матерію. Въ первой книгѣ изображенъ Фридерикъ въ качествѣ человѣка. Авторъ наблюдаетъ развитіе характера его въ лѣта юности, слѣдуетъ за нимъ во всѣхъ его путешествіяхъ; показываетъ читателю, каковъ былъ Фридерикъ въ обыкновенныхъ разговорахъ, въ ученіи, въ мнѣніяхъ, въ сочиненіяхъ, въ частной и домашней жизни; далѣе разсматриваетъ его въ старости, въ болѣзни и на одрѣ смерти.

Во второй книгѣ содержится Историческое повѣствованіе о Государѣ въ отношеніи къ его фамиліи. Въ третьей разсматриваются Дворъ, Прускіе Министры, знаменитые посѣтители, Посланники и Министры чужестранные, бывшіе во время пребыванія Автора въ Берлинѣ. Наконецъ въ пятой, Король является среди своей Академіи Наукъ и Словесности, среди заведеній общественнаго просвѣщенія, среди любезныхъ своихъ Литтераторовъ и Философовъ.

Въ сихъ различныхъ отношеніяхъ, анекдоты, повѣствуемые Гм. Тьебо, пока-

зываютъ во Фридерикѣ характеръ великій и сильный; не смотря на нѣкоторыя слабости души, незакрытыя въ изображеніи Монарха, всѣ способности ея, соединяясь вмѣстѣ, составляютъ удивительное *цѣлое*, какимъ не украшался ни одинъ Государь въ свѣтѣ, и можетъ быть ни одинъ изъ людей знаменитыхъ.

Для показанія достоинства книги, стоитъ только выписать нѣсколько анекдотовъ. Слѣдующій, по нашему мнѣнію, болѣе прочихъ дѣлаетъ чести Фридерику; обнаруживая чувствительность его, которой вовсе въ немъ не предполагаютъ. Въ 1766 мъ году Пруссія лишилась юнаго Генриха, младшаго сына Наслѣднаго Принца; онъ подавалъ о себѣ великую надежду и особенно былъ любимъ Государемъ. Спустя три мѣсяца, Король, призвавъ къ себѣ Гна. Тьебо, объявилъ ему, что, по отданіи печальнаго долга памяти своего племянника, онъ намѣренъ сохранить для потомства напоминаніе о рѣдкихъ качествахъ скончавшагося Принца; намѣренъ горесть свою обратить на пользу общества, представивъ ему образецъ для подражанія; онъ хочетъ написать Похвальное Слово, и прочесть въ публичномъ засѣданіи Академіи, къ чему назначаетъ Гна. Тьебо. „Въ семъ сочиненіи, продолжалъ

онъ, многое надобно перемѣнить и исправить; но каждой разъ, принимаясь за работу, тотчасъ воспоминаю о моемъ любезномъ племянникѣ, и никакъ не могу окончить. Сверхъ того тетрадь моя такъ перемарана, что не осталось бѣлаго мѣста для внесенія того, что я хотѣлъ бы прибавить." По сей причинѣ онъ поручилъ Гну. Тьебо переписать сочиненіе свое четко, оставить нѣсколько бѣлыхъ мѣстъ для нужныхъ поправокъ и замѣтить ошибки, сдѣланныя противъ языка и Риторическихъ правилъ. Но рукопись была такъ помарана и такъ худо написана, что Г. Тьебо не могъ разобрать ее. Сіе обстоятельство заставило Фридерика прочесть свое сочиненіе. „Онъ взялъ, продолжаетъ Авторъ, тетрадь съ маленькаго четвероугольнаго столика, обыкновенно передъ нимъ стоящаго съ нѣсколькими книгами, чернильницею, бѣлою бумагою и множествомъ табакерокъ; началъ читать, показывая видъ человѣка, желающаго владѣть собою: можно было замѣтить, что онъ старался выдерживать тонъ голоса и скрывать горестное впечатлѣніе; говорилъ медленно и часто останавливался. Наконецъ онъ не въ силахъ былъ бороться съ печалію; на второй или третьей страницѣ голосъ его измѣнился,

на глазахъ показались слезы; надлежало часто прерывать, чтенїе и утираться. Онъ закрывалъ платкомъ лицо, кашлялъ, плевалъ, дѣлалъ всевозможныя усилїя преодолѣть печаль свою — все тщетно; на четвертой страницѣ глаза его, залившїеся слезами, ничего не видѣли; стѣсненной голосъ его не могъ произносить рѣченїй. Не владѣя собою, рыдая, не говоря ни слова, онъ протянулъ ко мнѣ руку свою. Я взялъ бумагу, и съ благоговѣнїемъ, съ какимъ-то утѣшенїемъ, смотрѣлъ на великаго мужа, котораго сердце отверсто было для впечатлѣнїй столь трогательныхъ, столь любезныхъ человѣчеству."

Спрашивается, отъ чего Фридерикъ во многихъ случаяхъ былъ жестокимъ и непреклоннымъ? — Тогда онъ поступалъ какъ Король, не какъ человѣкъ обыкновенный; тогда слѣдовалъ онъ собственному правилу — всѣмъ жертвовать для пользы государственной (надобно замѣтить, что онъ подъ симъ словомъ разумѣлъ пользу собственную), все отклонять, что было бы противнымъ оной. Приверженность его къ сему правилу столь далеко простиралась, что во все продолженїе царствованїя онъ оказывалъ свое неблагоноленїе къ Врчовой фамилїи, въ которой находилъ онъ всѣ возможныя

утѣшенія, когда, будучи еще Королевскимъ Принцемъ, сидѣлъ въ заключеніи въ Кистринѣ, избавясь отъ смертной казни, опредѣленной отцемъ его, Королемъ Вильгельмомъ. Люди, служившіе Принцу, нарушая должность свою противъ Короля, сообразно съ упомянутымъ правиломъ, казались въ глазахъ его подозрительными. По той же самой причинѣ, онъ всегда удалялъ отъ себя людей, преданныхъ его братьямъ, или другимъ особамъ Королевской фамиліи. „Онъ думалъ," говоритъ Г. Тьебо, „что Государю не надлежитъ быть благосклоннымъ къ тѣмъ, которые оказываютъ приверженность свою не къ нему, а къ другимъ особамъ, особливо же къ Наслѣднику престола, или его ближнимъ; такая преданность часто заставляетъ забывать подданныхъ, чѣмъ они обязаны Главѣ Государства."

Не смотря на то, что Фридерикъ всегда старался казаться и быть добрымъ родственникомъ, онъ всячески не допускалъ ни братьевъ своихъ, ни сестеръ, ни племянниковъ, войти къ нему въ довѣренность, или имѣть вліяніе на дѣла государственныя, боясь, чтобы они не отвлекли его отъ исполненія своихъ намѣреній, по плану, единожды навсегда

нмъ предначертанному. Не говоря о многихъ примѣрахъ искушенїй; которымъ онъ съ твердостїю противился, не льзя не упомянуть о случившемся обстоятельствѣ между имъ и Наслѣднымъ Принцемъ Вильгельмомъ Августомъ, однимъ изъ старшихъ его братьевъ, когда послѣ нещастнаго Коллинскаго сраженїя сей Принцъ, бывшїй уже въ немилости у Государя, рѣшился непремѣнно видѣть его и объявить ему желанїе всей Королевской фамилїи. Сїе желанїе состояло въ томъ, чтобы Король согласился сдѣлать Францїи предложенїя о мирѣ на условїяхъ, которыя казались выгодными братьямъ и сестрамъ Королевскимъ. „Монархъ, принявъ его отца, съ видомъ важнымъ, и не показывая ни досады, ни гнѣва, спросилъ: „что вамъ угодно сказать мнѣ, братецъ? говорите!" Принцъ въ крайнемъ движенїи и замѣшательствѣ, съ трепетомъ начинаетъ рѣчь свою; потомъ мало помалу ободряется. Онъ изображаетъ положенїе Пруссїи, прошедшее, настоящее и будущее; изчисляетъ всѣ пособїя и средства къ защищенїю; сравниваетъ ихъ съ могуществомъ непрїятелей; разсматриваетъ всѣ отношенїя политическїя, и подводитъ ихъ подъ правила благоразумїя; входитъ въ подроб-

ныя изслѣдованія способовъ, которыми можно заключить выгодный миръ съ Франціею, слѣдственно и со Швеціею, а можетъ быть, и съ Округами Имперскими; убѣдительно проситъ Короля по крайней мѣрѣ попытаться вступить въ переговоры; представляетъ ему единодушное желаніе всѣхъ, выгоды Королевскаго дома, разореніе провинцій; напоминаетъ ему правила великихъ душъ и славу, сопряженную съ пожертвованіями нѣкоторыхъ выгодъ для общей пользы. Онъ проситъ, заклинаетъ, проливаетъ слезы, обнимаетъ колѣна своего брата, которой казался совершенно нечувствительнымъ, не обнаруживалъ ни малѣйшаго знака внутренняго движенія, и выслушалъ до послѣдняго слова съ видомъ задумчивымъ и углубленнымъ. Отвѣтъ Короля былъ слѣдующій: „Принцъ! вы завтра отправитесь въ Берлинъ; поѣзжайте плодить дѣтей; вы болѣе ни къ чему не способны.“

Здѣсь Историкъ приводитъ весьма основательныя доказательства для извиненія непреклонности Героя. Конечно, никто лучше самаго его не зналъ состоянія дѣлъ и средствъ къ ихъ поправленію. Между тѣмъ, какъ его фамилія предавалась отчаянію, какъ Европа почи-

тала его погибшимъ, какъ нещастный братъ его заключился въ уединенiи, гдѣ онъ скоро потомъ умеръ — Фридерикъ съ войскомъ слабымъ и изнемогшимъ разбилъ Французовъ при Росбахѣ, Австрiйцевъ при Иссѣ, содѣлался ужасомъ непрiятелей, властителемъ Имперiи, получилъ право располагать заключенiемъ мира, въ которомъ, можетъ быть, отказали бы ему въ то время, когда братья и сестры убѣждали его сдѣлать мирныя предложенiя. Изъ того видно, что упорство его было благоразумное и геройское. Но развѣ не льзя быть рѣшительнымъ безъ грубости, безъ жестокости? Къ чему служатъ язвительныя насмѣшки и оскорбительное презрѣнiе? Развѣ Король не можетъ имѣть львинаго мужества и великодушiя, безъ когтей и зубовъ тигровыхъ?

Иногда онъ скрывалъ когти свои подъ завѣсою иронiи; но они онъ того не менѣе были язвительны. Тогда только шутки его могли быть извинительны, когда онъ устремлялъ ихъ или на шутоумнаго Министра или на избалованнаго придворнаго, каковъ былъ Баронъ Пельницъ, первый Камергеръ Двора его. Пельницъ пользовался отличною милостiю Короля Виль-

гельма, которой все дѣлалъ для обогащенія любимаго придворнаго и никогда не могъ удовлетворить его корыстолюбія. Фридерикъ, послѣ смерти отца, оставилъ старраго Каммергера при Дворѣ, но не удостоивалъ его своимъ вниманіемъ. Пельницъ изъ Католика сдѣлался Протестантомъ. Нѣкогда онъ жаловался Королю на свою бѣдность. „Я радъ бы помочь вамъ, отвѣчалъ Фридерикъ, но не могу. Вы сами знаете, какъ нуждается Государство; знаете, что едва достаетъ мнѣ денегъ на издержки, и то не иначе, какъ съ строжайшею бережливостію. Естьлибъ вы, не перемѣнивъ вѣры, были по прежнему Католикомъ, я могъ бы опредѣлить вамъ какой-нибудь прибыльной Каноникатъ; но сдѣлавшись Реформатомъ, вы избрали для себя исповѣданіе, бѣднѣйшее всѣхъ прочихъ, а меня лишили способовъ быть вамъ полезнымъ. Искренно признаюсь, что мнѣ очень жаль этого.“ Баронъ повѣрилъ наружному добродушію Фридерика и разсудилъ за благо возвратиться къ прежней вѣрѣ, богатой прибыльными Каноникатами. Въ самомъ дѣлѣ на ту пору оставалось праздными одно очень хорошее мѣсто. Баронъ въ тотъ же вечеръ торжественно отрекся отъ Реформатскаго

закона, и на другой день донесъ Королю, что, повинуясь милостивому совѣту Его Величества, онъ обратился къ Католическому исповѣданію, и что послѣ такого поступка надѣется, что Монархъ, столь великій и милосердый, въ воздаяніе ревностной службы совершитъ лестныя надежды вѣрнаго своего подданнаго. „Какъ досадно, отвѣчалъ Король, что вы не упредили! сего дня по утру я отдалъ Каноникатъ другому. Это несносно! однакожъ я не могъ предвидѣть, что вы такъ скоро перемѣните вѣру. Право не знаю, чѣмъ бы наградить васъ. . . . А! теперь только я вспомнилъ, что есть еще одно праздное мѣсто Іудейскаго Раввина при Синагогѣ: сдѣлайтесь Жидомъ, и вы непремѣнно получите его.“

Сей Государь, имѣя рѣдкую проницательность, тотчасъ замѣтилъ грубое невѣжество и худое воспитаніе въ большей части молодыхъ дворянъ Французскихъ, которые являлись при Дворѣ его. Такой недостатокъ, постыдной для нашего дворянства, обратилъ на себя вниманіе Монарха; онъ изыскивалъ тому причины и угадывалъ слѣдствія. „Во Франціи или совсѣмъ нѣтъ воспитанія,“ нѣкогда сказалъ онъ Гну. Тьебо: „или дворянство всѣ выгоды свои и преимущества

уступило разночинцамъ. Скажите мнѣ, что это значитъ? Не уже ли ваши школы, Коллегіи и Университеты заперты? не уже ли ваши дворяне не посылаютъ учиться дѣтей своихъ? . . . И сего дня по утру я видѣлъ двухъ молодыхъ дворянъ, родившихся и воспитанныхъ во Франціи, которые совсѣмъ ничего не знаютъ, и — какъ кажется — никогда не узнаютъ, кромѣ того, что ихъ предки были Рыцари. Правда, въ старину ваши дворяне хвастались тѣмъ, что не умѣютъ писать; но они были невѣждами по тому, что жили во времена невѣжества; они не были развратны. Вижу и сожалѣю, что во Франціи нѣтъ болѣе дворянства. Ибо что значитъ благородство? въ чемъ состоитъ оно? Не уже ли думаете — я говорю объ истинномъ благородствѣ — не уже ли думаете, что оно состоитъ въ родословной, часто невѣрной и всегда сомнительной, или въ паргаминахъ, которые столь же не трудно написать, какъ и уничтожить? Естьли бы дворянство основывалось только на сихъ нелѣпостяхъ, тогда оно не годилось бы ни къ чему, не заслуживало бы никакого уваженія; тогда дворяне были бы не иное что, какъ сословіе привиллегированныхъ шарлатановъ. Истинное дворянство имѣетъ дру-

гія отличія, состоящія въ чувствахъ возвышенныхъ, въ душѣ благородной. Думаю и утверждаю, что тамъ нѣтъ дворянства, гдѣ носящіе на себѣ сіе почтенное титло не украшаются душевными качествами. Франція служитъ тому примѣромъ."

Приговоръ очень строгой, но справедвой! Кто не согласится, что возвышенныя чувства, твердость характера, хорошее воспитаніе, даютъ неотъемлемое право на благородство? Разпространите воспитаніе на весь народъ, или по крайней мѣрѣ на всѣхъ тѣхъ, которые способны воспользоваться его выгодами, естьли хотите, вмѣсто немногочисленнаго сословія дворянъ, содѣлать весь народъ истинно благороднымъ.

(*Изъ Декады.*)

III.

Нѣсто о П. И. Макаровѣ.

Смѣю ли выговорить то, о чемъ думаю — къ нещастію, давно и не безъ основанія?... Живѣйшее огорченіе дѣлаетъ меня нескромнымъ: простите сильному, неволь-

ному чувству сердца!... Мнѣ кажется — вотъ тайна моя — что ни въ какомъ состоянїи, ни въ какомъ ремеслѣ, нигдѣ на свѣтѣ *зависть* и *ненависть* не острятъ болѣе жалъ своихъ, какъ между Авторами (*)...! Не стану и не умѣю изслѣдовать, отъ чего это; не буду брать примѣровъ изъ Писателей древнихъ и новыхъ, а скажу только слова два о *Сѣверномъ Вѣстникѣ*, на которой упала слеза моя.... „Слеза?" Такъ точно — и свидѣтельствуюсь Небомъ, что не *мнимая*, но истинная, пламенная, сердечная.

Разкрываю девятую книжку сего Журнала, и читаю: *Разсмотрѣнїе всѣхъ рецензїй, помѣщенныхъ въ ежемѣсячномъ изданїи, подъ названїемъ*: Московскїй Меркурїй, *издаваемый на* 1803*й годъ, стран.* 294. — „Ахъ! Рецензента нѣтъ уже на свѣтѣ!" сказалъ я съ глубокимъ, тяжкимъ вздохомъ. „Посмотримъ, что говорятъ объ немъ," продолжалъ я — и тонкою рукою перевертываю страницы.... Горесть стѣснила душу мою... „Чувствуетъ ли мирный прахъ твой несправедливость человѣческую?" говорилъ я

(*) Конечно не такими, которые имѣютъ истинный талантъ.

къ тѣни Макарова: „тамъ — за предѣломъ жизни — въ нѣдрахъ хладной могилы — чувствуетъ ли нѣжное сердце твое удары зависти и ненависти? . . . Нѣтъ! ты предоставилъ чувствовать ихъ за себя тѣмъ, кто умѣлъ цѣнить твои достоинства!. . . Покойся же въ пристани вѣрной и единственной!

Не понимаю, какимъ образомъ ученикъ вздумаетъ наставлять своего Учителя! А сколько разъ видѣли мы странную эту смѣлость на опытѣ! . . . и кому предписывали уроки? . . . . Автору, который прославилъ нашу Литтературу; который обратилъ на себя вниманіе всего Ученаго свѣта; которому отдаютъ справедливость Писатели чужестранные — словомъ, Гну. Карамзину! . . . И кто же сіи законодатели? . . Богъ знаетъ; по крайней мѣрѣ они не извѣстны никому со стороны отличныхъ талантовъ.

Разсматриватель рецензій, помѣщенныхъ въ Московскомъ Меркуріѣ, говоритъ: „надобно то и то; надобно такъ и такъ“ — знаемъ; но сію поученій не стоютъ одного примѣра. Макаровъ писалъ прозою съ такимъ искусствомъ, съ такою разборчивостію, съ такимъ вкусомъ, которые опредѣляютъ ему мѣсто, безъ

всякаго промежутка, подлѣ Гна. Карамзина. . . Вотъ самое лучшее наставленіе для тѣхъ, которые хотятъ научиться слогу! . . .

Первый, изданный Макаровымъ переводъ романа, подъ титуломъ: *Сен-Меранъ*, уже отличился отъ всѣхъ переводовъ нашихъ того времени чистотою языка и пріятностію колорита, не смотря на нѣкоторыя ошибки и галицизмы, которыя можно находить въ семъ переводѣ. Между тѣмъ Макаровъ былъ такъ недоволенъ имъ, что выкупилъ всѣ, или почти всѣ, экземпляры первой Части, напечатанной въ Петербургѣ, сжегъ ее и напечаталъ въ Москвѣ другую (*) — доказательство необыкновеннаго желанія усовершенствовать талантъ свой!

Первыя двѣ части Антеноровыхъ Путешествій, Макаровымъ переведенныхъ, останутся надолго — ежели не навсегда, памятникомъ славы его и украшеніемъ нашей Литтературы. Наконецъ Московскій Меркурій. . . не боясь упрековъ въ пристрастіи, ибо не имѣю и не могу

(*) И все еще былъ весьма недоволенъ, хотѣлъ опять перепечатать вмѣстѣ съ другими своими переводами — но увы!

имѣть его. . . . . есть образецъ хорошаго слога во всѣхъ отношеніяхъ (*). — Макаровъ отступалъ отъ извѣстныхъ правилъ критики — вѣрю, потому что всѣ — отъ Лонгина до разсматривателя Макаровыхъ рецензій — отступали отъ сихъ правилъ, болѣе или менѣе. Но въ чемъ состоитъ дѣло критики? Думаю, въ томъ, чтобы научить дѣлать лучше; а что же полезнѣе, въ этомъ случаѣ, разсказывать, или указывать?... Слышу — и не умѣю взяться за дѣло; вижу — и приступаю къ нему. . . . Фразы Макарова, выписанныя разсматривателемъ рецензій его, всего лучше изъясняютъ мысль мою: онѣ, подобно Фаросу, озаряютъ пасмурной слогъ сего разсматривателя; на нихъ бросаются взоры мои съ какимъ-то внутреннимъ удовольствіемъ серада; онѣ радуютъ меня, какъ странника, утомленнаго несчасною дорогою, который радуется прекрасному лугу; желаю отъ всей души найти ихъ, какъ можно болѣе. . . . Принудьте меня послѣ этого думать, что Макаровъ писалъ хуже своего учителя!

„Одна хорошая рецензія лучше цѣлой *библіографической статьи*, и проч.“

(*) Я говорю о томъ, что писано Издателемъ сего Журнала.

пишетъ разсматриватель Макаровыхъ рецензій (стран. 596). *Одна хорошая фраза лучше длинной критики* — осмѣлюсь сказать я — и вѣрно не одинъ.

Кто пишетъ: *наконецъ конечнымъ* (стран. 314), *дабы* (стран. 295); а цѣлыя фразы слѣдующимъ образомъ: „рецензію или критику пишутъ для любителей критики (развѣ есть особливые любители ея?... странная охота!) и желающихъ усовершенствовать свои дарованія; слѣдственно должно такъ *оную* и писать, чтобы ее съ удовольствіемъ и съ пользою *сіи люди* читали (стран. 296)" — тотъ можетъ ли переманить меня на свою сторону отъ другаго, который пишетъ слѣдующимъ образомъ: „критика имѣетъ право замѣтить ошибки, даже рѣшительно сказать, что сочиненіе дурно; однакожъ критика должна выбирать слова, и употреблять ихъ съ крайнею осторожностію; всему есть границы (стран. 315)?" Какая розница!

Такъ конечно: Издатель Московскаго Меркурія *зналъ*, какъ должно писать рецензію (стран. 315), и въ критикѣ на книгу: *О старомъ и новомъ слогѣ*, доказалъ, что онъ зналъ многое; *хотѣлъ*, но не могъ выполнить всѣ свои обязанности (стран. 315), потому что никто не

можетъ исполнить всѣхъ своихъ обязанностей; желалъ искренне успѣховъ отечественной Литтературѣ и, что всего важнѣе, всего безцѣннѣе, былъ доброй, чувствительной и любезной человѣкъ!... Священныя права на общее сожалѣніе!...

„Что прибыли,“ говорилъ Аристидъ, „въ дарованіяхъ и славѣ?.. *Былъ и нѣтъ!*“... Горестная истина!...

Смерть, жестокая, неумолимая, закрыла глаза твои, о Макаровъ! такъ рано (*)! похитила тебя у друзей такъ внезапно!... Кто принялъ послѣдній вздохъ твой? кто облегчилъ для тебя сей ужасный переходъ отъ жизни къ тлѣнію?... Ахъ! ежели когда нибудь судьба приведетъ меня въ страну, гдѣ холодныя руки опустили тебя въ могилу, я поспѣшу къ ней съ тѣми чувствами, съ которыми теперь благословляю память твою!.... Покойся въ пристани вѣрной и единственной!

К. Ш — въ.

(*) Онъ умеръ тридцати девяти или сорока лѣтъ — на дорогѣ въ Польшу.

IV.

ВОИНА 1803 ГОДА (*),

Поэма въ трехъ Пѣсняхъ.

Начата сія Поэма въ тотъ самой день, въ которой извѣстились жители Московскіе, что миръ, Францїею съ Англїей недавно заключенный, *точно* разрушился, и что — къ неизъяснимому прискорбію всѣхъ истинныхъ друзей человечества — новая война вскорѣ обагритъ моря и сушу кровїю — кровїю людей, сотворенныхъ для щастїя, для взаимныхъ услугъ и одолженїй. Пятое число Іюня 1803 года есть тотъ день, въ которой я прочелъ о томъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ и — началъ мою Поэму. Планъ ея состоитъ въ слѣдующемъ: я описываю въ первой Пѣсни ужасы и бѣдствїя, войною производимыя; а во второй изображу выгоды и благодѣянїя, даруемыя смертнымъ тишиною и спокойствїемъ. Пѣснь третїя заключитъ въ себѣ воззванїе ко всѣмъ народамъ и Владыкамъ ихъ, да потушатъ

(*) Присланная статья.

навсегда пагубнѣйшій огнь убійственныхъ раздоровъ, да престанутъ лить кровь подобныхъ себѣ и да рѣшатъ разпри свои посредничествомъ, и проч. и проч.

Издаю начало важнаго труда моего, не объявляя имени. Буду слушать сужденія знатоковъ въ Литтературѣ — съ отмѣннымъ вниманіемъ. Если сіе начало и расположеніе Поэмы моей удостоятся ихъ вниманія и одобренія, издамъ продолженіе, пойду далѣе, и — многотрудный подвигъ мой окончишь, почту пріятнѣйшею должностію.

* *

Пѣснь первая.

Пой Муза гнѣвъ Небесъ, жестоко раздраженныхъ
Неправдой чадъ земли завистливыхъ, надменныхъ;
Сей гнѣвъ, который вновь строптивый родъ разитъ;
Напасти, пагубы, тьмы бѣдъ въ него стремитъ;
Сей гнѣвъ, отъ коего еще народы страждутъ.
Воскресли Зло, Война — убійствъ и крови жаждутъ!

Поэзія! языкъ всеправящихъ боговъ,
Наставница и мать великихъ тѣхъ Пѣвцовъ,
Которы пѣснію своей смягчали камень,
Въ граниты твердые вдыхали чувства пламень;
Которы звукомъ арфъ плѣняли небеса,
По волѣ двигали и горы и лѣса,
Лютѣйшихъ вепрей, львовъ и тигровъ укрощали;
Въ злодѣйскія сердца любовь къ добру вперяли:
Ты сущихъ въ горести веселыми творишь,
Въ юдолѣ плача рай тобой вкусить велишь;
Поэзія! къ тебѣ я нынѣ обращаюсь;
Тобой, безсмертная, всечтимая, прельщаюсь,
Лечу въ святилище я храма твоего;
Не отжени меня отъ лика своего;
Склони ко мнѣ твой взоръ — и пѣснь моя польется
Какъ быстрый съ горъ потокъ, что съ шумомъ въ долъ несется;
Вниманіе Царей, народовъ привлечетъ. . . .
Воззрѣла . . . и — быстрѣй по жиламъ кровь течетъ,
Восторгъ объемлетъ духъ, пріемлю лиру, строю,
Возвысивъ тонъ — ее печальнымъ крепомъ крою. . . .

Едва лишь грозное то время протекло,
Когда чудовище, изчадье ада, Зло
Европу, Азію и Африку терзало,
Раздоры сѣяло, крамолы возжигало:
Тамъ зрѣлись страшныя убійства, мятежи;
Тамъ брань свирѣпа, тамъ разбои, грабежи,
И десять кратъ земля, вкругъ солнца путь свершая,
Въ крови потопленна, въ огнѣ войны пылая,
Возженномъ яростью, враждой ея сыновъ —
Въ нихъ зрѣла не людей, но лютыхъ тигровъ, львовъ.
Едва моленья тѣхъ, нещастьемъ удрученныхъ,
Напастью общею сугубо огорченныхъ,
Которы ближнихъ всѣхъ желаютъ въ щастьи зрѣть;
И для блаженства ихъ готовы умереть,
Едва лишь сихъ мужей усердныя моленья,
Плодъ сокрушенія души и умиленья,
Сопровождаемы потокомъ жаркихъ слезъ,
Рѣкой ліющихся изъ томныхъ ихъ очесъ,
Къ престолу свѣтлому Всемощнаго достигли,
На буйныхъ кроткій взоръ склонить Его подвигли,
И просвѣтилися надъ ними небеса,
И животворная низпала къ нимъ роса,
И пламя бѣдственныхъ раздоровъ потушила,
И всѣхъ враждующихъ судьба соединила;
Утихли мятежи, война — и люто Зло,
Рыдая, въ пропасти подземны утекло;

Спокойствіе въ градахъ и селахъ появилось,
Что десять лѣтъ въ лѣсахъ, пустыняхъ,
дебряхъ крылось.
Едва сошла съ небесъ на кругъ земной Любовь,
Ведя съ собою Миръ, престала литься кровь,
Настала тишина . . . и се. . . скорбь грудь
стѣсняетъ . . .
Лицо въ слезахъ . . . нѣтъ силъ . . . мой
духъ изнемогаетъ. . . .
Не движется языкъ, безмолвствуютъ уста. . .

Вы, населяющи превыспренни мѣста,
Превыше свѣтлыхъ звѣздъ обители имущи;
Въ чертогахъ вѣчнаго веселія живущи —
О Духи чистые! о Ангелы небесъ!
Зря скорбь сердечную, зря токи горькихъ слезъ,
Утѣшьте слабое творенье! . . . Оживаю!. . .
Опять дышу. . . и пѣснь печальну продолжаю.

И се — достойная сердечной скорби
часть! —
Неистовая къ злу, корысти — смертныхъ
страсть,
Развратъ, нечестіе, надменно буйство, гор-
дость,
Велѣніямъ Небесъ строптива непокорность,
Вновь Благость вѣчную, прогнѣвавъ до конца,
Подвигли вновь карать порочныя сердца.

Неизреченный — взоръ отъ злобныхъ отвращаетъ
И въ бездну новыхъ золъ развратныхъ низвергаетъ:
И пламенны мольбы Его не движутъ духъ,
И гласу страждущихъ Его затворенъ слухъ,
И гнѣвъ Его еще родъ смертныхъ испытуетъ. . . .
Се вновь силъ адскихъ сонмъ безтрепетно бунтуетъ;
Какъ вихри бурные, съ противныхъ странъ стремясь,
И тучами покрывъ всю неба твердь, крутясь,
Колеблютъ горы, понтъ изъ безднъ на сушу гонятъ,
До облакъ зданія взнесенны зыблютъ, клонятъ,
Въ душѣ раждаютъ страхъ, сугубятъ вой и ревъ,
Несчетно множество вѣтвистыхъ, гордыхъ древъ
Подъявъ, изъ нѣдръ земныхъ съ корнями изторгаютъ
И, мнится, въ гнѣвѣ всю вселенну потрясаютъ:
Такъ силы тартара, огнемъ его дыша,
Изъ плѣна мрачнаго изторгнуться спѣша;
Главу и рамена подъемлютъ, въ изступленьѣ
Соединяютъ мощь, усугубляютъ рвенье,
Оковы тяжкія, заклепы крѣпки рвутъ,
Преграды всѣ крушатъ, дно тартара трясутъ. . . .

Се стѣны мѣдяны со сводомъ упадаютъ. . .
Уже чудовища препонъ не обрѣтаютъ!
Свободны ставъ, текутъ, и злобою горя,
Земли достигнувъ, долъ колеблютъ и моря.

Раздоръ, шипящими эхиднами увитый,
Терзающъ самъ себя, злодѣйствами несытый,
Запекшуюся кровь изъ черныхъ устъ точа,
Пылая яростью, зубами скрежеща —
Раздоръ, отецъ вражды всепагубной, зловредной, —
Взоръ огненный и зракъ имѣя мрачный, блѣдной,
Изъ лютыхъ змѣй власы, свирѣпство на челѣ,
Касается главой — небесъ, стопой — землѣ,
Течетъ, какъ вождь, впреди, клеврѣтовъ сонмъ предводитъ,
Воззрѣньемъ душевитъ и въ трепетъ ихъ приводитъ;
Пылающъ пламенникъ въ рукѣ его горитъ,
Раждаетъ смрадный дымъ, тьмы яркихъ искръ стремитъ;
Повсюду сыплются, какъ иніи сверкаютъ,
Падутъ лишь гдѣ, тамъ бѣдъ пожары возжигаютъ.
Во слѣдъ его спѣшатъ безтрепетной ногой:
Изсохша Ненависть, терзаема тоской,
Своекорыстіе, что все своимъ считаетъ,
Которое ни чѣмъ довольно не бываетъ;
Злопамятлива Месть, носяща въ сердцѣ ядъ —
Блеститъ, какъ угль горящъ, ея злодѣйскій взглядъ;

Крамолы, Зависть, Злость, коварны Ухищренья,
Недовѣряющи себѣ самимъ Сомнѣнья,
Гордыня, Клеветы, Обиды и Хулы,
Всѣ несогласіе производящи злы —
Свирѣпаго вокругъ толпятся Исполина:
У всѣхъ, воспламенять огнь брани — цѣль
едина.

* *

V.

СМѢСЬ.

Трудъ, сынъ Нужды, отецъ Здоровья и Удовольствія, жилъ съ дѣтьми своими въ маленькой хижинѣ, построенной на скатѣ горы, весьма далеко отъ города. Они совсѣмъ незнакомы были съ людьми богатыми и знатными, и проводили время въ обществѣ добрыхъ поселянъ сосѣдственной деревни. Наконецъ имъ захотѣлось видѣть свѣтъ; оставивъ друзей своихъ и жилище, они отправились въ дорогу. Трудъ шелъ съ кроткою осанкою; Здоровье живымъ разговоромъ своимъ, веселыми пѣснями облегчало безпокойства путешествія; Удовольствіе помогало отцу идти и безпрестаннымъ смѣхомъ, забав-

ными шутками поощряло своего брата рѣзвиться.

Такимъ образомъ они проходили лѣса, города, деревни; наконецъ пришли въ столицу Королевства. Трудъ совѣтовалъ дѣтямъ своимъ какъ можно беречься, чтобы не потерять его изъ вида, потому что, по предсказанію Зевса, отлученіе одного непремѣнно погубитъ всѣхъ троихъ; но рѣзвое Здоровье не послушалось полезнаго наставленія, познакомилось съ Невоздержностію и умерло на одрѣ болѣзни. Удовольствіе, лишившись брата, запуталось въ заманчивыхъ сѣтяхъ коварной Лѣности — и никто не знаетъ, что послѣ съ нимъ сдѣлалось. Трудъ, не могши жить безъ дѣтей своихъ, тщетно вездѣ искалъ ихъ; но Изнеможеніе напало на него, и нещастный скончался въ объятіяхъ Бѣдности.

(Изъ Мод. Жур.)

*

Произшествіе, недавно случившееся въ Парижѣ, должно служить важнымъ урокомъ для ревнивыхъ. Одинъ мужъ съ нѣкоторого времени подозрѣвалъ въ невѣрности жену свою, молодую, прекрасную и въ точности выполняющую законы супружескаго цѣломудрія; онъ приходилъ въ отчаяніе отъ того, что всѣ его спа-

ранія изобличить мнимую преступницу были тщетны. Въ одинъ вечеръ ревнивцу показалось, что слышитъ шумъ въ спальнѣ; прикладываетъ ухо къ дверямъ и удостовѣряется въ справедливости своихъ заключеній. Какое щастіе! какая сладкая надежда отмстить нарушителю своего покоя! Онъ поспѣшно наряжается донъ-Кишотомъ, вооружается съ головы до ногъ, въ бѣшенствѣ кидается въ спальню, ищетъ вездѣ и не находитъ никого, кромѣ жены своей, лишившейся памяти. Съ того времени нещастная повредилась въ умѣ; а мужъ день и ночь оплакиваетъ глупую свою ревнивость.

(*Изъ Пар. Журн.*)

❋

19 го Сентября прошлаго года, въ Венгріи въ городѣ Шолочѣ умеръ ремесленникъ Иванъ Шепъ на 98мъ году своего возраста. Не многіе могутъ похвалиться такимъ многочисленнымъ семействомъ, какимъ окруженъ былъ сей старецъ. Шепъ, женясь въ молодости, имѣлъ отъ перваго брака дѣтей 14, отъ которыхъ родилось внучатъ 82, отъ сихъ правнучатъ 62, а отъ послѣднихъ еще 45 праправнучатъ, всего 203 человѣка. Большая часть изъ сихъ потомковъ отъ Правительства была употреблена для гонки лѣса по рѣкѣ

Дунаю; прочїе достаютъ себѣ пропитанїе отправляя ремесло дровосѣковъ. Вся семья живетъ вмѣстѣ въ особой деревнѣ, называемой *Городомъ Св. Іоанна.*

(*Изъ Монитера.*)

*

Въ Коллегїи города Калькутты, Бенгальской столицы въ Азїи, учатся Восточнымъ языкамъ съ великимъ успѣхомъ. 29го Марта 1803 года были тамъ публичныя прѣнїя на языкахъ Персидскомъ, Бенгальскомъ и Индостанскомъ; сверхъ того юношество испытываемо было въ знанїи языка Персидскаго. Заслужившїе получили награжденїе. Въ Калькуттѣ печатаются многїя книги, которыхъ содержанїе относится къ Восточной Словесности, и въ особенности Грамматики и Словари Персидскїе, Арабскїе, Индїйскїе и Санскритскїе, въ пользу начинающихъ учиться.

Говоря о восточной Словесности, увѣдомимъ нашихъ читателей, что Г. Кнобельсдорфъ, которой, будучи Посланникомъ въ Константинополѣ, принятъ въ Члены Королевской Берлинской Академїи Наукъ, по возвращенїи въ отечество, представилъ сему собранїю двенадцать разныхъ рукописей Персидскихъ. Сей драгоцѣнный подарокъ содержитъ въ себѣ:

1. *Раузаслъ-ал-Сафа*, или великую Исторію Востока, сочиненную славнымъ Историкомъ Миркондомъ въ шести Томахъ; 2. *Зобдъ-Тавари*, избранныя повѣсти; 3. Исторію Софіевъ до Шаха Аббаса; 4. Исторію Шаха Надыра; 5. Два сочиненія славнаго Поэта Джіами, и проч. — Слѣдственно Восточная Литтература не столько бѣдна, какъ вообще мы привыкли о ней думать.

(*Изъ Учен. Арх.*)

❋

Гамбургскій Профессоръ Пальмеръ не давно изобрѣлъ составъ, посредствомъ котораго всѣ возгарающіяся вещи, какъ-то: дерево, бумага, полотно и проч., можно предохранить отъ огня, и даже потушить ихъ, [illegible] случайно загорѣлись. Сей составъ приготовляется изъ извѣстнаго количества сѣры, красной вохры и купороса, изтолченныхъ въ порошокъ. Чтобы предохранить дерево отъ возгоренія, надлежитъ, покрывъ его обыкновеннымъ клеемъ, обсыпать упомянутымъ порошкомъ, высушить и повторить сіе дѣйствіе до трехъ, или четырехъ разъ. Бумагу и полотно, вмѣсто клея, надобно помочить водою, и повторить дѣйствіе только одинъ разъ. Для потушенія загорѣвшихся тѣлъ потребно порошка не болѣе двухъ

унцїй на каждой футъ квадратной. Профессоръ Пальмеръ намѣренъ издать въ свѣтъ подробныя объясненїя о своемъ открытїи и о средствахъ, какъ употреблять его съ пользою даже въ случаѣ большихъ пожаровъ. Въ Декабрѣ мѣсяцѣ прошлаго года въ Вольфенбителѣ сдѣланъ былъ опытъ надъ симъ порошкомъ, и удачное событїе оправдало обѣщанїя изобрѣтателя.

(Изъ Сѣв. Пч.)

ПОЛИТИКА.

I.

Примѣчанія о нынѣшнемъ состояніи военныхъ дѣлъ и о высадкѣ.

Одинъ Политикъ, по видимому просвѣщенный, но пристрастный, въ началѣ нынѣшняго года сказалъ, что „50,000 Англійскихъ солдатъ весьма много сдѣлали бы на твердой землѣ непріятельской, пріобрѣли бы имени Британскому болѣе славы, Государству болѣе безопасности, нежели совершенное пораженіе всѣхъ Консульскихъ Легіоновъ, если бы сіи послѣдніе переправились на берега Англіи.“

Такая увѣренность въ предполагаемыхъ успѣхахъ Англійскаго войска на твердой землѣ, успѣхахъ, обѣщающихъ болѣе пользы, нежели совершенное пораженіе Консульскихъ Легіоновъ, по моему мнѣнію, ничего не доказываетъ, даже въ такомъ случаѣ, естьли бы не Франція была предметомъ высадки; потому что нападеніе на ея границы и берега при нынѣшнемъ разположеніи Французовъ,

при нынѣшнемъ военномъ ихъ устройствѣ, было бы однимъ изъ самыхъ неблагоразумнѣйшихъ поступковъ Англійскаго правительства. Не смотря на то, люди умные и опытные предлагали въ Парламентѣ о высадкѣ. Такъ ослѣпляетъ народная гордость! Отъ Государственнаго Министра до ученика портнаго, никто въ Англіи не сомнѣвается, что 100,000 или 150.000 Французовъ, переправившихся на берега Британскіе, непремѣнно всѣ погибнутъ; напротивъ того каждой увѣренъ — непонятная увѣренность! — что только 50,000 Англичанъ въ состояніи сдѣлать странныя опустошенія во Франціи.

Мое сомнѣніе о важности сего предположенія основывается, кромѣ многихъ другихъ, на одномъ сильномъ доводѣ. Англичане, въ осмнадцатомъ столѣтіи — во время войны за Испанское наслѣдство, и другихъ походовъ даже до Ахенскаго мира, потомъ въ семилѣтнюю войну — на твердой землѣ сражались храбро подъ предводительствомъ Марлборуга и Фердинанда. А потомъ? Разкроемъ Исторію. Что сдѣлали они въ войну Американскую? что сдѣлали они на твердой землѣ во все продолженіе войны револю-

ціонной, на границахъ Франціи, въ Белгіи, внутри Голландіи, сперва защищая сію землю, потомъ воюя противъ нее на берегахъ ея, и проч? Въ Англіи всѣ, отъ большаго до малаго, непрестанно прославляютъ подвиги Египетскіе, потому что завоеваніе Египта было слѣдствіемъ обдуманнаго предпріятія. Разсматривая поступки Генерала Мену, ясно изображенные Генераломъ Ренье, я не вижу, чтобы сіе завоеваніе пріобрѣло Англичанамъ воинскую славу. Правда, они сражались храбро; но обстоятельства споспѣшествовали къ произведенію въ дѣйство того, что не могло случиться другимъ образомъ; Англичане не должны хвалиться тѣмъ, что остатокъ Французскаго войска, [illegible]гшаго подъ бременемъ нещастныхъ произ[illegible]ствій, лишеннаго всего необходимаго, оставленнаго отъ всѣхъ своихъ полководцевъ, не предвидѣвшаго никакой надежды къ своему спасенію — достался въ ихъ руки.

Не льзя судить о семъ дѣлѣ тому, кто не читалъ упомянутыхъ важныхъ извѣстій Генерала Ренье о произшествіяхъ, случившихся въ Египтѣ послѣ отъѣзда Главнокомандующаго Г. Бонапарте. Въ сихъ запискахъ ясно обнаружено, что Генералъ Мену — человѣкъ самый неспособный

къ дѣйствїямъ военнымъ — изъ одного упрямства, умышленно пренебрегъ простыя, благоразумныя средства къ своему защищенїю. Приведемъ нѣкоторые примѣры.

Въ Египтѣ давно знали о скоромъ прибытїи Англичанъ. Мену смѣялся на щетъ сихъ извѣстїй и съ презрѣнїемъ отклонилъ предлагаемую отъ Муратъ-Бея помощь, даже въ то время, когда при появленїи флота Англїйскаго на Абукирской рейдѣ Начальникъ Мамелуковъ вторично вызывался сдѣлать вспоможенїе.

Послѣ взятїя въ полонъ трехъ Англїйскихъ Офицеровъ, посланныхъ для развѣдыванїя на берега при Абукирѣ, не оставалось никакого сомнѣнїя о предполагаемомъ нападенїи со стороны непрїятелей.

Совѣтовали Генералу выслать нѣсколько легкихъ судовъ для наблюденїя непрїятельскихъ разпоряженїй. Мену отвергъ сей совѣтъ.

На берегу не было резервнаго войска для возпрепятствованїя Англичанамъ выходить на землю; въ крѣпостяхъ терпѣли нужду въ провїантѣ, хотя удобно было можно предварительно запасти ихъ съѣстными припасами.

Всѣ обстоятельства требовали отъ Генерала собрать войско въ одно мѣсто и всячески противиться высадкѣ Англичанъ, отъ которой зависѣлъ успѣхъ всего дѣла; ибо Визирь съ Турецкимъ корпусомъ не трогался съ мѣста, напередъ желая знать слѣдствія высадки. Въ столь рѣшительныя минуты, когда отъ соединенія всѣхъ силъ надлежало ожидать желаемаго слѣдствія, Генералъ Мену раздѣлилъ на части свое войско, самъ оставался спокойно въ Киирѣ и далъ Англичанамъ семь дней, въ которые они безпрепятственно выгрузились.

Сіи Историческія черты войны Египетской, засвидѣтельствованныя однимъ изъ опытныхъ Генераловъ, походятъ болѣе на сказку, [illegible] на истину. Слѣдственно я имѣлъ причины, [illegible] тому два года, сказать, что „естьли бы Британское Министерство послало нарочнаго Агента, для управленія поступками, мѣрами и планами Генерала Мену, и тогда не можно было бы надѣяться лучшаго успѣха.“

Изъ того видно, что высадка Англичанъ въ Египтѣ не приноситъ имъ великой славы. При подобныхъ обстоятельствахъ войско Неаполитанское или Португальское сдѣлало бы то же самое;

естьлибъ только захотѣло, а можетъ быть, еще и болѣе, нежели Англичане, которые, кажется, слишкомъ уже тщеславятся своими Египетскими подвигами.

Храбрость Британскихъ морскихъ солдатъ извѣстна цѣлому свѣту; нацїя по справедливости можетъ хвалиться симъ отличїемъ. Но что сухопутныя войска ихъ не могутъ сравниться съ морскими, тому надлежитъ искать причинъ въ неповиновенїи, въ слабой дисциплинѣ, въ нѣкоторыхъ обыкновенїяхъ, господствующихъ въ Англїйскихъ армїяхъ. Порядокъ ведетъ къ побѣдѣ; безпорядокъ влечетъ за собою вредныя слѣдствїя. Горные Шотландцы храбрѣе всѣхъ солдатъ въ Европѣ. Что же сдѣлали они, подъ худымъ управленїемъ, въ продолжительную войну Американскую и еще болѣе продолжительную революцїонную? Угодно ли, чтобы я упомянулъ еще объ одномъ примѣрѣ дѣйствїя безпорядка на армїю? Австрїйская Монархїя имѣетъ такое войско, которое самою Натурою сотворено для побѣдъ, и въ храбрости, въ неустрашимости не уступаетъ никакому ополченїю. Но что сдѣлалось съ сими храбрыми солдатами, во время нещастнаго и страннаго похода, оконченнаго сраженїемъ при Гогенлинденѣ — Австрїйскихъ

Каннахъ? Безпорядокъ былъ причиною сего бѣдствія.

Я могъ бы слишкомъ разпространиться, говоря о семъ предметѣ. Довольно, естьли скажу, что одинъ только строгой порядокъ, которой уже сорокъ лѣтъ не существуетъ въ Англійскомъ войскѣ, могъ бы вдохнуть въ него увѣренность въ несомнительной побѣдѣ, и что не льзя надѣяться, чтобы при высадкѣ Французовъ Англичане сохранили порядокъ, котораго давно уже не видно между ими. Не надобно забывать, что здѣсь говорится о минутахъ рѣшительныхъ и критическихъ, въ которыя многочисленныя толпы вооруженныхъ, разсыпанныхъ на большомъ пространствѣ, не пріобыкшихъ къ войнѣ людей, должны подкрѣплять одна другую и дѣйствовать въ совершенномъ согласіи. Въ самомъ дѣлѣ, управлять сими толпами во время ужаса и замѣшательства трудно было бы самому Цезарю и Фридерику; отъ однихъ солдатъ такихъ, изъ которыхъ состояли легіоны великаго Римлянина и полки Короля Прусскаго, можно бы ожидать щастливаго успѣха.

За симъ разсужденіемъ слѣдуетъ искреннее желаніе, чтобы Британцы высадкою Французовъ на ихъ берега не

были принуждены подвергаться опыту великому и опасному, при которомъ не помогутъ ни ихъ мужество, ни патріотизмъ, ни народная гордость, ни деньги, ниже все вмѣстѣ.

Сколь ни маловажнымъ кажется то или другое мнѣніе о великомъ политическомъ предметѣ, объявляемое человѣкомъ частнымъ, не занимающимъ важной должности государственной; однакожъ Историческому Журналисту, не незнакомому съ главными произшествіями, позволяется сказать свои мысли; онъ даже обязанъ это сдѣлать, воздерживаясь отъ прорицаній и основывая сужденія свои на правилахъ твердыхъ и прочныхъ, такъ чтобы послѣ событія — каково бы впрочемъ оно ни было — онъ могъ не стыдясь, повторить слова свои.

Осмѣливаюсь въ коротокихъ словахъ сказать мои мысли о важномъ спорѣ, занимающемъ теперь Европу, и о которомъ мнѣнія столь различны.

Предпримутъ ли Французы высадку, или нѣтъ? Какое она будетъ имѣть слѣдствіе? — Естьли спросите о томъ Французскаго солдата, то получите въ отвѣтъ, что онъ уже назначилъ для себя квартиру въ Лондонѣ; напротивъ того Англичанинъ скажетъ вамъ, что совер-

шенное изтребленїе ста тысячь Французовъ, высаженныхъ на берега Британскїе, неминуемо должно послѣдовать. Духъ пристрастїя, самой ненадежной указатель, не управляетъ перомъ моимъ. Должно съ равнодушїемъ изслѣдовать сїе дѣло, и тогда позволяется сказать свое мнѣнїе. Я свое объявилъ уже въ прежнихъ книжкахъ Минервы, и потому не нахожу нужнымъ здѣсь повторять его, предложу только заключенїе, котораго ничѣмъ не можно опровергнуть.

Имѣю основательные причины думать, что высадка, рано или поздно, непремѣнно предпринята будетъ.

Удачная или неудачная переправа войскъ много зависитъ отъ вѣтра, отъ погоды и отъ другихъ безчисленныхъ обстоятельствъ; слѣдственно нельзя съ достовѣрностїю утверждать, выдутъ ли Французы на берега Англїйскїе. Не смотря на то, удача кажется очень вѣроятною, по слѣдующимъ причинамъ: 1) назадъ тому восемь или девять мѣсяцевъ, Французамъ уже удалось соединить на морѣ въ одинъ пунктъ многочисленную флотилїю — обстоятельство, котораго исполненїе Англичане почитали невозможнымъ; 2) Французы, для произведенїя въ дѣйство

своего предпріятія, ожидаютъ только вѣтра, погоды и другихъ благопріятныхъ обстоятельствъ; отъ нихъ зависитъ назначить часъ отплытія, но равно въ ихъ власти состоитъ отсрочить оное, безъ всякой для себя опасности.

Наконецъ скажу, что естьли дѣйствительно выдутъ на берегъ 100000 человѣкъ; въ такомъ случаѣ одно только несогласіе между Французскими полководцами и крайній безпорядокъ ихъ войска могутъ спасти Англичанъ отъ совершеннаго пораженія, котораго слѣдствія должны имѣть важное вліяніе на весь шаръ земной, на отдаленнѣйшихъ потомковъ.

Кто изъ друзей человѣчества — въ какой странѣ онъ ни находился бы — кто, говорю, изъ друзей человѣчества при настоящемъ положеніи дѣлъ не пожелаетъ отъ всего сердца, чтобы всѣ сіи опасности были отвращены скорымъ, спасительнымъ примиреніемъ?

Архенгольцъ.

II.

Дунканъ, Англійскій Адмиралъ.

Адамъ Лордъ Дунканъ родился въ Дунди, въ Шотландіи, въ 1й день Іюля 1751 года. Онъ произходилъ отъ древней фамиліи, владѣвшей помѣстьемъ Лунди въ Пертскомъ Графствѣ. Адамъ Дунканъ, по смерти старшаго своего брата Полковника Дункана, получилъ въ наслѣдство отцовское имѣніе; приносившее дохода 500 фунтовъ стерлинговъ.

Родители Лорда Дункана воспитали его для морской службы. 25го Февраля 1761 года онъ произведенъ въ Капитаны и пользовался отличною благосклонностію славнаго Адмирала Кеппеля, которой выбралъ его къ себѣ флаговымъ Капитаномъ. Лордъ Дунканъ начальствовалъ на кораблѣ Бленгеймѣ при доставленіи запасовъ въ Гибралтарскую крѣпость, а при взятіи Гаваны служилъ на кораблѣ Лорда Кеппеля. Послѣ Уессантскаго сраженія, онъ назначенъ былъ Членомъ Военнаго Совѣта, учрежденнаго для изслѣдованія поступковъ упомянутаго Адмирала, къ которому сохранилъ искреннѣйшую преданность до самой его смерти.

Въ 1787мъ году Лордъ Дунканъ пожалованъ Контръ-Адмираломъ, въ 1793мъ Вице-Адмираломъ, а въ 1795мъ Адмираломъ синяго флага, по старшинству службы.

Женитьба на племянницѣ Г. Дондаса, нынѣшняго Лорда Мельвиля, перваго Лорда Адмиралтейской Коллегіи, доставила ему начальство надъ станціею на Сѣверномъ морѣ, а побѣда при Кампердовнѣ оправдала выборъ Лорда Мельвиля, которымъ онъ удостоилъ своего зятя.

Когда въ 1796мъ году Лордъ Дунканъ принялъ на себя начальство надъ флотомъ въ Сѣверномъ морѣ, Французское Правительство занималось приготовленіями для нападенія на Ирландію. Въ продолженіе жестокой зимы, при всѣхъ неудобствахъ труднаго похода, нещастное произшествіе едва не привело къ отчаянію всѣхъ друзей Великобриттаніи; но мужество Націи и мѣры Правительства отвратили пагубное дѣйствіе онаго. На всѣхъ Королевскихъ флотахъ въ одно время обнаружилось возмущеніе; подчиненные Лорда Дункана взяли участіе въ мятежѣ; но матросы, искренно преданные своему Государю и начальнику, не дали разпространиться сему пламени.

Въ теченіе цѣлой зимы Лордъ Дунканъ держалъ въ осадѣ Голландскія гавани, и своимъ благоразуміемъ, своею неусыпностію возпрепятствовалъ Голландской эскадрѣ соединиться съ Французскимъ флотомъ, назначеннымъ для высадки въ Ирландіи. Флотъ его, состоявшій только изъ трехъ корабле́й, находился передъ Текселемъ, когда открылось на немъ возмущеніе.

Достойна примѣчанія рѣчь, которую почтенный Адмиралъ въ 3й день Іюня 1797го года произнесъ къ своимъ подчиненнымъ. Собравъ матросовъ, онъ говорилъ къ нимъ слѣдующее:

„Друзья! я собралъ васъ здѣсь, будучи крайне огорченъ произшествіемъ, случившимся между морскими служителями нашего флота; люди неблагонамѣренные виною такихъ поступковъ, ибо никто не имѣетъ причины жаловаться. Я никогда не думалъ, никогда не почиталъ возможнымъ, чтобы Англійскому Адмиралу, имѣющему непріятеля въ виду, могло случиться видѣть себя оставленнымъ отъ своихъ подчиненныхъ. Но сердце мое утѣшается вѣрностію Офицеровъ, матросовъ и солдатъ моего корабля, которые помогли мнѣ обуздать непокорныхъ; прошу васъ принять отъ

меня искреннѣйшую благодарность, живѣйшую признательность за ваше усердіе."

„Ласкаюсь надеждою, что вашъ примѣръ много поможетъ привести заблужденныхъ къ чувству ихъ должности въ разсужденіи Государя и отечества. Флотъ Англійскій всегда былъ защитою вольности, которую мы получили отъ своихъ предковъ, и которую обязаны сохранить для нашего потомства; сего можемъ надѣяться только отъ нашего повиновенія и единодушія."

„Всѣ тѣ, которые отличились вѣрностію и благоразумнымъ поведеніемъ заслужили вниманіе своихъ соотечественниковъ, имѣютъ право на ихъ признательность и безъ сомнѣнія получатъ изъявленіе оной. Собственныя ваши сердца уже воздаютъ вамъ сладкую награду, которая не извѣстна людямъ, преступившимъ границы своей должности."

„Часто я возносился духомъ, видя себя вмѣстѣ съ вами передъ непріятелемъ, которой не смѣлъ вступить съ нами въ сраженіе. Теперь унижено мое высокомѣріе. Душа моя утѣснена подъ бременемъ неизъяснимымъ. Безъ сомнѣнія Провидѣнію угодно было испытать насъ; надѣюсь, что сіе наставленіе послужитъ въ нашу пользу. Возложимъ упованіе на

Того, отъ Котораго зависитъ наше спасенїе."

„Между нами много людей вѣрныхъ. Имѣю великую довѣренность къ служителямъ моего корабля, и вторично изъявляю имъ мое удовольствїе за похвальное поведенїе. Творецъ всемогущїй, удержавшїй васъ въ предѣлахъ должности, да подкрѣпитъ васъ въ добромъ намѣренїи. Флотъ Англїйскїй, слава и опора отечества, да возвратитъ ему прежнюю силу и могущество, да будетъ не только защитою Великобриттаннїи, но ужасомъ цѣлаго свѣта! Однимъ только послушанїемъ можемъ достигнуть сей вожделѣнной цѣли. Станемъ просить всеблагаго Бога, да ведетъ насъ десница Его по стезѣ нашей должности! Его благословенїе да будетъ съ вами."

Сїя Рѣчь сдѣлала глубокое впечатлѣнїе въ подчиненныхъ. Скоро потушено пламя возмущенїя, и Адмиралъ возвратился на свою станцїю къ берегамъ Голландскимъ. Послѣ долговременныхъ разъѣздовъ передъ устьемъ Текселя, откуда Голландскому флоту надлежало выттти для соединенїя съ Французами и для предпринятїя вмѣстѣ съ ними высадки въ Ирландїи; Лордъ Дунканъ увидѣлъ себя принужденнымъ возвратиться въ

Ярмутъ для починки кораблей своихъ. Сїе обстоятельство подало способы Адмиралу Винтеру покуситься на отплытїе отъ береговъ Голландскихъ. Для наблюденїя непрїятельскихъ движенїй, Лордъ Дунканъ оставилъ Капитана Сира Г. Троллопа съ нѣсколькими кораблями. Сей Офицеръ немедленно отправилъ нарочное судно къ Адмиралу Дункану для извѣщенїя его объ отплытїи непрїятеля. Адмиралъ, не теряя ни минуты, 11го Октября по утру оставилъ Ярмутскую рейду, поспѣшилъ соединиться съ наблюдательною эскадрою Капитана Троллопа и поплылъ на встрѣчу непрїятелю.

Лордъ Дунканъ, слѣдуя внушенїю благоразумїя, занявъ положенїе между берегомъ и флотомъ непрїятельскимъ, заперъ входъ въ Тексель. Въ пяти миляхъ отъ берега, между Кампердовномъ и Эгмонтомъ, началось сраженїе. Корабль Адмирала Дункана, пробившись сквозь непрїятельскую линїю, сцѣпился съ кораблемъ Адмирала Винтера, которой послѣ сопротивленїя долговременнаго, славнаго въ лѣтописяхъ мореходства, напослѣдокъ принужденъ былъ сдашься. При семъ сраженїи Англичане овладѣли осмью кораблями, изъ которыхъ на двухъ развѣвались Адмиральскїе флаги. Главнокоман-

дующій Голландскимъ флотомъ достался въ плѣнъ побѣдителямъ.

Разсуждая о годовомъ времени, въ которое произходило сіе сраженіе, о силахъ непріятеля, объ опасности начинать дѣло въ такомъ отдаленіи отъ береговъ своихъ, не льзя не признаться, что сія побѣда принадлежитъ къ самымъ блистательнымъ, какими только Англійскіе флоты могутъ похвалиться.

Правительство и народъ почувствовали всю важность сей побѣды, разрушившей замыслы непріятельскіе, въ разсужденіи нашествія на Ирландію, въ которой оказывалось уже возмущеніе. Спустя десять дней послѣ побѣды, 21го Октября Адмиралъ Дунканъ наименованъ Лордомъ Кампердовнскимъ и Барономъ Лундійскимъ. Потомъ, 8го Ноября, онъ былъ введенъ въ Верхній Парламентъ, гдѣ Лордъ Канцлеръ отъ имени Членовъ благодарилъ его, и вмѣстѣ поздравлялъ съ новою почестію, съ новыми заслугами, защитившими владѣнія Его Величества отъ опасности, которою угрожали дерскіе непріятели.

Побѣдителю при Кампердовнѣ Парламентъ опредѣлилъ 2000 фунтовъ стерлинговъ ежегоднаго пансіона.

Лордъ Дунканъ имѣлъ ростъ весьма высокій, а именно 6 Англійскихъ футовъ и 3 дюйма. Онъ былъ стройнаго стана; на лицѣ его изображались умъ и доброта сердца. Во всю жизнь свою онъ былъ добрый отецъ, вѣрный другъ, и отличался нравомъ кроткимъ и снизходительнымъ.

Послѣ сраженія при Кампердовнѣ, онъ собралъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ, сталъ впереди ихъ, бросился на колѣна и съ живѣйшимъ чувствомъ произнесъ торжественную молитву предъ Богомъ, даровавшимъ сію побѣду. Плѣнный Адмиралъ Голландскій былъ крайне тронутъ симъ поступкомъ. Адмиралъ Дунканъ набожностію своею не меньшее возбудилъ почтеніе къ себѣ и удивленіе въ присутствовавшихъ въ церкви Св. Павла при отправленіи торжественнаго благодаренія за одержанную побѣду.

Великія заслуги Адмирала Дункана пріобрѣли ему нелицемѣрное уваженіе не только въ Англіи, но и въ другихъ земляхъ. ПАВЕЛЪ I пожаловалъ его Кавалеромъ Ордена Св. Александра Невскаго. — Дунканъ умеръ 4го Августа текущаго года, отъ боли въ желудкѣ, на дорогѣ, ѣдучи въ Эдинбургъ. Послѣ него остались три сына и пять дочерей.

Сїе краткое изображенїе славной жизни доставитъ размышляющему читателю болѣе причинъ удивляться, нежели блестящїя фразы Риторовъ, которые часто весьма посредственное и обыкновенное представляютъ яркими красками, а истинное достоинство изаишними похвалами обезображиваютъ.

(*Изъ Нѣм. Журн.*)

III.

Извѣстія и замѣчанія.

Король Прусскїй, въ качествѣ Директора Нижне-Саксонскаго Округа и Поручителя за цѣлость Имперской Конституцїи, въ Нотѣ, представленной Французскому Правительству, объявивъ, что арестованїемъ Англїйскаго Министра Сира Жоржа Румбольта нарушено право народное, настоятельно требовалъ, чтобы онъ былъ освобожденъ немедленно. Г. Бонапарте удовлетворилъ желанїе Его Прусскаго Величества, однакожъ удержалъ у себя всѣ дипломатическїя бумаги сего Министра. Г. Румбольтъ, къ крайнему удовольствїю Англїйскаго народа, прибылъ уже въ свое отечество. Между тѣмъ Король Англїй-

скій разослалъ окружную Ноту ко всѣмъ Посламъ своимъ, находящимся при Дворахъ чужестранныхъ, въ которой изображенъ сей неслыханный поступокъ самыми яркими красками. Надобно надѣяться, что наконецъ Германія пробудится отъ своего усыпленія, увидитъ угрожающую ей опасность и почувствуетъ свое достоинство. Стоитъ только рѣшиться; еще есть время свергнуть съ себя постыдное иго зависимости. Нынѣшнія обстоятельства подаютъ самой вѣрной способъ къ укрѣпленію ослабѣвшаго союза. Сильное вліяніе Россіи вездѣ противуполагаетъ преграду властолюбію Французскаго правительства; Оттоманская Порта, не смотря ни на выгодныя обѣщанія Маршала Брюна, ни на его угрозы, отреклась признать Гна. Бонапарте въ новомъ его достоинствѣ. По послѣднимъ извѣстіямъ, полученнымъ изъ Константинополя, видно, что Французской Посланникъ дѣйствительно выѣхалъ изъ сей столицы. Министерство Англійское и народъ ощутили живѣйшую радость по случаю примиренія Его Величества съ Принцемъ Валлійскимъ, Наслѣдникомъ Престола. Надѣются, что частыя свиданія и переговоры между обѣими высокими Особами произведутъ щастливое дѣйствіе во инѣ-

нїяхъ, и перемѣнять расположенїе Европейскихъ Кабинетовъ, которые, видя явное сношенїе Принца съ людьми неблагопрїятствующими Министерству, заключали, что онъ столько же доброхотствуетъ Англїи, какъ Г. Бонапарте. Слѣдствїя сего произшествїя безъ сомнѣнїя должны быть весьма важны; время оправдаетъ сїю догадку.

Нѣкоторые Журналисты отсрочку засѣданїй Парламента до 3го Генваря приписываютъ тому, будто Г. Питтъ боится Оппозицїи, которая со времени послѣдняго засѣданїя знатно усилилась. Но Г. Питтъ въ продолженїе семнадцатилѣтняго своего правленїя показалъ предъ Европою, что онъ не имѣетъ причины болѣться; его дарованїя и мужественная твердость предотвратили опасности, угрожавшїя Англїи и многимъ другимъ Державамъ. Англїя обязана Гну. Питту славою своею, благоденствїемъ, которымъ она наслаждается на обѣихъ половинахъ земнаго шара между развалинами, свидѣтельствующими бѣдствїя другихъ Государствъ. Нѣтъ сомнѣнїя, что Конституцїя и духъ народный суть основанїя Британскаго величїя; но Генїй Министра указываетъ на пособїя первой и управляетъ дѣйствїями послѣдняго.

*

Святый Отецъ, передъ отъѣздомъ изъ Рима, въ Тайной Консисторіи произнесъ къ Кардиналамъ на Латинскомъ языкѣ Рѣчь, въ которой предложилъ главныя причины, побуждающія его предпринять путешествіе въ Парижъ для коронованія Гна. Бонапарте, и объявилъ волю свою, относительно до управленія Области въ его отсутствіе. Выѣхавъ 2го Ноября, во многихъ городахъ на пути онъ раздавалъ народу благословеніе святительское, во Флоренціи гостилъ у Этрурійской Королевы - Правительницы, совершилъ таинство Конфирмаціи надъ малолѣтнымъ Королемъ; наконецъ 25го Ноября прибылъ въ Фонтенебло, гдѣ встрѣченъ былъ самимъ Гм. Бонапарте и его супругою. Наши читатели найдутъ въ Вѣдомостяхъ подробное описаніе взаимныхъ церемоніальныхъ посѣщеній и другихъ обстоятельствъ, относящихся до угощенія Святаго Отца. Мы предоставляемъ себѣ только сказать, что самое коронованіе должно совершиться во 2й день Декабря мѣсяца. Замѣтимъ, что между тѣмъ, какъ дѣлаются пышныя приготовленія къ торжеству, можетъ быть, единственному въ лѣтописяхъ міра, между тѣмъ, какъ Понтифексъ Римскій

готовится увѣнчать дїадимою чело Гна. Бонапарте, — онъ неутомимо занимается новыми планами. Голландскїй Посланникъ, Г. Шиммелпеннинкъ, весьма часто совѣтуется съ нимъ о составленїи новой Конституцїи; Вице-Президентъ Италїанской Республики, ѣдущїй въ Парижъ къ коронацїи, вѣроятно услышитъ рѣшительной приговоръ о судьбѣ своего отечества. Какая была причина путешествїя въ Майнцъ, естьли не намѣренїе мало по малу прїучить Французовъ къ Царской пышности, и въ то же время обонять ѳимїамъ, возкуренный благоговѣнїемъ Нѣмецкихъ Государей? Курфирстъ Архиканцлеръ прибылъ *въ Парижъ для приведенїя въ порядокъ дѣлъ Нѣмецкаго Конкордата*; Князья Имперїи и Депутацїи вольныхъ городовъ съѣзжаются *въ Парижъ для разбиранїя дѣлъ духовныхъ и гражданскихъ.* Естьли прибавить еще, что Французскїя газеты называютъ Франца II го не иначе, какъ просто *Австрїйскимъ* Императоромъ, то само собою открывается, что Г. Бонапарте имѣетъ какїе-то виды на Римскую или Нѣмецкую Имперїю.

*

Моровая зараза въ Маллагѣ, Аликантѣ, Картагенѣ, Кадиксѣ и другихъ городахъ Испанскихъ прекращается. За

то появившаяся въ Ливорнѣ желтая лихорадка свирѣпствуетъ со всею жестокостїю и похищаетъ множество народа. Болѣе 15,000 жителей разбѣжались изъ города; Французскїй гарнизонъ также вышелъ въ Пизу.

Генералъ Моро, живущїй уединенно въ окрестностяхъ Кадикса, благополучно избавился отъ общаго бѣдствїя. Его путешествїе въ Америку отложено до будущей весны. Пишутъ изъ Кадикса, что сей нещастный Генералъ съ рѣдкою твердостїю сноситъ судьбу свою и въ разговорахъ наблюдаетъ отмѣнную кротость, чѣмъ прїобрѣлъ себѣ великое уваженїе отъ немногихъ людей, которые имѣютъ щастїе пользоваться его обхожденїемъ.

*

Сербїю должно почитать провинцїею, потерянною для Турецкаго Султана. Черный Георгъ предложилъ Бекиру-Пашѣ *условїя*, на которыхъ соглашается онъ признать зависимость свою отъ Порты Оттоманской; но сїи условїя суть не иное что, какъ средство утвердить свою свободу при первомъ удобномъ случаѣ. — Безпокойства въ Ромелїи, по видимому, прекратились; но въ Азїи Измаилъ Паша часъ отъ часу болѣе усиливается.

Сей бунтовщикъ владѣетъ Акрою и не боится Ибрагима, Паши Турецкаго, котораго онъ разбилъ, сдѣлавъ высадку изъ города. Сынъ Ибрагима не лучшій имѣлъ успѣхъ въ Алеппѣ, гдѣ онъ хотѣлъ разположиться по волѣ Правительства.

*

Въ Американскихъ газетахъ напечатано, что Дессалинъ, Начальникъ Негровъ острова Сен-Доминго, объявилъ себя Гаитскимъ Императоромъ, что Генералы его, Клерво и Христофъ, подписали прокламацію о семъ новомъ достоинствѣ, что Дессалинъ идетъ къ городу Санто-Доминго и непремѣнно рѣшился завладѣть всѣмъ островомъ. — Напротивъ того въ Западной Флоридѣ одинъ смѣльчакъ, по имени Кеттеръ, собравъ немногочисленную шайку сообщниковъ, вооружился противъ Испанскаго правительства. Прокламація, въ которой онъ объявляетъ себя независимымъ, написана въ духѣ Якобинскомъ и дышетъ *вольностію и равенствомъ*. То и другое есть подражаніе кукольной игрѣ, которою Французы забавляютъ Европу.

*

Въ Лозаннской газетѣ помѣщена слѣдующая статья: „Мы были свидѣтелями рѣдкаго примѣра любви супружеской,

которымъ оправдывается басня о Филемонѣ и Бавкидѣ. На мызѣ, не далеко отъ здѣшняго города, въ нѣдрѣ сельскаго щастія, жила престарѣлая чета супруговъ. Мужъ, страждущій отъ болѣзни, чувствуя приближеніе кончины, прощался съ подругою своея жизни; жена, терзаемая тоскою и отчаяніемъ, увѣряетъ его, что не переживетъ ни одного дня послѣ его смерти. Старикъ скоро потомъ умеръ. Неутѣшная супруга ложится подлѣ бездушнаго трупа, рыдаетъ, призываетъ смерть и, по прошествіи получаса, умолкаетъ — и навѣки. Оба они положены въ одной могилѣ.

Конецъ XVIII Части.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ОСМНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

НОЯБРЬ. No 21.

Стран.

I. *Двойни, или нѣжная дружба двухъ сестеръ.* (Окончаніе.) - 3
II. *Нѣчто о самолюбіи.* - - 33
III. *Любопытная выписка изъ Химіи Гиа. Лавуазье.* - - 41
IV. *Свѣтъ. Переводъ.* - - 56
V. *Эпиграммы.* - - 58
VI. *Смѣсь.* - - - —
VII. *Первые годы Царствованія АЛЕКСАНДРА I.* - - 64
VIII. *Письмо изъ Таганрога.* - 73
IX. *Статистическія извѣстія о нынѣшнемъ состояніи Франціи.* 76
X. *Извѣстія и замѣчанія.* - 28

НОЯБРЬ. No 22.

I. *О воображеніи.* - - 89
II. *Еврейская Ода.* - - 96
III. *Письмо къ Издателю Парижскаго Моднаго Журнала.* - 99
IV. *Руская медаль.* - - 105

Стран.

V. Принцесса служанка и Графиня молошница. - - 113
VI. Объ огненномъ изверженіи близъ Фанагоріи. - - 118
VII. Мнѣніе Фонтенеля о возможности путешествовать на Луну. - 122
VIII. О древнихъ Римскихъ монетахъ, найденныхъ въ Ахтырскомъ уѣздѣ. - - - 127
IX. Гордость. - - - 130
X. Смѣсь. - - - 138
XI. Марты. - - - 144
XII. Генералъ Гамильтонъ. - 158
XIII. Статистическія извѣстія о нынѣшнемъ состояніи Испаніи. 161
XIV. Извѣстія и замѣчанія. - 166

ДЕКАБРЬ. No 23.

I. Баронъ Фламинъ, или страсть къ титуламъ. Повѣсть А. Лафонтена. - - - 177
II. Мытищинской водоводъ. - - 213
III. Смѣсь. - - - 229
IV. Парижскія Моды. - - 235
V. Нота, поданная отъ Россійскаго Повѣреннаго въ дѣлахъ Французскому Министру иностранныхъ дѣлъ. - - 239
VI. Извѣстія и замѣчанія. - 249

Стран.

ДЕКАБРЬ. No 24.

I. Продолженіе краткаго начертанія Сибирской Исторіи. - 259
II. Нѣкоторыя черты изъ жизни Фридерика Великаго. - 281
III. Нѣчто о П. И. Макаровѣ. - 293
IV. Война 1803 года, Поэма въ трехъ Пѣсняхъ. - - 300
V. Смѣсь. - - - 307
VI. Примѣчанія о нынѣшнемъ состояніи военныхъ дѣлъ и о выкладкѣ. - - - 313
VII. Дунканъ, Англійскій Адмиралъ. 323
VIII. Извѣстія и замѣчанія. - 331

ОШИБКИ.

Напечатано:				*Поправить должно.*
Часть	стран.	строк.		
XVI.	47	5	строгаго	
			испязанія	наказанія
	283	12	сказанъ	сказалъ
XVII	235	27	*Вечерняя*	*Утренняя*
XVIII	107	6	двое именъ	два имени.